

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
РОССИИ**

2 - 1 4

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА
В ПОИСКАХ МОДЕЛИ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ:
ВОЗМОЖНОСТИ
ДЛЯ РОССИИ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**МОСКВА
2014**

УДК 332(470+571)
ББК 65.9(2Рос)
Э 40

**Центр социальных научно-информационных
исследований**

Отдел экономики

Редакционная коллегия:

Н.А. Макашева – д-р экон. наук, председатель,
Г.В. Семеко – канд. экон. наук, зам. председателя,
В.С. Автономов – чл.-кор. РАН,
Н.И. Иванова – академик РАН,
Е.В. Виноградова – канд. экон. наук

Редактор-составитель выпуска –
канд. экон. наук *Б.Г. Ивановский*

Экономические и социальные проблемы России:
Э 40 Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ.
исслед. Отд. экономики; Ред. кол.: Макашева Н.А., гл. ред.,
и др. – М., 2014. – **№ 2: Мировая экономика в поис-
ках модели устойчивого развития: Возможности для
России** / Ред.-сост. вып. Ивановский Б.Г. – 154 с.

В сборнике рассматриваются сущность и содержание понятия «устойчивое развитие», анализируются концепции и модели устойчивого развития, объединяющие экономический, социальный и экологический аспекты. Особое внимание уделяется исследованию факторов устойчивого развития. Определяются возможности использования существующих концепций и моделей при выработке стратегии развития российской экономики.

Для представителей исполнительной и законодательной власти, научных работников, преподавателей высших учебных заведений, аспирантов и студентов.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

УДК 332(470+571)
ББК 65.9(2Рос)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
<i>Б.Г. Ивановский. Устойчивое развитие: Миф или будущее цивилизации?</i>	10
<i>И.Г. Минервин. Современный капитализм и государство: Модели взаимодействия</i>	39
<i>Е.Е. Луцкая. Новые модели устойчивого и всеобъемлющего развития</i>	72
<i>О.Н. Пряжникова. Социальная и солидарная экономика: Возможности для устойчивого развития</i>	86
<i>М.А. Положихина. Концепция устойчивого развития России</i>	108
<i>С.С. Костяев. Проблемы устойчивого развития американской системы здравоохранения</i>	126
<i>Е.А. Пехтерева. Страхование вкладов и поддержание стабильности финансовой системы России. (Обзор)</i>	141

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время ученые, общественные деятели и политики все большее внимание уделяют проблемам устойчивого развития, которые отражают суть противоречий между современной жизнедеятельностью человека и природой.

Еще в 20–30-х годах XX столетия русский академик В.И. Вернадский пришел к выводу, что разум человека превращается в основную геологообразующую силу и, как следствие, люди должны принять на себя ответственность за будущее природы. По его словам, под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – в ноосферу. Но только лишь в 70-е годы XX в., когда резко обострились экологические проблемы, встала задача осмысления сложившейся ситуации и разработки принципиально новых концепций развития во всемирном масштабе. Поэтому переход на новую стратегию, получившую название модели устойчивого развития, стал естественной реакцией мирового сообщества, стремящегося к своему выживанию.

В 1972 г. в Стокгольме состоялась Конференция ООН, результатом которой стало создание Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП). Впервые на столь высоком уровне прозвучала мысль, что окружающую среду и развитие цивилизации нельзя рассматривать отдельно, они неотделимы друг от друга, поскольку проблемы цивилизации напрямую связаны с экологическим неблагополучием. Проведение конференции и создание ЮНЕП ознаменовали включение международного сообщества в решение проблем защиты окружающей среды на государственном уровне. Появились и стали развиваться такие институты, как экологическая политика и дипломатия, право окружающей среды, возникли министерства и ведомства по окружающей среде.

По инициативе Генерального секретаря ООН в 1984 г. была создана Международная комиссия по окружающей среде и разви-

тию, которую возглавила премьер-министр Норвегии Гру Харлем Брундтланд. В задачи комиссии входила, в частности, выработка предложений долгосрочных стратегий, а также рассмотрение способов и средств, с использованием которых мировое сообщество смогло бы эффективно решать проблемы окружающей среды. Важной вехой в разработке концепции устойчивого развития стало опубликование доклада «Наше общее будущее», представленного комиссией в 1987 г. Именно в тексте этого доклада впервые появился сам термин «sustainable development», который был переведен в СССР на русский язык как «устойчивое развитие»¹ и понимался как модель движения вперед, при которой достигается удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения людей без лишения будущих поколений такой возможности. Это определение устойчивого развития широко принято как наименее спорное из всех, однако оно скорее отражает стратегическую цель, чем указывает конкретный путь для практических действий.

Неудивительно, что именно поэтому многие авторы предложили свои варианты, пытаясь найти определение, которое было бы удобным в практической деятельности. Понятие «устойчивое развитие» имеет в настоящее время множество определений (более 100) и, по-видимому, их число будет увеличиваться, поскольку продолжается процесс осознания будущего развития, которое в принципе неопределенно и многовариантно. Проблемам, связанным с формированием концепции устойчивого развития, его сущности и факторам, посвящен обзор «Концепция устойчивого развития: Миф или будущее цивилизации» (Б.Г. Ивановский)

Концепция устойчивого развития общества была принята на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, состоявшейся в июне 1992 г. в г. Рио-де-Жанейро на уровне глав государств и правительств. Сегодня эта концепция стала наиболее известной и даже модной глобальной моделью будущего мировой цивилизации. Конференция 1992 г. констатировала невозможность движения развивающихся стран по тому пути, которым пришли к своему благополучию развитые страны. Эта модель признана ведущей к катастрофе и в связи с этим провозглашена необходимость перехода мирового сообщества к модели развития, обеспечивающего высокое качество жизни для людей нынешнего и будущих поко-

¹ Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / Под ред. Евтеева С.А., Перелета Р.А. – М.: Прогресс, 1989. – 376 с.

лений. Принятая на конференции Декларация насчитывает 27 пунктов-«принципов». В ней определяется центральное место людей в устойчивом развитии, т.е. его антропоцентрическая направленность, подчеркивается, что гарантом обеспечения должного качества окружающей природной среды является государство. Устанавливается необходимость взаимоувязки целей социально-экономического развития, включая борьбу с бедностью, с целями сохранения окружающей среды для нынешних и будущих поколений. В Декларации подчеркивается важная роль межгосударственного сотрудничества в области охраны окружающей среды, включая проведение политики производства и потребления, демографических процессов, достижения экономического роста, а также отмечается особая ответственность развитых стран за состояние окружающей среды.

На этом саммите был принят ряд важных документов: Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию, Рамочная конвенция ООН об изменении климата, Конвенция ООН о биологическом разнообразии, «Повестка дня на XXI век (Программа 21)» и др. В документах Конференции ООН правительству каждой страны предлагалось разработать и утвердить свою национальную стратегию устойчивого развития. В России представления об устойчивом развитии получили широкое распространение сразу же после окончания работы саммита в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Благодаря академику В.А. Коптюгу материалы Рио-92 стали идейной основой «концепции перехода России на модели устойчивого развития»¹.

Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию была представлена Правительством РФ и утверждена Указом Президента РФ № 440 от 1 апреля 1996 г. Вместе с тем эта концепция до сих пор носит лишь декларативный характер, поскольку не созданы условия для перехода экономики России на путь устойчивого развития (низкие темпы роста экономики и уровня жизни, сохранение модели ресурсоемкого производства, недостаточная диверсификация экономики, сохранение неэффективного технологического уклада, недостаточное развитие институтов гражданского общества и модели государственного управления хозяйством, слабое развитие среднего и малого бизнеса и т.д. Проблеме перехода России на путь устойчивого развития посвящена

¹ Поздняков А.В. Проблемы цивилизации и устойчивое развитие. – Режим доступа: http://www.ihst.ru/~biosphere/Mag_3/pozdnyakov.htm

статья М.А. Положихиной «Концепция устойчивого развития в отечественной теории и практике государственного управления».

В июне 2012 г. в Рио-де-Жанейро (Бразилия) прошла очередная Конференция ООН по устойчивому развитию Рио+20, в которой приняли участие 135 глав государств и правительств. На конференции было отмечено, что на подготовку форума в значительной степени оказал влияние мировой финансово-экономический кризис. По словам председателя конференции, президента Бразилии Дилмы Русеф, «цена бездействия сегодня выше цены шагов во имя будущего». Участники саммита подвели итог 20-летней работы, а также обсудили проблемы «зеленой» экономики, устойчивого развития и искоренения бедности.

Сегодня многие ученые характеризуют современные отношения человека и природы как антропогенный экоцид – разрушение людьми естественной среды обитания, в том числе и условий собственного существования. Так, например, по данным ЮНЕСКО, за исторический период человечество уже потеряло около 2 млрд гектаров некогда плодородных почв, превратив их в бесплодные пустоши – а ведь это больше всей совокупной площади, используемой сегодня в мире в сельскохозяйственных целях. Загрязнение Мирового океана приобрело катастрофические масштабы, а в результате выброса парниковых газов происходит постепенное изменение климата.

Не менее тревожный факт – сокращение площадей тропических лесов, которые наряду с северной тайгой являются легкими планеты, поскольку они вырабатывают основную массу кислорода, необходимого для жизни на Земле. Все это приводит к необратимым изменениям среды обитания, и в конечном итоге она может оказаться непригодной для жизни современного человека и дальнейшего развития цивилизации. К изменению и разрушению естественных экосистем добавилось сильное промышленное загрязнение. Сегодня в цикле добычи, переработки сырья и получения конечной продукции на 1 кг потребленного бытового продукта приходится 25 кг отходов.

Изначально термин «устойчивое развитие» использовался применительно к вопросам экологии. Но в современном мире все труднее отделить экологические проблемы от проблем экономических и социальных. Поэтому термин «устойчивое развитие» стал все чаще применяться в экономике и социологии, и сегодня в несколько иной формулировке является и социально-экономическим понятием.

Так, в Глобальной стратегии развития на период 2015 г., разработанной экспертами ООН (Global development agenda beyond 2015), отмечается, что традиционное понятие (экономический рост и социальная защита) не отражает в полной мере категорию «устойчивое развитие». В связи с этим предлагается рассматривать опыт практической реализации идей и принципов социальной и солидарной экономики (ССЭ) как альтернативу процессам неоллиберальной глобализации и возможный путь к устойчивому развивающемуся типу общества. Эти вопросы рассматриваются в статье О.Н. Пряжниковой «Социальная и солидарная экономика: Возможности для устойчивого развития»

Немаловажное значение в теории устойчивого развития принадлежит определению роли государственной экономической и промышленной политики, с одной стороны, и свободной стихии рыночных сил, обеспечивающих эффективную координацию и распределение ресурсов, – с другой. По этим позициям ведутся серьезные дискуссии между экономистами различных направлений. Исследованию этих вопросов на современном этапе посвящен обзор И.Г. Минервина «Современный капитализм и государство: Модели взаимодействия» и статья «Новые модели устойчивого и всеобъемлющего развития» (Е.Е. Луцкая).

В обеспечении устойчивого экономического развития важная роль принадлежит механизмам, обеспечивающим финансовую стабильность. Одним из элементов такой стабильности является система страхования вкладов населения и юридических лиц. Этой проблеме посвящен обзор Е.А. Пехтеревой «Страхование вкладов и поддержание стабильности финансовой системы России».

Важнейшим фактором формирования процесса перехода к устойчивому типу развития общества является показатель качества жизни населения, включающего в себя различные аспекты социального обеспечения. Особое место здесь принадлежит состоянию здравоохранения. В обзоре С.С. Костяева «Проблемы устойчивого развития американской системы здравоохранения» рассматриваются причины, угрожающие этому развитию: старение населения и связанное с этим увеличение финансовых нагрузок на государственный бюджет; рост стоимости медицинских услуг; снижение рождаемости; сокращение численности работоспособного населения.

В заключение следует отметить, что концепция устойчивого развития до сих пор не имеет четких очертаний. Существуют лишь определенные идеи, зафиксированные в официальных политических решениях. Нет даже четкого определения данного термина,

продолжаются дискуссии относительно его содержания и значения. Так, на сайте еженедельника «The Economist» идет дискуссия о том, пользу или вред принесла человечеству завоевавшая популярность в последние 25 лет доктрина устойчивого развития. Ряд экспертов полагают, что под ее влиянием правительства принимают совершенно безумные и просто вредные меры, а в обществе культивируется извращенное представление о причинах наших экономических и экологических проблем.

В итоге устойчивое развитие порой стало отождествляться не с развитием, а, напротив, с консервацией и искусственным ограничением роста за счет сдерживания потребления. Забота о будущих поколениях часто сводится исключительно к заботе о том, как бы не повредить природным ресурсам (то, что в процессе их использования люди создают для будущих поколений инфраструктуру, которой те смогут пользоваться, остается за кадром)¹. Наконец, устойчивое развитие в том смысле, в каком его представляют себе многие экологи, наносит прямой ущерб будущим поколениям тем, что обрекает их на снижение уровня жизни².

Свободный рынок, верховенство закона, гарантии прав собственности и новые технологии – вот что наилучшим образом обеспечивает защиту окружающей среды.

Б.Г. Ивановский

¹ Кошкин В. Химера устойчивого развития // Частный корреспондент. – 07.07.2009. – Режим доступа: <http://www.chaskor.ru/p.php?id=8171>

² Taylor J. Sustainable development. A dubious solution in search of a problem policy analysis N 449. – 26.08.2002. – Mode of access: <http://www.cato.org/pubs/pas/pa-449es.html>

Б.Г. Ивановский
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ:
МИФ ИЛИ БУДУЩЕЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ?

Формирование концепции устойчивого развития

В докладе Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию (МКОСР) «Наше будущее» «устойчивое развитие» определено как «модель движения вперед, при которой достигается удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения людей без лишения будущих поколений такой возможности» [Наше общее будущее..., 1989, с. 15]. Именно это определение получило в научной и практической среде наиболее широкое распространение.

Однако, по мнению Т.В. Бегуна, оно скорее отражает стратегическую цель, чем указывает конкретный путь для практических действий. Именно поэтому многие авторы предлагают свои варианты, пытаясь найти определение, которое было бы удобным в практической деятельности. В то же время очевидно, что устойчивое развитие относится к категории понятий, отражающих идею, которую можно сформулировать в общих чертах, но нельзя описать точными количественными категориями. Это, однако, не лишает ее ни научного, ни практического смысла, а лишь умножает возможности трактовки данного понятия устойчивого развития [Бегун Т.В. Устойчивое развитие..., 2012].

Далее автор приводит некоторые из определений понятия «устойчивое развитие», показывающие разнообразие его толкования:

– развитие, при котором нынешние поколения удовлетворяют свои потребности, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять собственные нужды, собственные потребности;

– модель развития общества, при которой удовлетворяются основные жизненные потребности как нынешнего, так и всех последующих поколений;

– развитие, которое обеспечивает реальное улучшение качества жизни людей и в то же время сохраняет природное разнообразие Земли;

– управление совокупным капиталом общества в интересах сохранения и приумножения человеческих возможностей;

– управляемое системно-сбалансированное социоприродное развитие, не разрушающее окружающую природную среду и обеспечивающее выживание и безопасное неопределенно долгое существование цивилизации;

– целенаправленный процесс управления социально-экономической системой муниципального образования, обеспечивающий устойчивость связей, элементов и структуры системы в целом в направлениях роста уровня качества жизни населения в рамках баланса с окружающей средой;

– реализация стратегии человека, его пути к эпохе ноосферы, т.е. к состоянию коэволюции общества и природы;

– переход от «экономики использования ресурсов» к экономике их системного воспроизводства;

– процесс, ориентированный на постоянное сохранение динамического равновесия посредством целенаправленного использования имеющегося потенциала и условий внешней среды;

Вместе с тем Е. Логунцев отмечает, что концепции устойчивого развития пока нет. Есть определенные идеи, получившие общее признание и зафиксированные в официальных политических решениях. Нет даже и общепринятого определения термина [Логунцев Е. Концепция устойчивого развития..., 2000, с. 25].

Понятие «развитие», по мнению Ю.В. Филиппова и Т.Т. Авдеева, является дискуссионным. Для того чтобы понять философскую основу понятия «развитие», авторы приводят определение, принятое в 1963 г. специальной группой экспертов по развитию сообществ, работавшей под эгидой ООН: это процесс, в котором действия самих людей объединяются с действиями властей с целью улучшить экономические, социальные и культурные условия жизни сообщества, интегрировать эти сообщества в общий поток жизни нации, дать им возможность вносить максимальный вклад в национальное развитие. Этот подход отражается в разнообразных программах улучшения отдельных сторон жизни сообществ [Филиппов Ю.В., Авдеева Т.Т. Основы развития..., 2000, с. 178–179].

С содержательной точки зрения трактовка понятия «развитие» претерпела серьезные изменения, отмечают Е. Каратаева, Н. Родина и О. Яковлева. Если в период, предшествующий 1970 г., развитие населенной территории рассматривалось чаще всего как чисто экономическое явление, выраженное в увеличении абсолютного объема ВВП и ВВП на душу населения, то теперь внимание сосредоточивается на сокращении масштабов нищеты, неравенства и безработицы в процессе экономического роста. В современной трактовке развитие территории (в том числе и городской) рассматривается прежде всего с позиций социального результата – повышение качества жизни населения, означающее такие социальные перемены, которые обеспечивают равные возможности более широкому кругу людей воспользоваться основополагающими благами, такими как образование, здравоохранение, жилье и т.д. При этом не всякое изменение является признаком развития. Так, процессы текущего жизнеобеспечения, обслуживания и восстановления инфраструктуры к процессам развития не относятся. Развитие же всегда характеризуется переходом из одного качественного состояния в другое [Каратаева Е., Родина Н., Яковлева О. Управление развитием..., 2003, с. 23].

Отсутствие единства мнений в определении и трактовке этого понятия объясняется как сложностью самой категории, включающей социальные, экономические и экологические аспекты развития человечества, так и несовпадением взглядов представителей разных слоев общества – научных, политических, предпринимательских [Урсул А.Д. Концептуальные проблемы..., 2005, с. 32].

В науке под устойчивостью какого-либо явления или процесса подразумевается неподверженность его колебаниям и изменениям; твердость, стойкость, надежность, постоянство, пребывание в одном состоянии, способность сохранять данное состояние, несмотря на действие различных сил, полагает М.А. Кувшинов. В докладе «Наше общее будущее»¹ под устойчивостью «sustainability» понимают упорядочение технических, научных, экологических, экономических и социальных ресурсов таким образом, что результирующая система может поддерживаться в состоянии равновесия во времени и пространстве. Однако применительно к социально-экономическим системам устойчивость предполагает не

¹ Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / Под ред. Евтеева С.А., Перелета Р.А. – М.: Прогресс, 1989. – 376 с.

консервацию однажды достигнутых уровней производства, а их повышение по мере роста потребности в данной продукции. Поэтому устойчивое развитие, по мнению автора, носит динамический характер. Оно представляет собой «не неизменное состояние гармонии, а скорее процесс изменений, в котором масштабы эксплуатации ресурсов, направление капиталовложений, ориентация технического развития и институциональные изменения согласуются с нынешними и будущими потребностями» [Кувшинов М.А. Понятие управления..., 2011, с. 87–88].

Главными стратегическими задачами мирового сообщества, согласно Концепции устойчивого экономического развития, которая была принята на 2-й Международной конференции ООН по ООС, состоявшейся в 1992 г. в Рио-де-Жанейро¹, по мнению Е.Р. Разумовой, являются:

- ограничение роста производства и потребления в экономически развитых странах мира – главных потребителей природных ресурсов и источников загрязнения биосферы;

- ограничение роста населения в развивающихся странах; гипотеза Мальтуса о перенаселении планеты приобретает реальные черты; это ни в коем случае не относится к России, где стоит прямо противоположная демографическая проблема: за последние 15 лет численность населения страны катастрофически упала, средняя продолжительность жизни снизилась с 72 лет (в СССР) до 58 лет; демографическая политика России направлена на всевозможную поддержку роста численности населения;

- сокращение неравенства между богатыми и бедными странами, приведшего к обострению социальных конфликтов: три четверти населения планеты не живет, а борется за выживание, что обостряет социальные конфликты.

Основными критериями «Концепции устойчивого экономического развития» являются следующие требования:

- добыча невозобновляемых природных ресурсов должна стать нормативной, ограниченной;

- эксплуатация возобновляемых ресурсов (в основном это касается лесов и рыбных запасов) должна осуществляться хотя бы в рамках простого воспроизводства, т.е. их количество не должно уменьшаться во времени;

¹ Конференция ООН по окружающей среде. – Рио-де-Жанейро, 1992. – Режим доступа: <http://prometeus.nsc.ru/koptuyug/ideas/unrio92/005-023.ssi>

– внедрение технологий, предусматривающих замену невозобновляемых ресурсов на практически неисчерпаемые;

– повсеместное строительство очистных сооружений, заводов по переработке бытового и промышленного мусора, уменьшение площадей под свалками (загрязнение планеты сбросами отходов, производственных и бытовых, не должно превышать уровень 1992 г.);

– поощрение использования вторичного сырья: металлолома, макулатуры, стеклотары; это позволит, во-первых, достичь существенной экономии природных ресурсов, во-вторых, – сократить объем загрязнений ОС;

– минимизация количества отходов, внедрение малоотходных, безотходных и ресурсосберегающих технологий; это означает, что отходы одной отрасли хозяйства должны стать сырьем для другой; примером малоотходной и ресурсосберегающей технологии является уже упомянутое оборотное водоснабжение;

– уменьшение на государственном уровне инвестиций в отрасли, эксплуатирующие природу, и повышение удельного веса наукоемких отраслей и технологий;

– широкое экологическое воспитание и образование должны привести к изменению поведенческих механизмов общества, к ограничению потребностей в товарах и услугах, поскольку демографы предсказывают, что к 2030 г. численность населения Земли может достичь 15 млрд человек [Разумова Е.Р. Экология., 2010, с. 124].

Переход к устойчивому развитию возможен лишь в глобальном масштабе, в согласованно-когерентном режиме всех объектов безопасности (и субъектов также), а значит, любые решения и действия по обеспечению безопасности любого объекта не должны противоречить международно-глобальным императивам устойчивого развития [Наше общее будущее., 1989, с. 68].

Сказанное относится не только к экологической безопасности, но и к любому виду безопасности – к экономической, информационной, социальной и т.д., утверждают А.Д. Урсул и А.Л. Романович.

Если взять в качестве конечной цели перехода к устойчивому развитию становление ноосферы (ноосферной цивилизации, ноосферной культуры), то становится очевидным, что в обществе устойчивого развития военно-силовые средства не являются основными. Доминирующими здесь оказываются рационально-консенсусные средства, имеющие информационную природу. Они уже начинают применяться, например, при обеспечении безопасности государств – участников Договора о коллективной безопасности

[Урсул А.Д., Романович А.Л. Концепция устойчивого развития и проблема безопасности..., 2001].

Если возникает угроза безопасности, территориальной целостности и суверенитету одного или нескольких государств-участников либо угроза международному миру, государства-участники незамедлительно приводят в действие механизм совместных консультаций с целью координации своих позиций и принятия конкретных мер для устранения возникшей угрозы. Предотвращение войн и вооруженных конфликтов, устранение реальных угроз должны достигаться урегулированием спорных вопросов, международных и региональных кризисов исключительно политическими, согласительными средствами [Концепция коллективной безопасности..., 1998, ч. I].

Человечество столкнулось со все обостряющимися противоречиями между своими возрастающими потребностями и неспособностью биосферы обеспечить их не разрушаясь, отмечает С.В. Картунов. В итоге социально-экономическое развитие приняло характер ускоренного движения к глобальной экокатастрофе, при этом ставится под угрозу не только обеспечение жизненно принципиальных потребностей и интересов будущих поколений людей, но и сама возможность их существования. Появилась мысль разрешить это противоречие на пути перехода к такому цивилизационному развитию, которое не разрушает собственной природной базы, гарантируя человечеству возможность выживания и дальнейшего непрекращающегося, т.е. управляемого и устойчивого, развития.

Идеи устойчивого развития отвечают объективному требованию времени и могут решающим образом повлиять на будущее России, сыграть важную роль в определении государственных ценностей, стратегии социально-экономического развития и перспектив дальнейшего реформирования страны. Новая стратегия развития цивилизации уже определила позицию мирового общества – объединить усилия во имя выживания человечества и непрерывного развития и сохранения биосферы [Картунов С.В. Стратегия устойчивого развития..., 1986].

Современные идеи устойчивого, сбалансированного и гармоничного развития не что иное, как коммунистические идеи в новой форме, считает А.В. Поздняков. Вот как формулирует задачи устойчивого развития ЮНЕСКО: «Процветание, справедливость и здоровая окружающая среда являются мечтой человека о лучшем будущем. Устойчивое развитие делает возможным осуществление

этой мечты посредством правильно сделанного выбора и правильной политики, направленных на решение трех взаимосвязанных задач:

- достижения экономического роста;
- охраны окружающей среды;
- достижения социальной справедливости.

Само устойчивое развитие, решение социально-экономических проблем населения, ликвидация нищеты, любых форм социально-экономической дискриминации являются основой и непременным условием для формирования в обществе культуры мира и ненасилия для укрепления соответствующих норм поведения. Только обеспечение насущных потребностей всех слоев и групп населения, и прежде всего права на труд, на образование, на достойное существование, позволяет идеям культуры мира укрепиться в сознании абсолютного большинства членов общества» [Поздняков А.В. Проблемы цивилизации..., 2013].

Объединив все значения термина «устойчивое развитие», Е.А. Говорина дает следующее определение социально-экономического развития. Это такое состояние сбалансированности внешних и внутренних факторов национальной экономики, которые обеспечивают непрерывный рост и повышение ее параметров вместе с выявлением и своевременным предотвращением негативных последствий экономической активности в будущем.

Под негативными последствиями автор подразумевает вредные последствия научно-технического прогресса (ресурсная, технологическая, экологическая, демографическая, информационная, финансовая безопасность, защищенность от природных, техногенных и военных катастроф и угроз) [Говорина Е.А. Сущность и факторы..., 2014].

Заключительная декларация второй Всемирной конференции по окружающей среде (1991)¹ рассматривает устойчивое развитие как особую международную цель, которая ведет к реальному экономическому росту, поскольку только он создает предпосылки для решения проблем окружающей среды, сокращения или вообще ликвидации бедности и уменьшения роста населения, отмечает Е.П. Качан. Сегодня преобладает позиция, предполагающая, что экологические факторы развития становятся все весомее и определяют возможности дальнейшего бытия и развития цивилизации.

¹ Вторая Всемирная конференция по окружающей среде. – Нью-Йорк, 1991. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_child90.shtml

Далее автор переходит к анализу главных положений концепции устойчивого развития Готтхарда Бехманна и выделяет четыре базовых принципа устойчивого развития:

- устойчивое развитие – концепция глобальная, а потому экологические и социокультурные проблемы, к которым она обращена, не ограничиваются национальными границами и отдельными регионами;

- устойчивое развитие – концепция комплексная, поэтому глобальные кризисы, экологическая, социальная, экономическая составляющие рассматриваются как проявление единого кризиса цивилизации;

- устойчивое развитие – концепция радикальных подходов к решению существующих проблем, а потому она требует отказа от традиционных представлений, переориентации взглядов общества по решению насущных проблем человечества;

- устойчивое развитие – концепция динамичная и открытая, которая отмечается креативностью и необходимостью конкретизации постулатов и конкретных путей дальнейшего развития человечества [Качан Е.П. Региональная экономика..., 2014, с. 113–114].

Экономический рост и устойчивое развитие

Независимо от конкретной экономической модели или парадигмы, первым шагом на пути к консенсусу в понимании категории «экономическая устойчивость» является признание того факта, что экономический рост не является устойчивым [Ikerd J. Economic sustainable growth..., 04.12.2013].

Например, увеличение темпов экономического роста с 2 до 3% будет считаться, по меркам индустриальной эры, весьма скромным. Тем не менее при ежегодном темпе роста лишь на 2,5% мировая экономика будет удваиваться в размере каждые 30 лет.

Если предположить, что 2 тыс. лет тому назад общий объем мирового производства составлял всего 1 долл. и его прирост ежегодно был бы равен 2,5%, то к настоящему времени экономический выход генерировался бы в гигантскую сумму, составляющую 3,6 секстиллионов долл. (после 3,6 двадцать нулей).

Такая экономика будет эквивалентна глобальной популяции в 7 млрд человек, которые расходуют почти 1 млн долл. каждую минуту ежедневно. Кроме того, при условии такого роста, эта сумма удвоится за последующие 30 лет и увеличится в четыре раза за последующие 60 лет. Очевидно, что темпы экономического роста

индустриальной эпохи сильно отклонялись от такого сценария. Очевидно, что и в дальнейшем эта тенденция сохранится, полагает Дж. Икерт.

Таким образом, экономический рост не является основным признаком устойчивой экономики. Главным же ее признаком автор считает такой показатель, как уровень качества жизни, исходя из того, что экономическое благосостояние является не более важным, чем социальное и этическое благополучие.

На протяжении человеческой истории люди на определенном этапе усвоили, что нет прямой корреляции между дальнейшим ростом доходов или богатством и ощущением счастья или ростом общего качества жизни. После удовлетворения основных человеческих потребностей в пище, одежде, жилье, здоровье качество жизни в большей степени определяется состоянием социальных отношений и осуществлением достижения определенных жизненных целей, а не размерами доходов или приобретенным богатством.

Исследования подтвердили, что во многих странах мира основные потребности человека удовлетворялись со среднедушевым доходом не более чем 15 тыс. долл. в год. При этом рост доходов населения сверх этого уровня не выявил прямой зависимости между дальнейшим экономическим ростом и показателями общего социального благополучия.

Значительная часть населения, особенно в развитых странах, не нуждается больше в дальнейшем экономическом росте, утверждает автор. В этих странах уже производится гораздо больше материальных благ, чем достаточно для удовлетворения основных потребностей человека. В самом деле, за последние 50 лет в индустриально развитых странах не отмечалось никаких признаков дальнейшего роста качества жизни. Определенные группы людей в этих странах все еще находятся в экономической зависимости, но лишь потому, что общество не смогло обеспечить социальное равенство и справедливость. Однако это уже проблема не экономическая, а скорее социальная и этическая.

Устойчивый прирост населения также может быть обеспечен благодаря не устойчивому экономическому росту, а в результате обеспечения социального и экономического равенства и безопасности. Устойчивое развитие может быть медленнее и сложнее процесса индустриального роста, но в условиях, когда иссякают природные ресурсы и источники энергии, устойчивое развитие является оптимальной и логичной альтернативой будущего экономического и социального развития человечества, полагает Дж. Икерт.

В то время когда более 2,6 млрд человек в мире живут менее чем на 2 долл. в день, решающее значение для сокращения масштабов нищеты принадлежит устойчивому экономическому росту, ибо динамично развивающаяся экономика обеспечивает рабочие места и более высокие доходы [CIDA's sustainable economic growth strategy..., 21.07.2011].

Когда правительства создают надлежащие экономические условия для функционирования открытого и справедливого рынка инвестиций и инноваций, это стимулирует развитие предприятий, являющихся основой экономики, и, следовательно, способствует росту благосостояния работников.

Так, понимая роль стимулирования устойчивого экономического роста для борьбы с глобальной бедностью и осуществляя целенаправленную помощь развивающимся странам, правительство Канады разработало стратегию их устойчивого экономического роста. Эта стратегия основывается на принципах создания благоприятной среды для развития частного сектора. При этом следует учитывать, что барьеры, мешающие развивающимся странам при переходе к устойчивому росту, включают следующие неблагоприятные факторы:

- низкую квалификацию трудовых ресурсов;
- недостаточность капитала;
- уязвимость экономики по отношению к внешним факторам;
- социальные и культурные ограничения (религиозные, этнические и гендерные).

Стратегия, разработанная CIDA (Canadian International Development Association), основывается прежде всего на предоставлении прямых целевых инвестиций развивающимся странам, направляемых на поддержку их устойчивого экономического роста, что, по мнению авторов, будет способствовать:

- строительству прочного фундамента для создания жизнеспособных и процветающих предприятий и отраслей;
- расширению возможности для полноценной занятости, особенно в традиционном секторе экономики;
- максимальному инвестированию ресурсов экономического роста в общественные фонды, обеспечивающие рост благополучия населения.

Стратегия включает в себя также меры по обеспечению экологической устойчивости, равенства между женщинами и мужчинам, совершенствованию управления социально-экономическим развитием. При этом деятельность CIDA будет осуществляться по следующим основным направлениям.

1. Создание благоприятной среды для бизнеса. Развивающиеся страны должны создать институты, законодательную и нормативную базу и правила, регулирующие экономическую модель, которая обеспечивала бы устойчивый экономический рост. Это предполагает проведение государственной политики, которая открывает внутренние и международные торговые рынки и обеспечивает привлечение инвестиций в инфраструктуру в целях интегрирования развивающихся стран в локальные, региональные и глобальные рынки. Такая политика должна также включать в себя меры, поощряющие эффективное управление природными ресурсами и обеспечивающие экологическую устойчивость

2. Развитие частного предпринимательства. Движущей силой устойчивого экономического роста является частный сектор, но в развивающихся странах существует множество ограничений (этнических, религиозных, гендерных), тормозящих и создающих определенные трудности в развитии частного предпринимательства.

Учитывая то, что в развивающихся странах частное предпринимательство имеет особое значение в обеспечении экономического роста и сокращении бедности, необходимо обеспечить условия для того, чтобы оно стало более устойчивым, производительным и конкурентоспособным. Особенно это относится к категории предприятий малого и среднего бизнеса, которые должны соответствовать международным стандартам, интегрироваться в местные и глобальные цепочки создания стоимости и перейти из теневого сектора в открытый и законный.

Для организации собственного бизнеса предприниматели нуждаются в финансовых ресурсах, следовательно, им необходимо обеспечить доступ к кредитным, страховым и финансовым услугам (в том числе микрофинансовым).

3. Инвестирование в людские ресурсы. По своей сути устойчивый экономический рост обеспечивается людьми, которые используют экономические возможности, создают рабочие места и осуществляют инвестирование в экономику. В связи с этим развивающиеся страны должны создать условия, позволяющие неблагополучным слоям населения, особенно женщинам и молодежи, реализовать свой рабочий потенциал путем получения новых профессиональных навыков, знаний и преодоления других барьеров, ограничивающих возможности рационального использования их потенциала.

Применительно к социально-экономическим системам устойчивость предполагает не консервацию однажды достигнутых

уровней производства, а их повышение по мере роста потребности в данной продукции. Устойчивое развитие носит динамический характер, оно представляет собой не неизменное состояние гармонии, а скорее процесс изменений, в котором масштабы эксплуатации ресурсов, направление капиталовложений, ориентация технического развития и институциональные изменения согласуются с нынешними и будущими потребностями [Кувшинов М.А., 2011, с. 89].

Основная концептуальная сложность заключается в том, что понятие «устойчивое развитие» включает в себя два термина – «устойчивость» и «развитие», которые являются взаимоисключающими, считают Н. Давыдова и О. Тимофеева, утверждая, что «устойчивого развития просто не может быть – если есть развитие, то стабильности уже нет» [Давыдова Н., Тимофеева О. Устойчивое развитие города..., 2000, с. 20].

Схожую позицию высказывает и В.Н. Афанасьев: «Устойчивость не означает обязательное повторение одинакового уровня из года в год. Такое понимание устойчивости приравнивало бы его к застойному состоянию производства» [Основные положения стратегии..., 2002, с. 135]. Для отдельных отраслей устойчивость может характеризоваться даже снижением объемов производства в связи с уменьшением спроса или с наращиванием производства заменителей данного вида продукции, производство которых является более эффективным.

При этом понятие «развитие» является дискуссионным, отмечает Т.В. Бегун. Даже у одного автора встречаются противоположные суждения. Для того чтобы понять философскую основу категории развития, автор приводит определение развития, принятое в 1963 г. специальной группой экспертов по развитию сообществ, работавшей под эгидой ООН: «Это процесс, в котором действия самих людей объединяются с действиями властей с целью улучшить экономические, социальные и культурные условия жизни сообществ, интегрировать их в общий поток жизни нации, дать им возможность вносить максимальный вклад в национальное развитие. Таким образом, этот комплекс процессов включает два обязательных элемента: участие самих людей в действиях по повышению уровня их жизни с максимальной опорой на их собственную инициативу и обеспечение технических и иных услуг, направленных на развитие инициативы, самопомощи и взаимопомощи и повышение эффективности их деятельности. Это закладывается в разнообразные программы улучшения отдельных сторон жизни сообществ» [Бегун Т.В. Устойчивое развитие..., 12.2012, с. 159].

В современной трактовке развитие территории, по мнению Е. Каратаевой, Н. Родиной и О. Яковлева, рассматривается прежде всего с позиций социального результата, который означает «такие социальные перемены, которые обеспечивают равные возможности более широкому кругу людей воспользоваться общественными благами – образованием, здравоохранением, жильем и т.д.» [Каратаева Е., Родина Н., Яковлев О. Управление развитием., 2003, с. 21]. При этом не всякое изменение является признаком развития. Так, процессы текущего жизнеобеспечения, обслуживания и восстановления инфраструктуры к процессам развития не относятся, полагают авторы. Развитие же всегда характеризуется переходом из одного качественного состояния в другое.

Акцентируя внимание на социальном результате, нельзя забывать о наличии экономической составляющей в процессе развития. Как отмечает Е.А. Колесник, «социальное развитие возможно только на крепкой экономической основе, так как для его осуществления требуются первоначальные инвестиции, которые не обеспечиваются в требуемом объеме самой социальной сферой по причине нематериальности создаваемых ею услуг [Колесник Е.А. Совершенствование управления., 2010, с. 67].

Следует менять подход к самому понятию «развитие», полагает С.В. Картунов. Оно противостоит таким категориям, как «функционационирование», «рост», «эволюция», «модернизация». Первое из них достаточно известно. Противопоставление развития и роста, связанное еще с первыми работами Римского клуба («Пределы роста»), к сожалению, до сих пор недостаточно проработано и не стало общепринятым. В условиях ничем не ограничиваемого и не сдерживаемого роста (производства, потребления, качества жизни) нет и не может быть никакого развития. Если у вас есть все необходимое или вы можете без проблем все это произвести, то необходимости в развитии просто не возникает. И наоборот: пределы роста, дефицит ресурсов вынуждают вас именно к развитию.

Развитие страны – это не рост производства и потребления, а прежде всего развитие человека, граждан и их сообществ. Развитие предполагает не дележ ресурсов, а их умножение посредством выработки новых способов потребления наличного материала в деятельности, новых технологий. Отсюда богатство и благосостояние являются не начальным условием, а побочным продуктом, очередной превращенной формой развития [Картунов С.В. Стратегия устойчивого развития., 1986].

Понятие «развитие» автор противопоставляет понятию «модернизация». Сходство между модернизацией и развитием состоит в том, что оба этих термина предполагают выход на первый план мышления и осознанной, ориентированной на будущее человеческой деятельности. Ни модернизация, ни развитие не происходят сами собой, в режиме естественной эволюции: и то и другое требует волевых усилий. Различие же состоит в том, что модернизация предполагает подтягивание к известным «мировым стандартам».

Исходя из вышесказанного, в качестве идеи пересмотра и смены господствующей парадигмы и мировоззрения, в национальную повестку дня может быть поставлена идея развития, которая должна сменить господствующую до настоящего времени естественную эволюцию человеческой цивилизации, полагает С.В. Картунов. Эта идея созвучна духу русской философии, в особенности мыслям В.И. Вернадского о ноосфере (сфере разума), в которой человеческое мышление и деятельность становятся основной созидательной силой на Земле.

Факторы обеспечения устойчивого развития

К факторам устойчивого развития экономики, по мнению Е.А. Говориной, относятся следующие.

1. Рыночный механизм саморегулирования предполагает постоянное отклонение экономики от состояния равновесия. Поэтому капиталистическая экономика не может быть устойчивой. Важнейшая задача государства – обеспечить баланс между экономической эффективностью и социальной справедливостью. Этот баланс является необходимым условием устойчивого экономического развития.

2. Человеческие ресурсы и образование. Это обусловлено специфической ролью личного фактора в современной экономике и ее значением для повышения его эффективности.

3. Информационно-технологический фактор, влияющий на эффективность научно-технологической, организационной и управленческой составляющих национальной экономики, ее место в системе международного разделения труда, конкурентные преимущества национального бизнеса и в конечном счете роли страны в мировом хозяйстве.

4. Эффективное государственное регулирование. Для этого государство разрабатывает определенные стратегические направления государственной политики в области науки, техники, инно-

ваний и повышения конкурентоспособности. Основными стратегическими направлениями государственной политики являются:

- поддержка частного сектора, среднего и малого бизнеса, где велика предпринимательская заинтересованность в постоянном техническом совершенствовании производства и повышении его эффективности, поэтому составная часть государственной стратегии здесь – борьба с монополиями в промышленности;

- поддержка передовых отраслей производства, имеющих первостепенное национальное значение; государственной поддержкой пользуются технически передовые промышленные производства, определяющие степень вовлеченности страны в глобальную НТР и обеспечивающие стране приоритетное положение;

- борьба за качество продукции; стремясь победить в конкурентной борьбе, страна, а также ее ведущие фирмы вынуждены улучшать потребительские свойства товара, их технический и коммерческий сервис;

- качество человеческих ресурсов в новой экономической системе выступает главным фактором, обеспечивающим эффективность и рост национальной экономики, поэтому состояние сферы образования, здравоохранения и другие факторы, характеризующие уровень развития человеческих ресурсов и качества жизни населения, должны стать главным объектом внимания государственной социальной политики [Говорина Е.А. Сущность и факторы..., 2014].

Достижение устойчивости развития – проблема управления национальным богатством страны, считает Ю.А. Щербанин. Основные составляющие национального богатства: человеческий капитал (способность людей к участию в процессе производства, их знания, опыт, трудовые навыки); природный капитал (запасы природных ресурсов, которые могут использоваться в производственных целях, включая почву, воду, воздух, полезные ископаемые); произведенный капитал (сырье, машины, оборудование, сооружения, используемые для дальнейшего производства).

Исходя из вышеизложенного автор определяет принцип устойчивого развития как управление капиталом в интересах сохранения и приумножения человеческих возможностей. При этом в понятие «капитал» включается не только произведенный, но и природный, и человеческий капитал. Для достижения устойчивости развитие общества должно направляться таким образом, чтобы сумма этих трех видов капитала по крайней мере не уменьшалась ([Щербанин Ю.А. Принцип устойчивого развития..., 2014]).

В течение долгого времени фактором экономического развития (прогресса) было увеличение производительности труда и, следовательно, приращение произведенного капитала. Но сегодня производительность труда уже не может расти теми темпами, которые были бы достаточными для устойчивого развития экономики. Можно сказать, что в странах Западной Европы нынешний технологический уклад достиг максимума с точки зрения производительности труда и ежегодное увеличение невелико (около 2%).

Все большее значение приобретает человеческий капитал. В структуре национального богатства отдельных стран он достигает или превышает 60%.

Сегодня новым фактором устойчивого развития становится увеличение продуктивности ресурсов (природных, человеческих). Исследования показывают, что при увеличении продуктивности ресурсов человечество может жить в 2 раза лучше и тратить на это в 2 раза меньше ресурсов, утверждает Ю.А. Щербанин.

Исходя из приведенного определения важнейшим показателем устойчивости или неустойчивости развития автор считает так называемую «действительную норму накопления», предложенную специалистами Всемирного банка, которая учитывает изменения в величине трех видов капитала нации за определенный период. Этот показатель имеет положительное значение при увеличении суммы национального капитала, т.е. когда развитие имеет устойчивый характер. Для этого необходимо, чтобы инвестиции в строительство новых предприятий и реконструкцию уже имеющихся (произведенный капитал), посадку лесов, мелиорацию (природный капитал), образование (человеческий капитал) превышали суммарный износ и истощение капитала.

Показатель «действительная норма накопления» (ДНН) принципиально отличается от показателя ВВП. Это скорее показатель качества экономического роста, а ВВП – показатель количественный. При росте реального ВВП значение ДНН может быть отрицательным.

С экологической точки зрения устойчивое развитие основывается, по мнению Е.П. Качана, на ряде принципов:

- коэффициент использования возобновляемых природных ресурсов не должен превышать коэффициент их регенерации;
- невозобновляемые ресурсы должны использоваться только в объемах, для которых может быть создана физически и функционально эквивалентная замена;
- использование природных ресурсов должно быть справедливым в отношении нынешних и будущих поколений;

– объем эмиссии загрязняющих веществ не должен превышать экологической емкости окружающей среды [Качан Е.П. Региональная экономика..., 2014, с. 113].

Одним из основополагающих принципов концепции устойчивого развития является условие, когда при ограниченном характере природных и человеческих ресурсов следует делать ставку на творческий потенциал народа, создание конкурентоспособной, высокоэффективной, ресурсосберегающей экономики инновационного типа на основе преимущественного развития и распространения новых знаний и информационных технологий [Найденова Р.И. Условия обеспечения роста..., 2008].

Постепенный переход на инновационный тип развития – основа реформирования экономики. Возрастает роль интеллектуальных ресурсов как основных экономических факторов и в соответствии с этим наука и образование превращаются в движущую силу социально-экономического развития.

Инновационный процесс обусловлен научно-технической сферой и происходит в едином цикле наука–образование–производство–рынок. Образование играет все возрастающую роль в повышении эффективности и конкурентоспособности экономики. Высшее образование призвано обеспечить опережающий рост качества интеллектуальных ресурсов экономики как ведущих ресурсов.

В свою очередь, объективные перспективные потребности выступают тем рычагом, который приводит в действие процесс воспроизводства посредством выражения содержания этих потребностей в определенных экономических интересах взаимодействующих субъектов экономических отношений, требующих своей реализации в долгосрочной перспективе.

Экономическая стратегия – это форма долгосрочного управления социально-экономическими процессами на разных уровнях экономики. Экономическая стратегия вырабатывается государством на 10–15 лет, определяются долгосрочные цели развития в разрезе всей экономики, ее сфер и секторов, отдельных отраслей и регионов; отбираются наиболее эффективные пути, средства и методы их достижения, отмечает Р.И. Найденова.

Одним из основных средств успешной адаптации экономической системы к неопределенным и быстро изменяющимся условиям среды является наличие эффективного хозяйственного механизма, важнейшим элементом которого является управление, обеспечивающее формирование и реализацию такого вектора (варианта) развития, который дает наилучшие в сложившейся ситуации ко-

нечные результаты с учетом экономических интересов субъектов экономики.

В свою очередь, хозяйственный механизм представляет собой набор правил (процедур, функций, способов, методов), регламентирующих действия элементов системы в процессе ее функционирования. В рамках этого механизма реализуется комплекс целей и задач развития системы. Эффективный механизм управления, формой проявления которого является экономическая стратегия, обеспечивает стабилизацию развития экономики и последующее улучшение состояния системы посредством имеющихся инструментов.

Финансовая устойчивость предприятия предопределяется влиянием совокупности внутренних и внешних факторов, отмечают А.А. Швец, М.Ю. Швец и Е.С. Шлыков. Факторы внешней среды делятся на две основные группы: прямого и косвенного воздействия. Первые – непосредственно влияют на деятельность товаропроизводителей и испытывают на себе влияние их деятельности. К данной группе факторов относят поставщиков трудовых, финансовых, информационных, материальных и прочих ресурсов, потребителей, органы государственной власти и управления, местную администрацию, конкурентов, контактные аудитории средств массовой информации. Вторые – играют роль фоновых факторов, увеличивающих или уменьшающих устойчивость производства. К данной группе факторов относят состояние экономики, социально-политические, демографические, культурно-исторические, нормативно-правовые, природные и другие факторы.

Внутренние факторы являются зависимыми, и потому предприятия посредством влияния на эти факторы могут корректировать свою финансовую устойчивость.

Первую группу внутренних факторов образуют организационно-управленческие, которые определяют цели и стратегию развития предприятия: совершенствование организационной структуры и структуры управления; оптимизация состава работников предприятий по количеству и профессионализму; эффективное использование труда работников, повышение производительности труда; совершенствование уровня менеджмента; повышение культуры предприятия и его репутации; совершенствование маркетинга.

Вторая группа внутренних факторов, путем воздействия на которые можно повысить финансовую устойчивость предприятия, представлена производственными факторами, куда входят: объем, ассортимент, структура, качество продукции; себестоимость, обес-

печенность основными и оборотными средствами и уровень их использования; наличие и степень инфраструктуры; экология производства [Швец А.А., Швец М.Ю., Шлыков Е.С. Факторы обеспечения..., 2009].

Возможность и условия перехода России на путь устойчивого экономического развития

Для предстоящего устойчивого экономического развития у России существует два варианта. Очевидно, что путь, при котором главным источником доходов страны является продажа топливных, минеральных ресурсов и леса, который сейчас выручает Россию, в длительном промежутке времени является бесперспективным [Тарко А.М. Два пути..., 2009].

Переход к устойчивому развитию затрагивает весь комплекс внутренних проблем долгосрочного развития страны, включая структурную и инвестиционную политику, изменение структуры потребления, охраны, рационального использования и воспроизводства природных ресурсов, экономической и экологической безопасности, социальной, научно-технической и региональной политики, а также внешнеполитические аспекты, где экологический фактор играет все более заметную роль в международных отношениях [Парфенов В.Ф. Устойчивое развитие..., 1999].

В ноябре 1997 г. Минэкономики России представило в Правительство РФ проект Государственной стратегии устойчивого развития Российской Федерации, доработанный совместно с Госкомэкологией России, Миннауки России, МПР России, другими федеральными и региональными органами исполнительной власти, Российской академией наук и с привлечением представителей органов законодательной власти, общественных организаций, видных ученых и специалистов. Предварительно проект Стратегии обсуждался на парламентских слушаниях (от 14 октября 1997 г.) и расширенном заседании коллегии Минэкономики России (от 27 октября 1997 г.)¹.

Разработанный на основе положений Концепции проект Стратегии сориентирован на выполнение задач, поставленных Конференцией ООН в Рио (1992) перед мировым сообществом. Он базируется на общепланетарных аналитических выводах, а также на

¹ Основные положения Стратегии устойчивого развития России /Под ред. А.М. Шелехова. – М., 2002. – 161 с.

согласованной установке, что устойчивое развитие – категория общечеловеческая и в отдельно взятой стране возможно только в качестве компоненты устойчивого развития всей цивилизации, однако в среднесрочном, тем более краткосрочном планах переход к устойчивому развитию должен решаться каждой страной самостоятельно.

На начальном этапе (после выхода из кризиса – краткосрочная перспектива – пять-семь лет) предусматривается решить первоочередные задачи стабилизации социально-экономического развития и создать нормативно-правовую базу по экологизации хозяйственной деятельности и оздоровлению окружающей среды в зонах чрезвычайных экологических ситуаций.

На следующем этапе (среднесрочная перспектива 20 лет) – реализовать основные элементы перехода к устойчивому развитию и на этой основе вывести страну на нормативный уровень состояния окружающей среды. В последующем (долгосрочная перспектива, десятки лет вперед) должна постепенно решаться проблема гармонизации развития общества и природы, создания основ ноосферной цивилизации, считает автор.

В 1996 г. указом Президента РФ Концепция устойчивого экономического развития была введена в России. Наша страна в настоящее время переживает глубокий экологический кризис, подразделяющийся на две части – естественную и социальную [Разумова Е.Р. Экология., 2010, п. 74].

Экологическая часть свидетельствует о деградации биосферы, т.е. о разрушении природной среды, социальная – о неспособности государственных и общественных структур остановить процесс деградации природы. Поэтому пока приходится констатировать, что в России Концепция устойчивого экономического развития введена формально, и выполнение ее основных положений откладывается до того времени, пока страна не справится с экономическими проблемами.

Определение устойчивого развития, предложенное Комиссией Брундтланд, принято среди большинства исследователей как наименее спорное из всех, однако оно скорее отражает стратегическую цель, чем указывает конкретный путь для практических действий. Неудивительно, что многие авторы предложили и продолжают предлагать свои варианты. Если к 1989 г. насчитывалось более 30 определений термина «устойчивое развитие», то сегодня их число достигает 100 [Синицына Е. Концепция устойчивого развития., 2012].

Первостепенная задача текущей политики России, по мнению А.В. Позднякова, состоит в определении, на каких принципах функционирования социально-экономических систем будет основываться государственная организация. Сейчас необходима не победа той или другой партии и поддерживающей ее части народа, не победа кого-либо из известных политических лидеров, а победа разума над стихией в социально-экономических и политических процессах [Поздняков А.В. Проблемы цивилизации..., 2013].

Для преодоления структурных ограничений экономического роста необходима кардинальная активизация инвестиционной и инновационной деятельности на основе опережающего развития нового технологического уклада, что невозможно без поддержания среднегодового темпа роста ВВП на уровне не ниже 8%, промышленного производства – 10, инвестиций в основной капитал – 15, расходов на НИОКР – 20% [Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. О стратегии устойчивого развития..., 2013, с. 27].

Необходимость обозначенного повышения темпов роста экономики определяется не стремлением «догнать» другие страны, а логикой создания фундаментальных предпосылок для активизации инвестиционных и инновационных процессов ради осуществления структурно-технологической модернизации в целях расширения возможностей социально-экономического развития в долгосрочной перспективе. При этом уникальность нынешней ситуации состоит в том, что благодаря относительно высокой норме сбережения объем капиталовложений можно поднять в полтора раза, не снижая уровня потребления. Но инвестиционному прорыву мешает то, что государство и бизнес вывозят сотни миллиардов долларов за рубеж, накапливая их в практически бездоходных западных финансовых инструментах, притом что бизнес потом занимает их на мировом рынке уже под 6–9% годовых.

Имеющийся в России объем национального богатства, сохранившийся научно-производственный, кадровый и интеллектуальный потенциал позволяют воспользоваться открывшимися в условиях глобального кризиса возможностями для прорыва к новой волне экономического подъема. Именно в этот период глобального структурного кризиса у стран, отставших от лидеров, появляется реальный шанс.

Чтобы «удержаться на гребне» новой волны экономического роста, инвестиции в развитие производств нового технологического уклада должны увеличиваться ежегодно не менее чем в 1,5 раза, а доля расходов на НИОКР достигнуть 4% ВВП.

Ключевыми направлениями стратегии долгосрочного развития экономики должны, по мнению авторов, стать:

- создание системы стратегического планирования, способной выявлять перспективные направления экономического роста, а также направлять деятельность государственных институтов развития на их реализацию;

- обеспечение необходимых для опережающего роста нового технологического уклада макроэкономических условий;

- формирование институтов финансирования проектов, создания и развития производственно-технологических комплексов нового технологического уклада и сфер потребления их продукции.

Особенность России – в управлении, пропорциях и формах организации регулирования экономикой. Использование опыта США по управлению устойчивостью в России возможно лишь при том условии, если Россия будет экономически самостоятельной, независимой национальной системой. Если страна зависима, то проблема устойчивости теряет свое значение, так как определять пути ее развития будут не внутренние, а внешние силы [Говорина Е.А. Сущность и факторы..., 2014].

Обеспечение устойчивого развития России некоторые исследователи связывают с проблемами модернизации экономики и социальной сферы [Модернизация экономики..., 2009]. Суть и направления модернизации определяются ее конечной целью, которой при всей важности экономического роста, технического совершенства и конкурентоспособности является улучшение условий жизни каждого человека уже сегодня и обеспечение благоприятных условий для будущих поколений. Эта задача определяется авторами как обеспечение устойчивого развития.

Модернизация должна учитывать огромные возможности страны для использования возобновляемых источников энергии. Это предполагает стимулирование производства энергии на основе возобновляемых источников энергии и поддержку отечественного производства необходимого оборудования. Как свидетельствует современный опыт Западной Европы, при минимальной поддержке, необходимой для запуска процесса, далее он развивается с нарастающей скоростью. Это направление развития укрепляет позиции страны как поставщика углеводородов, высвобождая дополнительные возможности для экспорта и обеспечивая национальную независимость и перспективы дальнейшего развития.

Техногенный путь развития экономики России привел к реальной угрозе экологического кризиса и необходимости пересмотра

общегосударственных ориентиров, считает Е.М. Ключникова. Около 40% населения Российской Федерации (свыше 60 млн человек) проживают на территориях, характеризующихся критическим или близким к критическому состоянием природной среды. Преодоление надвигающегося кризиса возможно только на основе формирования нового типа взаимоотношений человека и природы, исключающих разрушение и деградацию природной среды. Поэтому задачи разработки стратегии устойчивого развития территорий на всех уровнях управления приобретают в настоящее время приоритетное значение [Ключникова Е.М. Эколого-экономические проблемы..., 2013].

Качество жизни человека определяется не только экономическими и социальными условиями, но и качеством среды обитания. Последнюю можно охарактеризовать степенью загрязнения атмосферы, воздуха, которым мы дышим, водных объектов, воды, которую мы пьем и используем в быту, и степенью деградации природных ландшафтов, дающих нам возможность удовлетворять эстетические потребности. Качество среды обитания тесно связано с экономическим развитием территории. Данная связь носит нелинейный характер, это иллюстрирует экологическая кривая Кузнеца, демонстрирующая, что при росте ВВП (ВРП) на душу населения уровень деградации окружающей среды сначала растет, а затем по мере достижения определенного уровня благосостояния начинает снижаться.

Главный вывод состоит в том, что для решения экологических проблем территорий в целях улучшения качества жизни населения органам местного самоуправления следует разрабатывать и осуществлять политику устойчивого развития, считает Е.М. Ключникова. Инструментами политики устойчивого развития на местном уровне, по ее мнению, являются: целеполагание, планирование как ключевой фактор успеха; программы финансирования; сотрудничество с местным бизнесом и НПО для создания условий по внедрению более строгих требований и организации поддержки природоохранных инициатив.

Устойчивому развитию России мешает отсутствие согласия и объединенной политической воли в нашем обществе. Исторически выработанной готовности населения работать на общие цели противостоит другая национальная традиция – недоверие к власти, что создает крайнюю оппозицию. Преодолеть это состояние можно с помощью политических и законодательных мер, но при этом необходимо учитывать особенности российской духовности и мента-

литета, историю и национальные традиции, понимание нравственных императивов и ценностей нашего общества.

Одна из важнейших целей – развитие демократии и строительство гражданского общества. Только в развитом гражданском обществе возможен эффективный общественный контроль за властью. Развитие демократических тенденций должно сочетаться с глубокими нравственными преобразованиями, ибо все определяется не столько политическим устройством общества, сколько его нравственным состоянием.

Важная особенность России – возможность использовать такой географический фактор, как наличие огромной территории. Площадь территории, приходящейся на душу населения в России, составляет 11,5 га, в США – 3,35, в Японии – 0,29, Китае – 0,76 га. Наличие большой территории, в частности, означает, что демографический фактор, играющий в целом для биосферы планеты, возможно, решающую роль, не оказывается достаточно существенным для России, где низкая плотность населения и оно ежегодно сокращается почти на 700 тыс. человек. Направление развития для нас состоит в том, чтобы максимально стимулировать рождаемость путем укрепления семьи [Основные положения стратегии..., 2002, с. 73].

Другой важный фактор – колоссальные запасы природных ресурсов. Разумное и рациональное использование этих ресурсов в сочетании с рентными механизмами дает России значительное преимущество перед всеми странами мира. Однако включение рентных механизмов требует политической воли.

Высокий интеллектуальный потенциал страны и высокий уровень образования населения (частично утерянный за последние 20 лет) также составляют важнейший позитивный фактор развития.

Понятие устойчивого развития должно быть применено к социальной деятельности, а также к различным отраслям народного хозяйства, поскольку в наследство от централизованно управляемой экономики стране достался ведомственный подход к решению многих вопросов, принижающий роль регионов и игнорирующий территориально-национальные проблемы.

Охрана окружающей среды должна стать одной из главных стратегических целей развития. Темпы и масштабы деградации окружающей среды в России в большинстве случаев находятся на среднем уровне между развитыми и развивающимися странами. Так, по характеру деградации земель и лесов Россия ближе к развивающимся странам, а по выбросам загрязнений в воздушную и водную среду, их массе и разнообразию – к развитым странам.

На очередном Гайдаровском форуме-2014 «Россия и мир: Устойчивое развитие»¹ отмечалось, что российские стартовые условия для выхода на новый уровень развития не хуже, чем во многих развитых странах ОЭСР и БРИКС. Это утверждение было основным лейтмотивом форума, на котором Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) представила очередной обзор положения дел в России.

На форуме отмечалось, что поиск новых точек роста сопряжен с явными противоречиями [Лабыкин А. Противоречивое устойчивое развитие., 16.01.2014]. Например, ориентируясь на рост производства, не снижаются ставки по кредитам, принося промышленность в жертву сдерживанию инфляции. Требование инициативы от регионов по привлечению инвестиций с одновременным требованием от них невыполнимых обязательств и выкручиваем рук в части расходов. Проводим пенсионную реформу, но оказываемся перед угрозой увеличения бюджетных затрат, не желая повышать пенсионный возраст, как рекомендуют международные институты развития. Наконец, принимаем стратегии развития до 2018 г., не имея четких индикаторов на текущий год. Тем не менее на форуме члены правительства и международные эксперты высказали ряд свежих идей о том, как преодолеть некоторые противоречия.

Очередной обзор ОЭСР, представленный на форуме, прибавил оптимизма его участникам. Как отметил генеральный секретарь ОЭСР Анхель Гурриа, в России намного меньше безработица, чем в среднем в развитых странах (до 8% в среднем и 16% среди молодежи). Темпы роста экономики в России в прошлом году (прогнозные 1,8%) были не ниже, чем в среднем в мире (1,7%).

Еще более оптимистические оценки высказал Джеффри Сакс, директор Института Земли Колумбийского университета: «Ситуация сегодня в России – это ситуация неоднозначная, неоднородная. Кризиса здесь нет. Безработица, бюджетный дефицит и уровень бедности – с удовольствием США поменялись бы с вами этими показателями. В Европе тоже показатели не такие, но и кризиса здесь очевидного нет. Доход на душу населения у вашей страны – где-то 20–24 тыс. долл., это в два раза больше Китая...».

Российские чиновники тоже не упустили возможности подвести положительные итоги последних лет. Премьер-министр Д. Медведев напомнил, что за два года Россия продвинулась в рейтинге

¹ Гайдаровский форум «Россия и мир: Устойчивое развитие». – М., 2014. – Режим доступа: <http://www.gaidarforum.ru/>

Всемирного банка Doing Business на 28 позиций. И хотя пока у нас все равно достаточно скромное место, темп, который мы набрали, достаточно неплохой. Во многом это удалось за счет мер по улучшению инвестиционного климата.

Однако пока еще остается слишком много рисков, как внешних, так и внутренних. А. Улюкаев с сожалением отметил, что по итогам 2013 г. рост инвестиций в основной капитал был почти нулевым, и лишь в последнем квартале удалось добиться формально положительной цифры в рамках статистической погрешности – 0,2%.

А. Силуанов считает необоснованным излишнюю уверенность, с которой мы сформировали трехлетний бюджет, исходя из цены на нефть в 101 долл. за баррель. Он полагает, что ожидаемое продолжение спада промпроизводства в Европе, США и странах Азиатско-Тихоокеанского региона приведет к падению спроса на нефть, цена которой может снизиться до 90–80 долл. за баррель. С такими оценками согласны и эксперты ОЭСР, отмечая, что негативное влияние на цены окажут и новые разработанные месторождения ее добычи.

В свою очередь, Д. Медведев видит угрозу в дороговизне рабочей силы. Необоснованно высокие зарплаты наряду с неэффективностью самих работников, по его словам, повышают издержки производства и подогревают инфляцию.

На этом, конечно, длинный перечень всех экономических рисков не заканчивается. По мнению экспертов ОЭСР, инвестиционному климату России по-прежнему угрожают и коррупция, и несовершенство правоохранительной системы и правосудия, неразвитость дорожной инфраструктуры и многое другое.

Основные рекомендации ОЭСР сводятся к тому, что мы должны продолжать делать то, что уже делаем. И высокие оценки действий правительства основаны, как правило, на бурной активности, которая наблюдается и в социальной сфере, и в экономическом блоке. Другое дело, пока не ясно, принесет ли эта активность реальный эффект для повышения инвестиционного климата и сбалансированности бюджетной системы. Половинчатость некоторых начатых реформ, непоследовательность и несогласованность действий, которые, по сути, обнажили сами чиновники на форуме, могут испортить все благие начинания, заключает А. Лабыкин. Эти проблемы будут усугубляться ввиду предпринимаемых Западом санкций в отношении России в связи с событиями на Украине.

Концепция перехода России к устойчивому развитию вызвала волну критики, в том числе по мотивам слабости информацион-

ной базы, неясности механизма реализации, декларативности, т.е. сходства с другими разнообразными программами, ранее принятыми в нашей стране. Высказывалось предположение, что документ тихо и мирно скончается. Если бы не неослабевающее внимание мирового сообщества, это уже произошло бы.

Практическая деятельность по реализации Концепции устойчивого развития в России пока сводится в основном к попыткам создания новых бюрократических структур с неопределенными полномочиями (советы по устойчивому развитию) и оценкам территорий на предмет близости к устойчивому развитию.

Список литературы

1. Бегун Т.В. Устойчивое развитие: Определение, концепция и факторы в контексте моногородов // Экономика, управление, финансы: Материалы II междунар. науч. конф. (г. Пермь, декабрь 2012 г.). – Пермь: Меркурий, 2012. – С. 158–163.
2. Гаркавая В.Г. Измерение эффективности институтов устойчивого развития на региональном уровне. Институт устойчивого развития Общественной палаты РФ. Совместная программа Центра экологической политики России и Общественной палаты РФ. – 2009. – Режим доступа: <http://sustainabledevelopment.ru/index.php?cnt=223>
3. Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. О стратегии устойчивого развития экономики России // Экономические и социальные перемены: Факты, тенденции, прогноз. – М., 2013. – № 1(25). – С. 25–35.
4. Говорина Е.А. Сущность и факторы устойчивого экономического развития. Корпоративный портал ТПУ. – 2014. – Режим доступа: portal.tpu.ru/departments/kafedra/econ/.../Govorina_econRazvitie.doc
5. Давыдова Н., Тимофеева О. Устойчивое развитие города. Вопросы разработки стратегии // Муниципальная экономика. – М., 2000. – № 4. – С. 18–23.
6. Каратаева Е., Родина Н., Яковлева О. Управление развитием: Насущные проблемы и возможные варианты решений // Муниципальная власть. – 2003. – № 4. – С. 20–24.
7. Качан Е.П. Региональная экономика // Факторы устойчивого развития. – М., 2014. – С. 111–114. – Режим доступа: http://uchebnikonline.ru/rps/regionalna_ekonomika_kachan_yep/faktori_stalogo_rozvitku.htm#285
8. Ключникова Е.М. Эколо-экономические проблемы устойчивого развития и их решение на уровне муниципальных образований / Фонд «Устойчивое развитие» Агентства территориального развития. Министерство экономического развития Российской Федерации. – 2013. – Режим доступа: <http://municipal-sd.ru/?q=node/76>

9. Колесник Е.А. Совершенствование управления социально-экономическим развитием монопромышленного города: Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Челябинск, 2010. – 184 с.
10. Концепция коллективной безопасности государств – участников Договора о коллективной безопасности // Безопасность России: Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты: Основополагающие государственные документы. – М., 1998. – Ч. 1. – С. 1–78.
11. Кортунов С.В. Стратегия устойчивого развития // Что есть что в мировой политике: Словарь-справочник. – М.: Прогресс, 1986. – Темы: Глобальные проблемы и общественное сознание. – Электронная версия: Словарь «Что есть что в мировой политике» // Инновационный портал / Факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. – Режим доступа: <http://wpg.wehse.ru/terms/term1304505394.htm>
12. Кувшинов М.А. Понятие управления устойчивым развитием социально-экономической системы муниципального образования // Молодой ученый. – М, 2011. – № 7, Т. 1. – С. 86–91.
13. Лабыкин А. Противоречивое устойчивое развитие // Expert Online. – 16.01.2014. – Режим доступа: <http://expert.ru/2014/01/16/protivorechivoe-ustojchivoe-razvitie/>
14. Логунцев Е. Концепция устойчивого развития с позиций междисциплинарного подхода. // Городское управление. – 2000. – № 11. – С. 24–32.
15. Модернизация экономики и устойчивое развитие. Основные направления / Институт устойчивого развития при Общественной палате РФ. Совместная программа Центра экологической политики России и Общественной палаты РФ. – 2009. – Режим доступа: <http://www.sustainabledevelopment.ru/index.php?cnt=76>
16. Найденова Р.И. Условия обеспечения роста и устойчивого развития экономики региона // Pandia.ru. Энциклопедия знаний. – 2008. – Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/77/205/80285.php>
17. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / Пер. с англ. (под ред. Евтева С.А., Перелета Р.А.). – М.: Прогресс, 1989. – 376 с.
18. Основные положения Стратегии устойчивого развития России. Федеральное Собрание Российской Федерации / Государственная дума. Комиссия по проблемам устойчивого развития; Под ред. А.М. Шелехова. – М., 2002. – 161 с. – Режим доступа: <http://www.sbras.ru/win/sbras/bef/strat.html>
19. Парфенов В.Ф. Устойчивое развитие – магистральный путь России в XXI веке // ЭКО-бюллетень ИнЭКА. – 1999. – № 7–8(42–43). – Режим доступа: <http://ineca.ru/?dr=bulletin/arhiv/0042&pg=001>
20. Поздняков А.В. Проблемы цивилизации и устойчивое развитие // «Биосфера». – 2013. – Режим доступа: http://www.ihst.ru/~biosphere/Mag_3/pozdnyakov.htm#_edn1

21. Разумова Е.Р. Экология. 7.4. Концепция устойчивого экономического развития, ее критерии. – М.: МИЭМП, 2010. – 172 с. – Режим доступа: <http://yourlib.net/content/view/12470/148/>
22. Синицына Е. Концепция устойчивого развития. Лаборатория социальных инноваций CLAUDWATCHER. – 2012. – Режим доступа: <http://cloudwatcher.ru/analytics/2/view/72/>
23. Тарко А.М. Два пути устойчивого развития России // Библиофонд. Электронная библиотека. – 2009. – Режим доступа: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=97425>
24. Урсул А.Д. Концептуальные проблемы устойчивого развития // Бюллетень РАН. Использование и охрана природных ресурсов в России. – 2005. – № 1. – С. 30–38.
25. Урсул А.Д., Романович А.Л. Концепция устойчивого развития и проблема безопасности // Цифровая библиотека по философии. – 2001. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000706/>
26. Филиппов Ю.В., Авдеева Т.Т. Основы развития местного хозяйства. – М.: Дело, 2000. – 264 с.
27. Швец А.А., Швец М.Ю., Шлыков Е.С. Факторы обеспечения устойчивого развития АПК / Центр исследования региональной экономики. – 2009. – Режим доступа: <http://www.lerc.ru/?part=bulletin&art=10&page=28>
28. Щербанин Ю.А. Принцип устойчивого развития: Сущность и факторы // Neon-market.ru. – 2014. – Режим доступа: <http://neon-market.ru/470.html>
29. CIDA's sustainable economic growth strategy / Government of Canada. Foreign affairs, trade and development. – 21.07.2011. – Mode of access: <http://www.acdi-cida.gc.ca/acdi-cida/ACDI-CIDA.nsf/eng/NAD-9241625-RHC>
30. Ikerd J. Economic vs. sustainable growth: Identifying the essential mission of sustainable economies / CSRwire Talkback. The corporate social responsibility newswire. – 04.12.2013. – Mode of access: <http://www.csrwire.com/blog/posts/799-economic-vs-sustainable-growth-identifying-the-essential-mission-of-sustainable->
31. Taylor J. Sustainable development. A dubious solution in search of a problem policy analysis, N 449. – 26.08.2002. – Mode of access: <http://www.cato.org/pubs/pas/pa-449es.html>

И.Г. Минервин

СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ И ГОСУДАРСТВО: МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Выработка теоретического подхода, обоснование политики – необходимое условие начала всяких реформ и трансформаций. Эта же проблема встает постфактум при попытках теоретического объяснения достигнутых успешных результатов или провалов.

Мнения исследователей относительно факторов ускорения процессов роста и структурных изменений не отличаются единством. Тем не менее, несмотря на неудачи в построении единой модели устойчивого экономического роста, ее поиски упорно продолжаются. Один из основных вопросов, находящихся в центре неоклассического, неокейнсианского или неолиберального подходов к экономической стабильности и росту, – это вопрос о соотношении рыночных сил и государственного участия в экономике.

При всем многообразии подходов главные различия позиций сводятся к оценке роли государственной экономической и промышленной политики, государственного участия и стимулирования, с одной стороны, и свободной стихии рыночных сил, обеспечивающих эффективную координацию и распределение ресурсов, – с другой. По этим позициям ведутся основные споры и дискуссии между экономистами различных направлений. Эти дискуссии особенно усилились после кризиса 2008–2009 гг., породившего серьезные сомнения относительно будущей способности поддерживать приемлемые долгосрочные темпы роста. Дело в том, что стратегия макроэкономической стабилизации, основанная на монетарной и финансовой политике, обнаружила серьезную ограниченность, что определило переключение внимания на инновационную и другие микроэкономические стратегии роста. В условиях характерной для многих развитых стран многолетней недостаточности инвести-

рования в активы, обеспечивающие подъем производительности прежде всего в развитие технологии, возникает настоятельная необходимость в изменении стратегии роста и разработке новой экономической теории, которая, по мнению многих исследователей, стала «категорическим императивом» [Экономическая социодинамика.; Tassey G., 2013, p. 293].

Причина некоторой неопределенности и разнообразия современных подходов к политике экономического роста, ее теоретическому обоснованию и соответствующей практической реализации лежит, очевидно, в переживаемой эпохе смены технологических способов производства, или, согласно принятому в отечественной литературе термину, технологических укладов. Смена материальной основы производства, структуры хозяйства, причем не всегда синхронная, а скорее разновременная, разноинтенсивная с точки зрения пространства и времени, требует новых подходов, которые возникают и закрепляются сложными путями.

Другие важные процессы, оказавшие свое влияние, – развитие юридической сферы, включение правовых норм в экономическую жизнь в качестве способов ее регулирования, а также микроэкономические явления, развитие новых форм организации и управления производством.

XX век – поиски модели

Двумя крайностями в решении кардинальных вопросов построения экономической модели, проявившимися в XX в., оказались рыночный неолиберализм, свойственный «тучным годам» развитых экономик, и модель жесткого государственного управления экономикой тоталитарных режимов XX в.¹

Развитие корпоративной формы организации предприятий и соответствующих форм корпоративного управления и внутрифир-

¹ Советская централизованная административно-командная система на базе тотального огосударствления и централизованная командная система фашистской Германии с сохранением мощного частного сектора при его подчинении государственному диктату; если первая не является рыночной, то вторая может быть названа квазирыночной; и в том и в другом случае характерная доминирующая черта – милитаризация экономики. История знакома с различными вариантами: как со слиянием государства с олигархическим капиталом при подчинении первого второму, так и с диктатурой государства, подчиняющей частный сектор. При этом нет гарантии от различных метаморфоз, кроме развитого гражданского общества и демократических институтов.

менного менеджмента породило перенос методов регулирования на уровне фирмы на экономику в целом. Но и здесь возникли варианты – от дирижизма до планово-директивного управления.

Дирижизм означал введение в систему государственного воздействия на экономику элементов индикативного планирования, соединение механизмов государственного управления экономикой с рыночными экономическими механизмами, означавшее использование не только косвенных методов финансового, налогового и законодательного регулирования, но и непосредственного вмешательства в экономику различными способами.

Централизация управления и переход к прямым методам воздействия, безусловно, представляют экстремальный вариант, эффективный в чрезвычайных ситуациях как антикризисное, мобилизационное управление. Некоторые его черты были успешно применены администрацией США во время Второй мировой войны. Был создан целый набор новых государственных учреждений: Управление военного производства, занятое переводом национальной промышленности на военные рельсы, Управление экономической стабилизации, а затем Управление военной мобилизации, наделенное весьма широкими полномочиями, Управление ценового регулирования, установившее фиксированные цены, Военно-трудовое управление, осуществлявшее контроль за оплатой труда и продолжительностью рабочей недели [США во время Второй мировой войны].

При этом опыт США указывает на важность последовательности курса в сочетании с направлением, соответствующим условиям и потребностям времени. Рассматриваемый на протяжении длительного периода XX в., он показывает, что наибольших результатов экономика США добивалась тогда, когда она последовательно придерживалась одной из двух моделей своего развития – жесткого государственного регулирования (период Второй мировой войны) или последовательного либерализма (период «рейганомики»). И наоборот, экономика впадала в состояние длительной депрессии или вялого роста, когда либеральный подход совмещался с попытками государственного регулирования экономики (Великая депрессия 30-х годов и период 70-х годов, предшествовавший переходу к «рейганомике») [Управление экономикой США...].

Централизация, переход от регулирования к непосредственному администрированию, усиление прямого государственного участия в экономике – это по сути антикризисная, мобилизационная модель. Таковой мерой и было, например, создание в США Администрации долины реки Теннесси как одно из мероприятий

(наряду с другими, как административными, так и финансовыми мерами) по выходу из кризиса. Такой же в принципе характер носили создание ряда государственных ведомств в период Второй мировой войны с задачами централизации управления оборонными отраслями и системы государственных закупок их продукции (расформированное после окончания войны) или масштабные вливания средств в частные банки и корпорации и даже частичное огосударствление во время кризиса 2008–2009 гг.

Жесткая мобилизационная модель, напоминающая командно-директивную модель советской экономики или авторитарно-принудительную модель фашистской Германии, пригодна только в определенном месте и в определенное время с определенными (довольно ограниченными) целями.

Вариант, в отличие от либерального дирижизма носящий явно тоталитарный характер, – плановая экономика, утверждение которой в СССР исходило из представления о всевластии государства в экономике. Ее сутью были тотальная национализация (огосударствление) частных предприятий и тотальная централизация управления. Пережитки такой системы в нашей стране, как это ни странно, еще очень сильны, например, в виде господства естественных монополий. Как справедливо отмечает А.П. Огурцов, «и поныне существуют различные версии переноса механизмов корпоративного управления на все общество, при которых общество отождествляется с корпорациями, а государство с насилием» [Огурцов А.П., 2013, с. 122].

Если естественный, природный либерализм, т.е. стремление к свободе как высшей ценности, принадлежащей каждому от рождения, вечен и служит глубинной основой прогресса социального и политического устройства человеческих сообществ, то либерализм (сегодня – неолиберализм) в экономике есть лишь одна из концептуальных основ экономической политики, время от времени возникающая на историческом горизонте в зависимости от складывающихся экономических и политических условий.

Фактически весь исторический путь развития функций государства был связан с извечной проблемой эффективности. Важной вехой на его пути стало учение Дж.М. Кейнса, послужившее теоретической основой американского «Нового курса» и усиления регулирующей функции государства.

Переход к политике дерегулирования был обусловлен завершением кризисных и военных условий и периодом высокой конъюнктуры, а очевидный новый виток усиления системы регу-

лирующего воздействия – завершением эпохи благоденствия и хорошего роста и потребностью в повышении эффективности и практической отдачи от инвестируемых средств.

Неолиберальная модель экономики – это, по сути, возврат к модели рынка как механизма координации и свободной конкуренции как двигателя прогресса и экономического роста. Экономический неолиберализм – это модернизированный классический либерализм, он, как пишет Г.Х. Попов, «утверждался в борьбе как с неокейнсианством, так и с различными теориями государственного социализма» [Попов Г.Х., 2012, с. 326], но в конечном счете приходит к противоречию между отказом от регулирования на основе критики государственной экономики и провалов регулирования, зачастую справедливой, и признанием ограничений рыночных сил и провалов рынка, ведущих к накоплению диспропорций, кризисам и неизбежно требующих государственного вмешательства и усиления регулирования.

Неолиберальная доктрина – уход в прошлое

В сфере российской экономической политики действует «стройная» система политико-экономических представлений и практических действий, предназначенная, очевидно, для полного затуманивания того, «кто есть кто» в глазах общественности. Правительство на словах не отказывается от неолиберального (в экономическом смысле), гайдаровско-ельцинского наследства, громко заявляет о необходимости свертывания государственного участия в экономике, подразумевая при этом только прямое участие и совершенно забывая о целенаправленной экономической и промышленной политике, о рычагах регулирования. В то же время фактически укрепляются близкие власти госкорпорации, которые по преимуществу являются естественными монополиями или монополиями в своих отраслях, что фактически повторяет супермонополистическую структуру советской экономики и еще более подавляет и так практически отсутствующую конкуренцию, без которой рыночная экономика не существует.

Критика неолиберализма как основы социально-экономической политики в России, четко выраженная многими его противниками [Глазьев С.Ю., 2011; Залог успешной экономики...], не отрицает некоторых важных достижений 20-летнего российского реформизма (создание рыночной экономики, возникновение предпринимательского класса, устранение дефицита, интеграция в мировую экономику), но в целом ставит ему неудовлетворительную оценку.

Критики неолиберального проекта рыночных преобразований в России связывают с ним процессы деиндустриализации и примитивизации производства, деинтеллектуализации труда и деградации социальной сферы, появление массовой бедности, непрерывный рост коррупции и незаконное обогащение немногих. «Безоглядное упование на силу «невидимой руки рынка», отрицание созидания, фактический отказ от реализации потенциала народа как главной задачи экономической политики привели Россию к затяжному экономическому и демографическому кризису» [Бабкин Л. Есть и другие проблемы...].

Здесь, однако, наряду со справедливой констатацией печальных последствий реформ последнего 20-летия, можно найти некоторую нелогичность. Так уж либеральны эти реформы и не повернуты ли они реально вспять в последнее время? Следование устаревшим образцам завело экономику в тупик, но исправил ли ситуацию хоть в малейшей степени уклон в сторону авторитарного госмонополизма или он лишь обострил ситуацию? Где свободный рынок и возможности широкого развития предпринимательской инициативы, где на фоне чудовищной коррупции и невиданного разрыва в доходах поддержка малого бизнеса и защита прав собственности? Налицо прежде всего крайняя непоследовательность, которая в принципе не может дать положительного результата.

Сегодня во всем развитом мире можно наблюдать усиление роли государства в направлении отказа от политики дерегулирования и расширения мер в области поддержки бизнеса, его наукоемких, инновационных секторов, использования методов государственно-частного партнерства. В России же государство, безусловно, стало крупнейшим участником экономической жизни, но в каком качестве? Фактически государство используется в качестве инструмента, независимого от общества и нацеленного на обслуживание собственных интересов в тех случаях, когда это выгодно власти, осуществляет подчас «бесцеремонное вмешательство в экономику и перераспределение доходов от ее функционирования в пользу клана чиновников и властных групп» [Государство..., 2013, с. 189].

Усиление прямого и косвенного участия государства в экономике отражается, в частности, в наличии большого и растущего числа государственных и муниципальных унитарных предприятий, которые, вопреки своему предназначению участвуя в переделе рынка, подменяют собой сферу деятельности частного сектора. Созданные в 2000-х годах государственные корпорации стали монополистами в своих отраслях (Ростехнологии, Росатом, Внешэкономбанк). Кроме

того, государство контролирует от 51 до 100% акций в таких важнейших для экономики структурах, как Газпром, Роснефть, Транснефть, РЖД, Аэрофлот [Гонтмахер Е.Ш., 2013, с. 276–277].

Фактически последние годы – это постепенный возврат к советской, государственно-бюрократической модели экономики с доминированием ВПК. Огромные средства направлены в долгосрочной перспективе на перевооружение. Но такой повтор старой стратегии, инвестиции в ВПК и даже в другие сектора государственной экономики (госмонополии типа Газпрома) не стимулируют роста. Очевидно, что огосударствление экономики блокирует действие мультипликатора и государственные расходы не стимулируют активность подавленного частного сектора. Такая модель экономики не только неэффективна, но просто бесперспективна.

В то же время распространенным является тезис о минимизация государства. Е.Ш. Гонтмахер считает, что «участие исполнительной власти в экономике... требует радикальной минимизации: государственные инвестиции должны быть ограничены лишь особо значимыми социальными объектами; функции регулирования и контроля за экономической деятельностью следует передать к саморегулируемым организациям и профессиональным ассоциациям» [Гонтмахер Е.Ш., 2013, с. 281].

Здесь полезно указание на роль профессиональных ассоциаций, таких, например, как АРБ, выполняющая полезную функцию для развития банковского дела в стране. Зарубежная же практика дает массовые примеры подобного рода. Однако основной вопрос заключается в другом. Инвестиции и регулирование – это две разные сферы деятельности государства в экономике. Существует, кроме того, мощный фактор доверия, в данном случае недоверия к частному сектору у большой доли населения, с которым необходимо бороться, в том числе с помощью реформирования частного сектора, но который нельзя не учитывать.

Существуют призывы признать тенденцию к устранению государства и его бюрократии из многих сфер общественной жизни обоснованной и содействовать ей. Но избавиться от государства означало бы либо передать его функции другим институтам, т.е. обществу, которое все равно вынуждено было бы тут же создать для этого новые институты, равносильные государству, либо совсем ликвидировать эти функции, что невозможно. Иное дело самоограничение власти, на что указывает, например, Е. Гонтмахер: «Ответственная власть... должна заняться самоограничением. Только тогда в России и оживится экономика, и поднимется градус обще-

ственного оптимизма в стране» [Гонтмахер Е.Ш. На «взбесившемся принтере»...].

Сегодня стандартное неоклассическое объяснение по-прежнему связывает успехи азиатской индустриализации с ростом экспорта, либерализацией торговли и ростом частного сектора. Экономисты мейнстрима определили Корею, Сингапур и Тайвань как либеральные экономики, несмотря на интенсивное проведение ими государственной промышленной политики. Высокие темпы роста в других быстро развивающихся странах Азии также объяснялись результатами инициатив по либерализации. Китайская политика открытых дверей, проводимая с 1978 г., возврат Малайзии к либерализму в 1986 г. вслед за массированными мерами по индустриализации, усилия по либерализации, предпринятые в Таиланде и Индонезии после 1986 г., аналогичные меры во Вьетнаме после 1989 г. и в Индии после 1991 г. были оценены как важные этапы в привлечении рыночных сил в качестве факторов ускорения [Rasiah et al., 2012].

Противоречивость позиций отражается на предлагаемых мерах по реализации экономического потенциала России и ускорения роста, среди которых можно видеть средства из разных арсеналов. В этом, однако, нет ничего дурного, если то, что можно оценить как непоследовательность, превращается в комплексность и системность и тем самым в свою противоположность.

Так, предлагается разработать и реализовать систему долгосрочных целевых программ, подкрепленных активной и эффективной промышленной политикой; отказаться от затратных суперпроектов, не окупаемых даже в отдаленной перспективе; снизить налоговую нагрузку и ставки по кредитам для несырьевых секторов экономики, для предприятий, осуществляющих модернизацию; уменьшить социальное неравенство, в том числе через систему прогрессивного налогообложения; создать равные условия международной конкуренции на внутреннем рынке; добиться пересмотра условий участия России в ВТО и инициировать политику селективного протекционизма; содействовать продвижению отечественных несырьевых товаров на внешних рынках; продолжить процесс приватизации и выход государства из прямого участия в экономике; остановить курс на повальную коммерциализацию и приватизацию социальной сферы и т.д.

Сторонники свободной рыночной экономики подчеркивают общность условий функционирования частного и государственного секторов при равенстве информационных и транзакционных из-

держек. Действительно, принадлежность организаций в той или иной степени к государственной собственности не мешала бы им быть поставленными в условия рыночной конкуренции, если бы соблюдалось условие исключения элементов монополизма и государственных преференций. Представители институционального направления придерживаются утверждения, что эффективная рыночная аллокация ресурсов не может быть достигнута без вмешательства правительства.

Правы те, кто говорит, что неолиберальный курс себя исчерпал, но это касается «рыночного фундаментализма», неолиберального курса в чистом виде, что уже давно осознано на Западе и прочно закреплено в общественном сознании после кризиса 2007–2009 гг. Тенденция отказа от неолиберализма, выражавшегося в концепции монетаризма и политике дерегулирования, возникла на Западе начиная еще с 70-х годов XX в. К тому же на Западе минимизация участия государства в экономических и социальных процессах зачастую является иллюзией, поскольку такое участие многообразно и осуществляется в разных формах и на различных уровнях. Во-первых, государство и его участие не сводятся к действиям центрального правительства, во-вторых, всегда действуют специалисты ведомств, даже когда политическое руководство пассивно. Здесь свою роль играют процессы децентрализации власти с передачей многих функций региональным и муниципальным органам, формируемым на выборной основе. Кроме того, действуют принципы прозрачности и подотчетности всех органов власти.

Снижение темпов роста и возрастание финансовой нестабильности, датируемые 70-годами XX в., ознаменовались усилением концепции неолиберализма и практики дерегулирования, их превращением в основные направления экономической политики ведущих стран, и прежде всего США. Целью неолиберальной идеологии было сокращение масштабов государственного аппарата и дерегулирование рынков, в первую очередь финансовых. На микроуровне этот же период характеризуется усилением зависимости корпоративного менеджмента от крупных институциональных инвесторов, а последних – от бизнес-менеджеров в обеспечении прибыльности и роста стоимости акционерного капитала, превращением «менеджерского капитализма» в «капитализм денежных менеджеров». Корпоративный менеджмент и денежный менеджмент попадают в ситуацию взаимной зависимости, при этом внимание обеих сторон сосредоточено на взаимосвязанных показателях денежных потоков, прибыли и цен акций.

Очевидно, что в сфере экономической политики глобальный финансовый кризис обострил проблему и усилил тенденцию отхода от доминировавшей в предшествующий период доктрины неолитерализма. Экономический неолитерализм, столь популярный еще два десятилетия назад, в том числе среди отечественных реформаторов 1990-х годов, и нашедший отражение в так называемом «Вашингтонском консенсусе», безусловно, ушел в прошлое. Как отмечал еще в начале 2000-х годов Дж. Стиглиц, неолитеральный фундаментализм, представляющий собой доктрину на службе частных интересов, усиливает неравенство, создает угрозу для мировой экономики. Р. Коуз еще в 1937 г., наблюдая возникшую к тому времени полемику (возможно, под влиянием политики «Нового курса» и даже опыта плановой экономики), обратил внимание на развитие альтернативных рынку способов экономической координации [Coase R.H., 1937].

Сегодня, после экономического кризиса 2008–2009 гг., даже в США, всегда выступавших в роли цитадели экономического либерализма, противоположная ему тенденция приобретает явные черты. Все больше голосов присоединяется к концепциям усиления регулирующей, перераспределительной и стимулирующей функций государства (что никак не связано с масштабами государственной собственности, т.е. прямого участия государства в экономике, которое справедливо рассматривается как чрезвычайная мера).

Дж. Стиглиц и ряд других авторов выдвинули экономический подход к государству, рассматривая его как особый субъект рыночных отношений, к которому применим основной экономический принцип – принцип эффективности. В этом же ряду и проблема оптимального соотношения деятельности частного и общественного секторов в экономике, сущность которой состоит в придании конкретного значения общему положению об оптимальности с точки зрения масштабов и характера общественного сектора. Экономический подход по своей сущности означает рассмотрение тех аспектов роли государства, которые связаны с ограниченностью природных ресурсов, труда и капитала, а также с индивидуальным и общественным благосостоянием [The economic role..., 1989, с. 1, 5]. Как подчеркивает Дж. Стиглиц, при определенных условиях общественные цели могут быть достигнуты на основе частного производства, но частное производство не способно достичь всех целей государственной политики [The economic role..., 1989, с. 41].

Как отмечает английский экономист П.М. Джексон, в настоящее время большинство экономистов уверены в ошибочности

крайних точек зрения, согласно которым правительство должно отвечать за всю экономическую деятельность или не должно делать ничего. Государственные бюрократии не обладают способностями обработки информации, решения проблем координации и создания стимулов, свойственными рынку. Рынки эффективны только при весьма ограниченных и специфических условиях, более того, они продуцируют несправедливое в социальном отношении распределение богатства. Необходимо, таким образом, найти баланс, «третий путь», представляющий собой смешанную экономику, обладающую лучшими чертами рыночной и бюрократической конструкций. В то же время ясно, что государственное предложение общественных услуг сохранит свое значение. Вопрос состоит в его форме и степени регулирования [Jackson P.M., 2001, p. 6].

Решение масштабной задачи синтеза двух подходов – рыночного и государственнического – предпринято в работе Р.С. Гринберга и А.Я. Рубинштейна. Разработанная ими концепция экономической социодинамики (КЭС) выделяет государству значительное место в экономике [Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & Государство.; Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики.; Экономическая социодинамика...].

Идейный стержень концепции – обновить традиционные подходы и соединить два направления экономической теории, облекаемые авторами в постулаты индивидуализма и государственничества. Активная роль государства обосновывается наличием благ, «полезных для общества как такового» и, соответственно, автономного общественного интереса, реализуемого государством.

Эта теория отводит четкое место государству, исходя из представления о рынке «опекаемых благ» – особой группе товаров и услуг, в отношении которых имеются нормативные интересы общества. Ее теоретическое ядро может быть охарактеризовано главным образом как переход от методологического индивидуализма к более мягкому принципу комплементарности индивидуальной и социальной полезности, допускающему существование нормативных интересов общества наряду с предпочтениями индивидуумов. Индивидуализм отрицается как не допускающий существования интересов общества, а государство утверждается как самостоятельная сила (рыночный игрок), стремящаяся реализовать интересы общества.

Отсюда и новая трактовка равновесия, которое в концепции экономической социодинамики представляет собой обмен принадлежащих государству ресурсов на социальную полезность опекае-

мых благ. Данное теоретическое положение служит обоснованием «законности» общественного финансирования организаций культуры, науки, образования: речь идет о социально целесообразных государственных расходах на реализацию нормативных общественных интересов.

Постулат индивидуализма с очевидной необходимостью требует модернизации, и эта идея, в сущности, не нова. Так, еще в конце XIX в. «немецкая финансовая наука» признавала наличие интересов общества как такового и категорию «коллективные потребности» [Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики...]. Об общественных интересах, затрагивающих всех участников рыночной экономики, и необходимости для государства регулировать эти интересы, зачастую сдерживая и ограничивая действия отдельных игроков, было заявлено администрацией США в 1960-е годы, когда начали приниматься практические меры такого характера¹. Эта же идея лежит в основе антимонопольной политики, осуществляемой более или менее успешно на протяжении более ста лет. О наличии особых свойств целого, отличающихся от свойств его частей, как и от простой их суммы, утверждает не только философия холизма, но и теория систем.

Авторы концепции экономической социодинамики обращают внимание на господствующее в теории индивидуалистическое обоснование общественных потребностей и идут дальше, доказывая существование интересов общества как такового. Наиболее сильная сторона концепции – указание на источник формирования общественного интереса, выводимый из представления о социуме как совокупности, испытывающей постоянные флуктуации, порождающие энергию возмущения, и о динамике социальных систем как результате взаимодействия необходимости и случайности.

Вместе с тем в рассматриваемой концепции интересы общества противопоставляются интересам индивида, что не всегда справедливо, и отождествляются с интересами государства. Тем самым интересы государства выводятся и приравниваются к интересам

¹ В 1961 г. Дж.Ф. Кеннеди выдвинул программу экономической политики на основе рекомендаций, предложенных консультативной группой под руководством П. Самуэльсона. Тогда впервые в истории США правительство взяло на себя в качестве одного из своих главных обязательств ускорение темпов экономического роста, что далеко выходило за рамки принимавшихся ранее обязательств обеспечения полной занятости, борьбы с инфляцией, проведения антикризисных мероприятий [Самуэльсон П. Экономическая политика..., 1964, с. 33, 51].

общества, тогда как на деле это не так. Более того, можно утверждать, что между обществом и государством существует извечное противоречие и государство выступает как агент общества только тогда, когда общество способно контролировать его. Бесконтрольное государство далеко от служения интересам общества. Проблема, однако, в том, что общественные интересы довольно сложно выявить. Для этого и нужны особые институты и механизмы, которые принято определять как демократические. Автономный общественный интерес, безусловно, существует и является значимым, но он не тождественен государственному интересу. Это вытекает из того факта, что эти интересы представлены различными индивидами и, несмотря на несводимость их индивидуальных интересов, существуют интересы групповые.

Сегодня можно слышать рассуждения о том, что если государство и его бюрократия, чиновничество плохи, некомпетентны и коррумпированы, то почему бы не избавиться от них. Это равносильно призыву отказаться от еды, голодать, если нет качественной пищи, т.е. к самоуничтожению, вместо того чтобы направить усилия на ее улучшение. Коль скоро речь идет об экономике, то устранение государства означало бы полную и неограниченную стихию рыночных сил со всеми вытекающими последствиями. Но весь, однако, вопрос о том, какое это государство и как оно участвует в экономике. Либерально-демократические преобразования, как хорошее питание, – единственный выход, диктуемый инстинктом самосохранения (если он еще существует), даже несмотря на то, что «Россия отделена от “настоящей”, “хорошей” демократии исторической дистанцией огромного размера». Но и отказаться от строительства демократических институтов нельзя, «понимая, что, свернув с пути демократического развития, страна окажется в историческом тупике» [Порус В.Н., 2013, с. 240].

Характеристики сегодняшней российской модели с ее тенденцией к централизации, выстраиванием жестких вертикалей управления, монополизацией, бюрократией, коррупцией, удушением малого бизнеса не имеют ничего общего с развитой постиндустриальной экономикой. Это, во-первых, модель сырьевой экономики и, во-вторых, модель монопольной и в значительной мере огосударственной экономики, полученной в наследие от командно-директивной.

Вряд ли можно оспаривать тот факт, что современный российский капитализм несет черты, сформировавшиеся на протяжении длительного исторического опыта, и что многие из этих черт

суть слабости, определяющие облик его модели на длительную перспективу. Г.А. Явлинский показывает, как сложившаяся в результате постсоветской трансформации система унаследовала некоторые существенные черты, уходящие корнями в императорскую Россию. К ним относятся структура собственности – высокая доля госсектора, включая полугосударственные и квазигосударственные компании. «В наследство постсоветским правительствам в России, – пишет Явлинский, – досталась страна, где практически все основные ресурсы были сконцентрированы под контролем центральной власти... И век назад основные ресурсы страны, даже в частном секторе экономики, фактически не находились в по-настоящему частной собственности... Как и сейчас, предприниматели осознавали свою зависимость от авторитарного государства, привычно смотревшего на все главные ресурсы страны как на “государевы”, жалюемые подданным не столько в собственность, сколько в пользование и употребление в обмен на политическую лояльность и готовность выполнять пожелания самодержавной власти... Крупные частные компании в наших условиях не являются в строгом смысле этого слова частной собственностью контролирующих акционеров. В случае продажи или конвертации активов в иные формы они не являются полностью свободными в своих действиях, а выгода, которую они могут извлечь для себя лично из распоряжения формально принадлежащей им собственностью, реально ограничена отношениями с административной властью различного уровня». Отсюда и все хорошо известные слабости российской экономики, в том числе низкий уровень диверсифицированности, зависимость от природных ресурсов, ограниченность механизмов рыночной конкуренции, слабость стимулов для повышения эффективности и т.д. «Совокупность всех этих слабостей есть, по сути, следствие той модели “периферийного капитализма”... которая еще в 1990-е годы определила орбиту движения экономики страны на достаточно длительную перспективу» [Явлинский Г.А., 2014, с. 145, 148–150].

Но поскольку, как справедливо пишет В.Н. Порус, «уродства нашей действительности, в том числе и уродство нынешней бюрократии, являются неизбежными следствиями культурного кризиса, уже переросшего в культурную катастрофу», необходимо культурное возрождение, предполагающее воспитание всех его компонентов – политического, правового, управленческого и трудового. А это значит, что нельзя говорить о повышении уровня культуры «вне работы по совершенствованию управленческой системы, по созда-

нию основ демократического, гражданского общества» [Порус В.Н., 2013, с. 243].

Необходимо укреплять правовую систему и способствовать развитию гражданского общества, основываясь на ценностях справедливости и свободы, и одновременно усиливать регулирующую роль государства в экономике во всем ее многообразии. Российская же власть ведет систематическое наступление на гражданские свободы, на независимые СМИ, ее устраивает отсутствие правосудия, коррумпированные «правоохранительные» органы и т.д., но при этом она упорно продолжает цепляться за неолиберальную модель экономики. Впрочем, здесь любая политика принимает извращенные формы. Динамика приватизации и национализации здесь понимается как возможность вопреки логике экономического развития, но согласно логике личных интересов, превращать крупнейшие частные компании в государственные, чтобы затем, после их накачки бюджетными средствами, снова превратить в частные [Никольский С.А., 2013, с. 210].

Сегодня большинство экономистов признают, что действовавшие источники экономического роста сырьевой экономики полностью исчерпаны и для обеспечения ее устойчивого роста необходима реализация ряда важных институциональных преобразований, прежде всего в области децентрализации, укрепления гарантий прав собственности и улучшения делового климата, отказа от административных методов жесткого регулирования и вместе с тем усиления антимонопольного регулирования, снятия барьеров для конкуренции и создания эффективной инновационной системы. Такая необходимость связана не только со сложившимися локальными дисфункциями, но и общемировыми тенденциями, являющимися ответом на вызовы постиндустриальной эпохи.

Особенности современного этапа и роль государства

Исходным моментом современных концепций экономического развития является констатация перехода к новой исторической форме экономики, отличающейся от традиционного капитализма. Этот этап фигурирует под различными названиями – новой экономики, постиндустриальной экономики, экономики знаний, инновационной экономики, – которые указывают на различные стороны этого явления, но в равной мере подчеркивают потребность в новых моделях экономического роста.

Это чрезвычайно важное обстоятельство. Нельзя подходить к современности со старыми мерками, в этом заключается одна из ошибок неолиберализма. Важно то обстоятельство, что современная экономика является постиндустриальной по своей базовой структуре, экономикой знаний по основному источнику и инновационной по движущей силе и механизму роста.

Многие аналитики говорят об изменении экономического строя развитых стран, о том, что он уже не является капитализмом в классическом понимании. Г.Х. Попов, например, определяет его как постиндустриализм, существенно отличающийся от капитализма. Он связывает возникновение постиндустриальной экономики с рузвельтовским «Новым курсом» как своеобразной альтернативой, третьим путем по сравнению с формами государственно-бюрократического социализма, возникшими в СССР и Германии в предвоенный период.

Основными «блоками» постиндустриальной экономики являются: во-первых, частный сектор, в том числе мощный малый и средний бизнес; это поле для действия рынка и свободной конкуренции как главного механизма взаимодействия экономических агентов; во-вторых, государственный сектор, включающий отрасли, которые не могут функционировать без централизованного руководства или выполняют оборонные и другие функции, которые нельзя передать частному предпринимательству; в-третьих, система государственного регулирования всей экономики и ее инструменты (денежное обращение, кредитные и биржевые регуляторы, регулирование цен, налоги и т.д.) [Попов Г.Х., 2012, с. 634–635]. В этой модели, таким образом, постиндустриальная экономика предстает как синтез частного и государственного хозяйства.

Г.А. Явлинский включает в характеристики нового этапа капитализма не только сдвиги в структуре, но и существенные изменения в экономическом механизме, в том числе в таких его аспектах, как набор и соотношение используемых ресурсов, соотношение сил различных участников, характер распределения доходов, экономический смысл потребления. По его мнению, изменения претерпевают и такие базовые вещи, как понятия производительности и полезности, основы ценообразования, взаимосвязь экономического роста и технического прогресса [Явлинский Г.А., 2014, с. 71].

Основные черты постиндустриальной экономики можно свести к следующему:

– структурные сдвиги в экономике и обществе: а) в отраслевом плане – развитие информатики, биотехнологии, нанотехнологии,

новых материалов, других отраслей, соответствующих новому типу технологического способа производства; б) в социальной структуре и, соответственно, в структуре человеческого капитала в направлении развития креативных профессий и видов деятельности (экономика знания); в) в структуре факторов производства – растущее значение различных форм интеллектуальных активов и интеллектуальной собственности;

– превращение инноваций, инновационных процессов в главный двигатель, источник экономического развития и новые формы организации и кооперации в сфере НИР (инновационная экономика); финансовые и денежно-кредитные рычаги уже не могут обеспечить долгосрочную траекторию роста; экономический рост прочно связывается с технологическим прогрессом и ростом производительности на его основе;

– изменение характера конкуренции при сохранении ее интенсивности, ослабление влияния чисто рыночных сил при возрастании значения долгосрочной стратегии, проектного управления, отраслевых консорциумов, аутсорсинга, сетевых структур; превращение знаний и интеллектуального капитала в «критический ресурс», вызывающее переосмысление стратегии и тактики менеджмента;

– в сфере корпоративного управления изменение баланса влияния между акционерами и прочими стейкхолдерами в пользу последних, сопровождаемое снижением значимости краткосрочных показателей роста богатства акционеров и возрастанием роли долгосрочных показателей стратегических инноваций, устойчивости роста и учета социальных и экологических последствий экономической деятельности;

– усложнение проблем координации и усиление недостаточности рыночного саморегулирования, вызывающие существенные изменения роли государства и форм его воздействия на экономику.

Эти явления и тенденции, отражающие эволюционное поступательное движение современных экономических систем, во многих случаях сопровождаются явлениями, которые можно отнести к издержкам дерегулирования, т.е. недостаточного воздействия со стороны государства в условиях неспособности решения возникших проблем за счет саморегулирующих способностей рыночных сил.

Сюда относится прежде всего финансовая революция – так называемая финансиализация, послужившая одной из глубинных причин кризиса, которая представляется в виде деформации финансовой системы вследствие разрастания искусственного финансового богатства, оторванного от реальных ценностей и их производства.

На макроуровне эти явления развивались на фоне фундаментальных процессов возрастания в целом роли финансов и гипертрофии финансовой сферы, приведших к новой фазе институционального развития, получившей в литературе наименование «капитализма денежных менеджеров» как модернизированной версии финансового капитализма XX в. Параллельно наблюдались резкий рост внимания к финансовому контролю за деятельностью хозяйствующих субъектов и доминирование в управленческом анализе финансовых показателей.

Современный характер экономики развитых стран как капитализма денежных менеджеров отличает ее от традиционного финансового капитализма XX в. Финансовый капитализм завершился Великой депрессией, а капитализм денежного менеджмента испытал серьезный кризис в 2007–2009 гг. и продолжает находиться в состоянии относительно низкого роста. Это, по мнению ряда экономистов, может означать завершение капитализма денежных менеджеров и переход к новой фазе [Van Lear W., Sisk J., 2010].

Финансовая сфера одновременно характеризуется появлением невиданных ранее возможностей эмиссии платежных средств огромным числом участников экономического процесса. Другое явление, вызывающее требование активизации надзорной и регулирующей функций государства, – огромный рост задолженности в развитых экономиках и формирование в глобальном масштабе долговой экономики, т.е. беспрецедентного роста чистой задолженности всех участников (бизнеса, населения и самого государства), в сочетании с ее фактической неподконтрольностью, что вызвало растущую угрозу устойчивости мировой экономики.

Существенный вклад внесла и информационно-цифровая революция. В цифровом мире в силу присущего ему сетевого эффекта полезность продукта или услуги растет с увеличением числа пользователей, поэтому при достижении определенной критической массы потребителей компании получают возможность занять доминирующие позиции на рынке, не заботясь о прибыльности в краткосрочном плане. При этом, как отмечают наблюдатели, государственные органы, ответственные за соблюдение правил конкуренции, оказались безоружными перед набирающими силу монополиями, им остается лишь наблюдать за действиями транснациональных гигантов, направленными на уход от налогов. В условиях динамики цифровой революции слабость регулирования становится катастрофической [Chevllier M., 2013, p. 62].

Логично предположить, как это делает, например, Г.А. Явлинский, что существует связь изменений характера рыночных отношений и самой концепции рынка с техническим прогрессом и ростом производительности. По его мнению, этот прогресс приводит к такому росту эффективности постиндустриального производства, который выходит за рамки индустриального этапа развития, с одной стороны, и в то же время не дополняется соответствующими сдвигами в массовой системе ценностей, стереотипах культуры и в политической активности – с другой. Но если «простое манипулирование рыночным механизмом позволяет формировать спрос под собственные возможности и под собственное положение, ставящее продавца над рыночной конкуренцией, и тем самым повышать норму прибыли до любых высот, то мы оказываемся в мире, где постулаты, лежащие в основе классической экономической школы, становятся фактически irrelevantными» [Явлинский Г.А., 2014, с. 171].

Очевидно, таким образом, что процессы постиндустриальной эволюции имеют оборотную сторону – структурные изменения, ведущие к гипертрофии финансового сектора, и прежде всего кредитной сферы и ее инструментов (кредиты, фьючерсы, ипотеки, хедж-фонды и т.д.). Эта долговая экономика денежных менеджеров, т.е. фиктивного капитала, все более отдаляющегося от реальной экономики и ее ресурсов, уже подготовила фактически глубокий кризис всей системы, в наступлении которого уже мало кто сомневается. Кредитные кризисы, повторяющиеся в последние десятилетия, являются, по сути, лишь преддверием, подготовкой к этому будущему катаклизму. А он, в свою очередь, неизбежно приведет к последующим глубоким изменениям в структуре экономики и модели развития.

Какими будут эти изменения? Здесь возможны варианты, но наиболее вероятным из них является дальнейшее возрастание роли государства по различным направлениям при сужении масштабов действия неограниченной рыночной стихии. Они могут затронуть также содержание и политику социально ориентированного государства в направлении ограничения системы социального обеспечения и вспомоществования, ее сокращения до масштабов, адекватных реальным возможностям экономики.

Эти явления уже послужили мощным стимулом повышения активности, в том числе законодательной, и усиления интервенционистской политики государства. Так, на совещании, организованном высшим политическим руководством Франции, Германии и Великобритании в январе 2009 г., о задачах государственной

экономической политики говорилось вообще в беспрецедентном тоне: «Хотя мы не должны порывать с капитализмом, но тот его финансовый тип, который был предложен обществу, должен быть изменен или уничтожен» [цит. по: Явлинский Г.А., 2014, с. 112].

Одно из проявлений и следствий формирования постиндустриальной экономики – стратегия роста, в основе которой лежит новая модель технологического прогресса, или, согласно определению американского экономиста Г. Тэсси, «неошумпетерианская» модель, в рамках которой сердцевиной экономической стратегии становятся устойчивые высокие темпы роста производительности [Tassey G., 2013, p. 293]. В отличие от стабилизационной модели в долгосрочной модели роста главный упор должен быть сделан на инвестиции в спектр технологий, определяющих рост производительности. Решение этой задачи требует скоординированного развития в области науки, технологии, инноваций и их распространения, а также соответствующих инвестиций.

Рост производительности генерирует именно частный сектор. Роль частного сектора в этом процессе во многом остается решающей и определяющей. От того, как он «заточен» на инвестиции в инновации, исследования и разработки, человеческий капитал и как он обеспечивает отдачу от этих инвестиций (с помощью государства), зависят долгосрочные перспективы роста. Но здесь и возникают проблемы, требующие разумного участия государства. Например, возможна ситуация, когда растущий государственный долг сокращает объем инвестиций в частном секторе и лимитирует рост производительности труда. Неконтролируемый дефицит представляет угрозу для стабильности экономики страны (примеры – Греция, Аргентина, да и сами США), а его покрытие требует сумм, для изыскания которых существуют лишь такие способы, как повышение налогов, увеличение доли частных сбережений, вкладываемых в государственные ценные бумаги, монетизация госдолга при помощи центрального банка. Это ведет к сокращению объема средств, инвестируемых в частном секторе, уменьшению числа вновь создаваемых компаний и снижению производительности труда. Это, по выражению Д. Молдина и Д. Теппера, означает «убить курицу, несущую золотые яйца» [Молдин Д., Теппер Д., 2013, с. 77].

Формируемая новая модель роста характеризуется, по определению Тэсси, признанием «разрушительной» роли технологии в шумпетерианском смысле, что отличает ее от традиционного неоклассического взгляда на технологический прогресс как постепенный процесс, зависящий от частных инвестиций, осуществляемых

в порядке конкурентного ответа на динамику цен и на технологию как на частное благо. Согласно новой технологической модели роста, сравнительное конкурентное преимущество связывается с эффективностью частно-государственных инвестиционных стратегий, что также отличает ее от неоклассической теории роста. Стратегии частного промышленного сектора развиваются в глобальном масштабе, но при этом государство становится решающим фактором международной конкурентоспособности за счет инвестиционной политики, которая определяет глобальное движение НИР и физического капитала, а также относительную эффективность промышленных структур [Tassey G., 2013, p. 308].

Требование возрастания эффективности НИР ведет к распространению в рамках развитых наукоемких экономик новых усложненных организационных форм, таких как региональные инновационные кластеры, открытые инновации, технологические альянсы, кооперация между многими отраслями, университетами и различными уровнями государственного управления. Таким путем формируется практика инновационных исследований и разработок, которая способствует снижению издержек и ускорению разработки и освоения новых продуктов и процессов, повышению их качества, продуктивному использованию внешних знаний и квалификаций. Сложность современных технологий вызывает потребность в разнообразных механизмах их развития и применения, которые в возрастающей степени охватывают различные формы сотрудничества как между конкурирующими фирмами, так и между промышленностью и государством. Поэтому современная модель роста признает не только дополнительность функций крупных и мелких фирм, но также существенный компонент общественного блага, заключенный в технологических и инфраструктурных комплексах.

Таким образом, современная модель роста должна отражать все более сложный и наукоемкий характер глобальной конкуренции. Разработка и применение национальными отраслями новых технологий в масштабах, достаточных для завоевания значительной доли мирового рынка, требуют инвестиций в целый набор категорий активов. Сюда входят человеческий капитал, каналы распространения технических и деловых знаний, стимулы для накопления основного капитала, защита интеллектуальной собственности, современная промышленная структура, в том числе интегрированные цепочки снабжения. Эти активы формируют основу для широкой «экосистемы», т.е. функциональной интеграции НИР, накопления капитала, бизнес-менеджмента и квалифицированной рабочей силы.

Такая формирующаяся инновационная система, подчеркивает Тэсси, представляет собой значительно более сложную и интегрированную совокупность отраслей, университетов и государственных организаций, чем это было, например, в эпоху промышленной революции, она возникает на глобальной основе, поэтому так необходим ответ на нее в масштабах всей национальной экономики [Tassey G., 2013, p. 309].

На микроуровне возникают не менее масштабные задачи выработки принципов, процессов и методов управления, пригодных для современности. Именно управленческие инновации превращаются в главный фактор создания устойчивого конкурентного преимущества. В прошлом от жесткой борьбы за выживание, «от холодных ветров шумпетерианской конкуренции», по выражению Г. Хэмела, «отраслевых старожилов» укрывали «регулирование, патентная защита, распределительные монополии, беспомощные потребители, частные стандарты, преимущества масштаба, импортные пошлины и ограничения на движение капитала. Сегодня эти укрепления рушатся» [Хэмел Г., 2013, с. 62].

Дерегулирование и либерализация торговли снижают входные барьеры во многих отраслях (банковское дело, транспорт, телекоммуникации и др.), а Интернет, аутсорсинг снижают транзакционные издержки, избавляют от необходимости создавать глобальные инфраструктуры. «Разрушение входных барьеров, гиперэффективные конкуренты, власть потребителей – эти силы в ближайшие годы будут сводить маржу к нулю. В этом суровом новом мире каждая компания встанет перед жестким выбором: либо разжечь костры инноваций, либо влачить жалкое существование» [Хэмел Г., 2013, с. 63].

Концепции управленческого контроля, т.е. нормы, определяющие направления деятельности экономических субъектов и ее эффективность, не являются стабильными, а изменяются под воздействием институциональных факторов внешней среды. Так, в сфере корпоративного управления специалистами выделяются четыре сменяющих друг друга периода, в которых доминируют соответствующие нормы и тип контроля: прямой контроль; контроль производства; контроль маркетинга и сбыта; финансовый контроль. Каждый тип контроля явился результатом организационных инноваций в ответ на требования окружающей среды. Руководство фирм каждый раз воспринимало и придерживалось определенного доминирующего в данный момент типа контроля. Однако вся эта эволюция характеризуется важной сквозной чертой,

отмеченной еще Т. Вебленом: растущей зависимостью от внешних источников финансирования и возрастающим вниманием к финансовым проблемам и показателям. Примеры (в частности, практика фирм Японии, Швеции, Германии) показывают, что социальная концепция корпоративного управления, более чуткая по отношению к широкому кругу стейкхолдеров, к общественным запросам, предполагающая, что фирмы руководствуются совместными ценностями, отражающими социальную значимость экономической деятельности, оказывается эффективной [Redmond W., 2010, p. 627].

Новая проблема управления возникает в связи с тем, что контроль над интеллектуальным капиталом значительно отличается от контроля над материальным капиталом, который осуществляется с помощью правовой системы собственности. Проблемы с интеллектом решаются иначе – отсюда возникновение совершенно новых форм и методов контроля, основанных на психологических подходах, моральной мотивации, создании творческого климата, соответствующей организационной культуры. С этим связан и пересмотр содержания и подходов к корпоративному управлению, смысл которого в наиболее сжатом виде сводится к изменению баланса интересов между акционерами и другими стейкхолдерами [Bloomfield S., 2013].

Все это ставит под вопрос сложившуюся на протяжении XX в. основополагающую для индустриального капитализма модель акционерного общества (корпорации).

Крупные публичные акционерные компании с диффузной собственностью и значительным участием институциональных инвесторов, многие из которых сами являются подобными же компаниями, образуют сектор коллективной (публичной) собственности, занимающий все более значительное место в постиндустриальной экономике РС.

Изменения института собственности затрагивают не только его формальную структуру, но и качественные, сущностные характеристики. В то же время функция надзора и регулирования (и не только финансовой сферы) значительно усложнилась и, как прогнозирует Г. Явлинский, будет еще более усложняться: «Чем сложнее и структурированнее бизнес, чем он более глобален, а главное – чем дальше он сдвигается в сторону постиндустриального и виртуального, тем объективно труднее загнать его в рамки жестких схем и поставить под эффективный контроль регулятора». Это означает, что правительства в ближайшем будущем должны разработать нетрадиционные подходы к экономическому регулированию,

иначе «эффективность и возможности любого рода регулирования... будут сокращаться буквально на наших глазах» [Явлинский Г.А., 2014, с. 94–95].

Проявляются и другие факторы, способствующие усилению роли государственного сектора. Здесь нужно отметить роль инновационного предпринимательства – функция, выполняемая индивидом или фирмой, состоящая в сведении необходимых для инновационной деятельности человеческих, материальных и финансовых ресурсов. Однако такое предпринимательство шумпетерианского типа не является единственным путем осуществления инновационного процесса. Существуют и развиваются и иные модели, причем главным образом связанные с деятельностью государства. Так, Я. Корнаи, например, выделил среди них, во-первых, инновации, иницируемые, финансируемые и применяемые в военной сфере, и, во-вторых, значительные исследования и инновации, иницируемые и финансируемые в гражданском государственном секторе в результате целенаправленной политики, например в сфере здравоохранения и охраны окружающей среды [Kornai J., 2010, p. 646]. Фактически сегодня развитие инновационных наукоемких производств, реализация масштабных проектов в любой отрасли невозможны без государственного финансирования в значительных и решающих масштабах.

В современном мире обостряется проблема ограниченности ресурсов и борьбы за доступ к ним. Как отмечают в своем докладе сотрудники «Boston Consulting Group», «Insead» и Всемирного экономического форума, в результате компании будут вынуждены рассчитывать эффективность их использования наряду с рентабельностью активов и капитала. Им придется следить за потреблением водных, земельных и других природных ресурсов и объемами получаемых в результате доходов. Те, кто сможет это сделать, получат конкурентное преимущество и растущую долю рынка, в противном случае они испытают на себе все давление роста цен, социальных проблем и государственного регулирования [Making sustainability..., 2013].

Наконец, свой вклад вносит развитие глобализации в целом и связанное с ним изменение роли экономик развитых и развивающихся стран в международном разделении труда. В рамках «группы 20» обсуждаются проблемы укрепления международного сотрудничества для обеспечения стабильности, большее значение придается многосторонним институтам как инструментам развития глобального взаимодействия. Не случайно также, что Всемир-

ный банк признал необходимость государственного вмешательства в развитие экономики. Возникающая новая концепция мирового макроэкономического порядка в целом ориентирована, таким образом, на переход руководящей роли, по крайней мере частичный, от рынка к государству и от простых решений к более сложным.

Особо следует подчеркнуть роль кризиса 2007–2009 гг. в трансформации подходов к экономической политике. Так, кризис четко показал чрезвычайную опасность высокой зависимости государственных финансов от гипертрофии развития какого-либо сектора (финансы, строительство или, что особенно важно для России, сырьевые и энергетические отрасли). Правительства будут вынуждены принимать специальные жесткие меры бюджетной политики, которые, в свою очередь, могут отразиться на экономическом росте, повлиять на перераспределение ресурсов между отраслями, например, за счет урезания субсидий и расходов на социальные нужды, включая борьбу с безработицей. В долгосрочном плане возникает потребность в проведении мер, выходящих далеко за пределы бюджетного балансирования в рамках антикризисных мероприятий. Возникает необходимость в сокращении масштабов частного и государственного долга и с этой целью – поиска новых средств стимулирования экономического роста и структурной перестройки экономики. Как отмечают аналитики, поддержка стареющих отраслей означает риск вытеснения более динамичных [Bank for International Settlements..., 2011].

В ходе кризиса и в период выхода из него был предпринят ряд чрезвычайных мер в области регулирования. Если ранее органы регулирования часто абстрагировались от состояния финансового сектора, сосредоточивали усилия на отдельных институтах и рынках, ставя во главу угла стабильность цен, то кризис показал, что денежно-кредитная политика должна заботиться о финансовой стабильности, использовать помимо процентной ставки весь набор инструментов, включая нормативы достаточности капитала, коэффициенты ликвидности и др.

В США ряд принятых в последнее время законов был направлен на усиление регулирования и ужесточение санкций за нарушение законодательства, а тем самым и на усиление роли государства в функционировании финансового сектора, регулирование которого было существенно либерализовано в послевоенный период. Закон Додда-Франка устанавливает новый порядок регулирования, предоставляет в распоряжение регуляторов дополнительные средства воздействия на финансовые учреждения, находящиеся в за-

труднительном положении, заменяет действующие правовые нормы в отношении банкротства более строгими и распространяет их на потенциально широкий круг финансовых компаний.

Новые задачи и противоречия развития

Таким образом, вряд ли сегодня вызывает сомнение положение о том, что поддержание условий для стабильного существования и развития экономической системы может реально осуществляться только государством, стоящим над интересами отдельных экономических субъектов. Важны, однако, те объективные условия, в результате которых этот вопрос приобрел столь существенное значение на рубеже XX и XXI вв.: возникновение нового этапа в развитии смешанной экономики, т.е. такой экономики, где наряду с рыночными механизмами присутствует государственное вмешательство, где частный сектор соседствует и взаимодействует с общественным и государственным секторами. Теоретически это означает, что экономическая роль государства становится неотделимой от общественных интересов, а развитие рыночной экономики связывается уже не только с удовлетворением частных интересов, но и в значительной мере с оптимальным сочетанием частных и общественных интересов [Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики...].

Отсюда неизбежность усиления роли государства и одновременно необходимость адекватного роста его эффективности. Причинами служат, во-первых, новый технологический способ производства, переход к которому требует усиления экономической, промышленной, научно-технической политики; во-вторых, накопление кризисных явлений и провалов рынка; в-третьих, свою роль играет фактор глобализации. Совокупность указанных явлений, и прежде всего увеличение в экономике роли нематериальных факторов производства, означает существенное изменение характера и движущих сил экономического роста и обуславливает отход от основ неоклассической экономической теории, господствовавшей в конце XIX и большей части XX в. Это ведет к интенсивному поиску новых экономических моделей и приданию в них новой роли государству.

Возвращаясь к концепции экономической социодинамики, можно сказать, что государство может и должно действовать с целью реализации общественных интересов, но для этого оно должно обладать рядом соответствующих характеристик и развитых инсти-

тутов. Важно, что в условиях постиндустриализма само государство подвергается трансформации. Как указывают Р.С. Гринберг и А.Я. Рубинштейн, его деятельность, включая формирование и расходование бюджетных средств, перестает носить характер вмешательства в рыночную среду и становится составной частью и условием равновесия. Современное государство оказывается не за пределами рыночной экономики, не над рыночной экономикой, а органично в нее встроено [Экономическая социодинамика...].

Поведение государства, отмечают Р.С. Гринберг и А.Я. Рубинштейн, связано с тремя принципами: принципом Поланьи, из которого следует необходимость государственного регулирования использования факторов производства; принципом Баумоля, который устанавливает целесообразность государственной поддержки социальной сферы; принципом демократического прагматизма, указывающим на максимально эффективные способы и процедуры распределения средств, находящихся в собственности государства. Если упомянутые принципы соблюдаются, пишут авторы, т.е. поведение государства рационально, затраты на удовлетворение не-сводимых потребностей общества обеспечивают как социальный, так и экономический прогресс.

Важным является то, что авторы концепции указывают на совокупность формальных и неформальных институтов как на важнейший фактор экономического роста. Согласно их концепции, механизм социодинамического мультипликатора экономического роста действует тогда, когда институты обеспечивают необходимую коммуникацию индивидуальной энергии созидания с преимуществами улучшенной общественной среды, являющейся результатом действий государства. Процесс «канализации» социального эффекта жестко связывается с институциональной структурой общества: чем более развита эта структура, чем выше мера ее адекватности текущим требованиям экономического роста, тем больше дополнительных индивидуальных выгод порождает социальный эффект [Экономическая социодинамика...].

Будучи субъектом рынка и вступая в отношения с другими его участниками по поводу реализации конкретных проектов, государство действительно превращается в партнера по рыночной сделке. То же относится и к индикативному планированию. Выстраивая свою стратегию осуществления тех или иных проектов, которые не могут быть реализованы силами только частного бизнеса, государство заключает контракты со всеми участниками. Совокупность таких контрактов, в сущности, и составляет «инди-

кативный план» [Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики...].

Таким образом, трактовка роли государства как полноправного участника рыночных отношений, отвечающего за реализацию общественных интересов, которые в принципе не могут быть достигнуты посредством механизмов саморегулирования, создает основу для соответствующей экономической политики. При этом конкретные направления экономической политики, ее приоритеты могут быть различными в зависимости от потребностей места и времени. Например, в сложившейся российской ситуации это может быть стимулирование инновационности и конкурентоспособности, развитие внутреннего рынка и диверсификация экономики, укрепление ее интеллектуального потенциала.

Однако, чтобы реализовать эту функцию, государству необходимо удовлетворить ряд условий. Дело в том, что, как доказал К. Эрроу своей теоремой невозможности, общественный интерес не выводится из частных интересов, он не сводится к выбору, основанному на каких-либо формальных критериях типа парламентского или любого другого голосования. Ведь, как правило, именно меньшинство оказывается наиболее передовой, креативной частью общества.

Для приближения общественного выбора к реальным общественным интересам и соответствующей ориентации в деятельности государства необходимо предусмотреть учет мнений оппозиции, меньшинства с помощью механизмов демократии, развивать институты гражданского общества, а также и специальные процедуры вплоть до прямого участия граждан в принятии бюджетных решений и выборе приоритетных направлений некоторой части средств. Прежде чем стремиться к паритету влияния роли общества и государства, надо поднять роль общества и человека в нем. Очевидно, что ни политическое, ни экономическое «равновесие» невозможно при подчинении общества диктату государства или по крайней мере отчетливо выраженном стремлении к такому диктату.

Поэтому для учета реальных общественных интересов, обеспечения роста благосостояния людей необходимо развивать институты гражданского общества, в том числе участие оппозиционных партий, несистемной оппозиции и отдельных граждан в формировании и реализации интересов общества. Это предполагает также ограничение монопольной власти парламентского большинства, развитие института политической конкуренции и демократизацию принимаемых политических и экономических решений. Устойчи-

вый экономический рост невозможен без систематической государственной активности, направленной на реализацию интересов общества. Определение же этих вне рыночных интересов, тактических и стратегических целей развития страны нуждается в существенной модернизации существующей парламентской демократии, в том числе в наделении оппозиционных партий необходимыми политическими и экономическими правами, обеспечивающими ослабление монополии правящей партии и усиление политической конкуренции, в развитии институтов прямого участия граждан в распределении налоговых доходов государства [Юргенс И. Есть пророки...].

Следовательно, можно указать на четкую взаимосвязь, состоящую в том, что всякое рассуждение об экономической роли и функциях государства упирается в вопрос о том, какое это государство, каковы его фундаментальные черты и взаимоотношения с гражданским обществом.

Главное в характеристике постиндустриальной модели состоит в том, что она, по крайней мере теоретически, позволяет избавиться от недостатков и соединить преимущества и централизованной государственной экономики, и капиталистического частного хозяйства. Во всяком случае такова ее историческая миссия. Но жизнь разнообразна и богата вариантами. Конкретное же воплощение модели постиндустриализма и ее результаты зависят, безусловно, от соответствия условиям данной страны, ее исторической траектории, институциональной и политической систем, позволяющих осуществлять необходимые реформы и гибкую политику в интересах активной части граждан страны.

Вопрос, таким образом, стоит не только о степени и формах участия государства в экономике, но и о качественных характеристиках самого государства и его институтов. В этом состоит одна из важных особенностей российского поиска модели устойчивого развития.

Россия и развитый Запад в своем поступательном движении общественного развития не совпадают, они асинхронны, не идентичны по движению циклов экономического развития, возникающие перед ними задачи выступают как бы в противофазе. Это вполне естественно, поскольку России пришлось строить заново рыночную экономику и догонять.

Когда на Западе активно обсуждаются пути усиления регулирования после длительного периода дерегулирования, приведшего к известным дисбалансам, раздается активная критика нео-

либеральных подходов, особенно после кризиса 2008–2009 гг., в России ширится убеждение в том, что новый этап и новая модель развития могут быть связаны только с либерализацией экономической жизни, с отказом от чрезмерного вмешательства и сверхцентрализации, в том числе в региональном аспекте.

Таким образом, когда на Западе наступает эра неолиберализма и дерегулирования, у нас возникает роль государства, когда там ищут способы симбиоза частной инициативы с государственным участием, развития частно-государственного партнерства, здесь требуют ухода государства из экономики, звучат лозунги экономического либерализма (сопровождаемого подавлением либерализма политического и усилением авторитарных тенденций).

Не все экономики подошли в равной степени к постиндустриализму. Постсоциалистическим и развивающимся странам еще предстоит пройти ряд этапов. Поэтому, если в развитых странах наблюдается связанная с новым этапом также и новая модель, предполагающая известное усиление государства, то в этих экономиках еще не изжито наследие тотального огосударствления, не исчерпано воздействие свободы предпринимательства. Здесь еще необходимы такие условия для формирования высоких темпов, как легкость вхождения в рынок, налоговые льготы, другие формы привлечения капитала и т.д. Да, либерализм нужен, но вопрос в его сущности, в том, какой либерализм иметь в виду.

Особое значение для России имеет такая важная функция государства, как поддержка мелкого, в том числе инновационного, бизнеса. Без такого предпринимательства не может быть эффективной рыночной экономики, это питательная среда, в которой возникают и апробируются инновации, которая доводит огромную массу рыночных услуг до конечного потребителя. Не меньшее значение имеет антимонопольная политика. Сырьевая моноспециализация российской экономики связана с ее монополизмом, экономической и политической мощью монополий, отстаивающих свои интересы. Поэтому решение задач диверсификации и демонополизации экономики взаимосвязано.

Это означает, что модель устойчивого роста для России будет иметь собственные и весьма существенные черты. Ее основные направления:

- всемерное поощрение предпринимательства;
- борьба с монополизмом;
- массированные инвестиции в технологические инновации, а следовательно, в человеческий капитал, науку и образование;

– институциональные реформы в области прав человека, защиты собственности, независимого судопроизводства.

Вывод состоит в том, что эффективная роль государства, работающего на экономический рост и тем самым на удовлетворение общественных потребностей, невозможна без подлинной либерализации и демократизации общественной жизни. Современная модель роста – это постиндустриальная экономика и социально ориентированное, демократическое государство, создающие условия для интенсивных инновационных процессов на базе эффективного использования и расширения потенциала знаний.

Общепризнано, что успешность экономического роста, основанного на повышении производительности факторов производства, т.е. на технологическом развитии, зависит от формирования институтов и институциональных изменений, осуществляемых с помощью целенаправленной политики на государственном макроуровне, организационном мезоуровне и корпоративном микроуровне. Однако этим уровням придается различное значение, а процесс технологического развития характеризуется как неравномерный, различающийся по времени и по географической локализации, а также имеющий значительные отраслевые и институциональные особенности.

Эффективные меры государственной политики в их совокупности рассматриваются в качестве важнейших факторов экономических и инновационных достижений стран с развивающейся рыночной экономикой наряду с активными микроэкономическими процессами в виде иностранных инвестиций и связанного с ними притока знаний, а также активной инновационной деятельности промышленных фирм, в том числе по освоению мировых технологических достижений.

Список литературы

1. Бабкин Л. Есть и другие проблемы, которые надо решать. – Режим доступа: http://www.echo.msk.ru/blog/babkin_k/1284198-echo/
2. Глазьев С.Ю. Уроки очередной российской революции: Крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». – М.: Изд. дом «Экон. газ.», 2011. – 575 с.
3. Гонтмахер Е.Ш. На «взбесившемся принтере» далеко не уедешь. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/specprojects/free-theme/article/2014/02/24/989591-nazvbesivshemysya-printere-daleko-ne-uedesh.html>

4. Гонтмахер Е.Ш. Российская исполнительная власть: Реальная и необходимая // Государство. Общество. Управление: Сб. статей. – М.: Альпина пabl., 2013. – С. 271–284.
5. Государство. Общество. Управление: Сб. статей. – М.: Альпина пabl., 2013. – 511 с.
6. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики: Экономическая социодинамика. – Режим доступа: www.econorus.org/doc/th270409.doc
7. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & Государство: Экономическая дилемма / РАН. Ин-т экономики. – М.: Весь мир, 2013. – 479 с.
8. Залог успешной экономики – развитие культуры и человека. – Режим доступа: <http://me-forum.ru/media/news/2465/>
9. Кара-Мурза А.А. Россия на пути к либеральной цивилизации // Государство. Общество. Управление: Сб. статей. – М.: Альпина пabl., 2013. – С. 147–164.
10. Молдин Д., Теппер Д. Развязка: Конец долгового суперцикла и его последствия. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 339 с.
11. Никольский С.А. Современная Россия: Этап национального государства // Государство. Общество. Управление: Сб. статей. – М.: Альпина пabl., 2013. – С. 195–216.
12. Огурцов А.П. Власть: От метафор – к нейтральному языку описания // Государство. Общество. Управление: Сб. статей. – М.: Альпина пabl., 2013. – С. 103–124.
13. Попов Г.Х. Реформы Бориса Ельцина: Создание российского номенклатурно-олигархического постиндустриализма. – М., Изд. дом Международного ун-та в Москве, 2012. – 752 с.
14. Порус В.Н. Имитация рациональности: Российская бюрократия в ситуации культурного кризиса // Государство. Общество. Управление: Сб. статей. – М.: Альпина пabl., 2013. – С. 217–243.
15. Ромер Д. Высшая макроэкономика: Учебник. – М.: Изд. Дом Высш. шк. экономики, 2014. – 855 с.
16. Струве П.Б. Религия и социализм // Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. – М., 1997. – 528 с.
17. США во время Второй мировой войны. – Режим доступа: <http://history.rin.ru/cgi-bin/history.pl?num=2430>
18. Управление экономикой США в кризисных и чрезвычайных условиях: Уроки для России. – Режим доступа: http://mfit.ru/defensive/vestnik/vestnik4_1.html
19. Хэмел Г. Будущее менеджмента / При участии Брина Б. – СПб.: BestBusiness-Books, 2013. – 276 с.
20. Экономическая политика правительства Кеннеди, (1961–1963). – М.: Мысль, 1964. – 413 с.
21. Экономическая социодинамика: Обсуждаем новую экономическую теорию. – Режим доступа: http://www.fastcenter.ru/ecaar/grinberg_r.htm

22. Юргенс И. Есть пророки в своем отечестве и есть такая теория! – Режим доступа: http://www.echo.msk.ru/blog/urgens_i/1242512-echo/
23. Явлинский Г.А. Рецессия капитализма – скрытые причины. Realeconomik. – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. – 184 с.
24. Bank for International Settlements: 81 th Annual Report. – Basel: BIS, 26 June 2011. – XIII, 210 p.
25. Bloomfield S. Theory and practice of corporate governance: An integrated approach. – Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 2013. – XVIII, 421 p.
26. Chevllier M. L'âge des monopoles // Alternatives écon. – P., 2013. – N 329. – P. 60–64.
27. Coase R.H. The nature of the firm // Economica. – L., 1937. – Vol. 4, N 16. – P. 386–405.
28. Jackson P.M. Public sector added value: Can bureaucracy deliver? // Public administration. – L., 2001. – Vol. 79, N 1. – P. 5–28.
29. Kornai J. Innovation and dynamism: Interaction between systems and technical progress // Economics of transition. – Oxford, 2010. – Vol. 18, N 4. – P. 629–670.
30. Making sustainability profitable / Haanaes K., Michael D., Jurgens J., Rangan S. // Harvard business rev. – Boston, 2013. – Vol. 91, N 3. – P. 110–115.
31. Lowson T. What is this «school» called neoclassical economics? // Cambridg journal. of economics. – L. etc., 2013. – P. 947–983.
32. Rasiah R., Yeo Lin, Sadoi Y. Explaining technological catch-up in Asia // Innovation and industrialization in Asia. – L.; N.Y.: Routledge, 2012. – P. 1–5.
33. Redmond W. Evolution of corporate governance principles among US firms // JEI: J. of econ iss. – Lewisburg, 2010. – Vol. 44, N 3. – P. 615–627.
34. Tassey G. Beyond the business cycle: The need for a technology-based growth strategy // Science a. publ. policy. – Guildford, 2013. – Vol. 40, N 3. – P. 293–315.
35. The economic role of the state / Stiglitz J.E. et al.; Ed. By Heertje. – Oxford: Basil Blackwell, 1989. – VII, 178 p.
36. Van Lear W., Sisk J. Financial crisis and economic stability: A comparison between finance capitalism and money manager capitalism // JEF: J. of econ. iss. – Lewisburg, 2010. – Vol. 44, N 3. – P. 779–793.

Е.Е. Луцкая

НОВЫЕ МОДЕЛИ УСТОЙЧИВОГО И ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

В настоящее время глобальная экономика переживает период трансформации. Современные тенденции развития таких сфер жизни, как технологические нововведения, ценообразование, государственное регулирование, политическое управление, имеют своим результатом некоторое сокращение позитивных достижений глобализации. Идея взаимных выгод, получаемых странами с помощью открытых рынков, потеряла привлекательность, что, как считают специалисты, способствует необходимости пересмотра старых и поиска новых подходов к проблеме глобального роста. Односторонний подход к феномену экономического развития только как к приросту ВВП все в большей степени обнаруживает свою недостаточность.

Поиск новых моделей: Необходимость изменения парадигмы экономического роста

Как правило, необходимость пересмотра существующих моделей возникает после крупных политико-экономических потрясений, демонстрирующих неэффективность этих моделей. К числу таких потрясений относятся: Великая депрессия 30-х годов, stagflation 70-х и глобальный кризис 2008–2010 гг.

Исследования, касающиеся недостатков существующей модели неограниченного роста, измеряемого приростом ВВП, появились еще в начале 70-х годов. Так, в работе Римского клуба «Пределы роста» (1972) подчеркивалось, что «ничем не ограничиваемое и неконтролируемое потребление может привести к глобальному экономическому коллапсу и резкому сокращению населения» [Zadek S. New growth models..., 2014, p. 3]. Однако концепции «Пределов роста»,

объявленные экономистами «мейнстрима» недостаточно обоснованными, в последующие десятилетия были успешно похоронены проповедниками прорыночной политики, получившей распространение в период правления президента США Р. Рейгана и премьер-министра Великобритании М. Тэтчер.

Как отмечает лауреат Нобелевской премии М. Спенс, три явления в глобальном экономическом развитии трех последних десятилетий оживили дебаты относительно проблемы неограниченного роста.

- Глобальный финансовый кризис и последующая экономическая рецессия способствовали развенчанию неолиберальных идей рыночного фундаментализма, согласно которым функционирование рынка – это наиболее действенный способ регулирования общественного развития.

- Китай – воплощение постоянно высоких темпов экономического роста – сделал поворот в сторону политики, отличающейся большей социальной и экологической направленностью, одновременно с некоторым ослаблением динамизма экономики. Такой поворот в политике, обусловленный отчасти объективным фактором уменьшения экспорта, свидетельствует об осознании китайским правительством необходимости достижения «здорового баланса» между экологией и экономикой.

- В мировом сообществе растет озабоченность проблемами окружающей среды, особенно теми, которые ассоциируются с изменением климата. Свидетельства ухудшения среды становятся все более очевидными и многочисленными. В отличие от периода начала 70-х годов, сердцевина политических дебатов в настоящее время – это меры, направленные на повышение (или хотя бы на нейтрализацию ухудшения) качества окружающей среды. Основной вопрос – как изменить правила игры и найти нужные стимулы для потенциальных победителей в этой области [Zadek S. *New growth models...*, 2014, p. 4].

До конца прошлого тысячелетия цены на ресурсы снижались, и благодаря развитию технологий ресурсы становились доступными для все большего числа людей. Однако в начале нового тысячелетия возобладала противоположная тенденция, и цены на сырьевые товары по всему миру начали расти, с чего началась новая экономическая эпоха, когда рост за счет дешевых ресурсов становится невозможным. Еще до начала финансового кризиса 2008–2009 гг. темпы роста в развитых странах начали сокращаться [Сводный отчет о слушаниях..., 2013, с. 35].

В докладе рабочей группы по исследованию вопросов устойчивого и всеобъемлющего (инклюзивного) роста при Совете по выработке новых моделей роста (Международный экономический форум – МЭФ) выдвигаются следующие фундаментальные положения в качестве составляющих новой парадигмы экономического роста:

- определение цели роста как главной среди целей политико-экономического развития;
- пересмотр исторической логики политики роста и планирования – включение в модель роста задач инклюзивного и устойчивого роста и разработка мер, направленных на реализацию этих задач;
- разработка институциональной системы, содействующей интеграции выше отмеченных задач в новую парадигму роста;
- оценка и разработка мер экономического управления (включая антициклические меры) в контексте новой логики роста.

Новые модели экономического роста в повестке дня международных организаций

В подходах и терминологии новых моделей экономического развития (НМЭР), используемых разными организациями, отмечаются небольшие различия. Так, структуры ООН понятие «устойчивое развитие» определяют в категории комплексного экономического, социального и экологического развития, тогда как Совет при МЭФ делает акцент прежде всего на межвременном и межпоколенческом аспектах этого понятия – на феномене истощения природных ресурсов и загрязнения окружающей среды вследствие неограниченного роста.

Среди работ последнего времени выделяются два доклада (по критерию фундаментального подхода к анализу проблем), подготовленных в рамках Совета глобальной повестки дня по разработке новых моделей роста (Global Agenda Council – GAC) при МЭФ [New growth models..., 2014, p. 5]. Оба они посвящены проблемам устойчивого и инклюзивного экономического развития. В докладах подчеркивается важность оценки и управления комплексом факторов роста.

Существуют два фактора, которые до сих пор в малой степени или совсем не учитывались в моделях роста. Это: 1) фактор внешних экстерналий (истощение природных ресурсов), который воздействует на экономическую жизнь не только теперешних, но

и будущих поколений, т.е. фактор устойчивости экономического роста; 2) фактор инклюзивности роста, подразумевающий равноправное участие всех слоев общества в распределении доходов, в доступе к товарам общественного пользования и равную свободу от дискриминации.

Устойчивость экономического роста

Как считают специалисты Совета при МЭФ, экономический рост, который приводит к исчерпанию национального богатства в форме физического, человеческого и природного капитала, не является устойчивым. Сам по себе феномен роста не может рассматриваться как сверхзадача, если в него не включены вопросы защиты окружающей среды. Данный критерий в будущем выдвинется на первое место в повестке дня, хотя в настоящее время мир находится только в начале пути. Одна из удручающих тенденций нашего времени – это потеря гражданами надежды на улучшение качества жизни в будущем. Растущее в связи с этим социально-экономическое напряжение, которое нельзя преодолеть без изменения существующего курса развития, может стать фактором замедления роста.

В подготовленном ООН «Обзоре мирового экономического и социального развития, 2013» анализируются злободневные вызовы глобального устойчивого развития на период после 2015 г. В первую очередь речь идет о трансформации трех взаимосвязанных секторов: 1) развитие городов; 2) безопасность продуктов питания; 3) трансформация энергоресурсов.

Как известно, в процессе *урбанизации* возникают новые рабочие места для миллионов людей, искореняется нищета. Но в то же время усиливается давление на ресурсную базу, существенно возрастает спрос на электроэнергию, воду, общественные услуги. В период начиная с 2007 г. более половины населения мира проживали в городских центрах и, по имеющимся оценкам, эта доля возрастет до 70% к 2050 г. Причем 80% всего городского населения будет приходиться на страны Азии и Африки. Процесс урбанизации в РС сопровождается усилением неравенства в уровне жизни населения сельских и городских районов и населения отдельных районов в пределах одного города. Около 1 млрд человек все еще живут в трущобах без надлежащей инфраструктуры и услуг, и в случае, если не будут приняты кардинальные меры, число таких людей к 2050 г. может возрасти до 3 млн [Sustainable development

challenges..., 2013, p. ix-x]. Решение проблем урбанизации специалисты ООН видят в скоординированных и комплексных действиях правительств всех уровней при четком разделении ответственности между странами с высоким, средним и низким уровнем ВВП.

Проблема недостаточной *безопасности обеспечения продуктами питания* в настоящее время непосредственно затрагивает 1 млрд человек, т.е. столько же, сколько и в 1970 г. Но есть и прогресс – доля тех, кто недоедает, сократилась с 20% в 1990–1992 гг. до 15% в 2008–2010 гг. В распределении по странам и регионам прогресс, однако, весьма неравномерен. По оценке специалистов ООН, при сохранении существующих темпов ликвидации голода намеченная цель – сократить наполовину к 2015 г. число голодающих в странах Африки (южнее Сахары) и в Южной Азии не будет решена [Sustainable development challenges..., 2013, p. xi]. Существует также проблема «скрытого голода», когда люди потребляют пищу калорийную, но лишенную достаточного количества витаминов и микроэлементов. Эта проблема затрагивает 30% населения мира как в развитых странах, так и в развивающихся.

Согласно имеющимся прогнозам, в период до 2050 г., для того чтобы прокормить дополнительные 2,3 млрд населения планеты, понадобится увеличить производство продуктов питания на 70%. Данная задача представляется трудновыполнимой, учитывая все возрастающую ограниченность ресурсов, вызванную процессом урбанизации, использованием земли для производства биотоплива, истощением почвы и воздействием изменений климата на урожайность. Как считают специалисты ООН, для преодоления вызовов, связанных с устойчивостью глобальной системы продовольствия, мировая общественность должна: 1) существенно сократить потери продуктов питания на всех этапах производственно-распределительной цепочки: производство, хранение, транспортировка, потребление; в настоящее время глобальные потери продуктов питания оцениваются в 32% от объема их производства; 2) проводить такую политику в отношении РС, которая содействовала бы уменьшению волатильности цен на продукты питания и воздействия изменения климата на урожайность в этих странах.

Трансформация энергетической системы в направлении уменьшения ее роли основного поставщика углеродных выбросов в атмосферу является одним из ключевых элементов устойчивого развития. Цели мирового сообщества в этой сфере следующие: покончить с зависимостью человечества от биомассы как традиционного источника тепловой энергии; усовершенствовать доступ к

надежным и высококачественным источникам электроэнергии; улучшить обеспечение населения энергоуслугами; создать такие условия жизнедеятельности, при которых все слои населения, даже самые бедные, не сталкивались бы с необходимостью использовать низкокачественные источники энергии.

По мнению специалистов ООН, перспективы эффективной трансформации энергосектора в обозримом периоде скорее пессимистичны даже при условии, что страны будут проводить адекватную политику, в частности стимулировать развитие возобновляемых источников энергии. Согласно имеющимся оценкам, в период до 2050 г. углеродные выбросы в атмосферу возрастут в размерах, ассоциируемых с увеличением средней температуры на планете на 2–3°C.

Национальные и международная энергетическая политика должна быть тесно увязана с промышленной политикой, технологическими усовершенствованиями в сфере производства и распространения электроэнергии [Sustainable development challenges..., N 4, 2013, p. xiv-xv]. До последнего времени человечество упорно расширяло свой доступ к природным ресурсам без оглядки на ущерб экосистемам, от которых зависит само существование людей.

Проблемы всеобъемлющего (инклюзивного) роста

Термин инклюзивность (inclusivity) обозначает равное участие всех слоев общества в процессе роста и распределения благосостояния: распределение доходов; доступ к товарам общественного пользования, таким как здравоохранение, образование, безопасность; свобода от различного рода дискриминации.

По мнению авторов доклада Совета при МЭФ [New growth models..., 2014], в настоящее время цель экономического роста – *всеобъемлющее (инклюзивное) процветание* – полностью еще не реализуется; у правительств отсутствует системный ответ на напряженности в социальной, экономической и политической сферах.

Развитие человеческой цивилизации в последние десятилетия определялось двумя основными тенденциями: необычайным по своим масштабам и темпам социально-экономическим прогрессом и усилением системной напряженности. Среднемедианный уровень доходов сокращается относительно уровня среднедушевого дохода практически повсюду в мире, и в частности в США, где на долю безработных падает наиболее тяжелое бремя структурных изменений, связанных с технологическими нововведениями и «аутсор-

сингом» (переводом рутинных операций в страны с меньшими издержками производства). В отличие от известного американского экономиста Дж. Стиглица, считающего рост неравенства следствием в большей мере политических, а не экономических факторов, авторы доклада Совета при МЭФ подчеркивают, что общественное неравенство (и несправедливость) определяется в первую очередь неравенством в распределении доходов.

Большинство стран пытается решить эти проблемы путем комбинации различных мер, в числе которых: предоставление всем слоям общества базовых социальных услуг (образование, повышение уровня квалификации занятых, здравоохранение и т.п.); установление минимального уровня заработной платы, прогрессивной шкалы налогообложения, налогов на собственность. В некоторых странах, где остро стоит вопрос конкурентоспособности экономики, вводятся ограничения на рост доходов и зарплат. Принимаются также меры (несмотря на ограничения, налагаемые международными соглашениями), направленные на защиту торгуемых отраслей от внешней конкуренции. Вопрос, таким образом, не в нехватке необходимых инструментов борьбы с неравенством возможностей, а в эффективном их сочетании, позволяющем минимизировать ущерб для динамизма и гибкости экономики.

Этапы глобализации и тенденции инклюзивного роста. В течение трех последних десятилетий в мире развивалась тенденция к сокращению неравенства между отдельными нациями по уровню благосостояния. В настоящее время, как никогда прежде в современной истории, доход среднего гражданина в бедной стране приближается к доходу среднего гражданина в богатой стране. Согласно прогнозам ООН, составленным с учетом современных темпов прогресса, «чрезвычайная нищета» (душевой доход ниже 1,25 долл. в день) будет ликвидирована в мире в пределах жизни одного поколения [New growth models: Sustainability..., 2014, p. 4].

В настоящее время, однако, мы наблюдаем закат «эры дешевизны» как драйвера сокращения глобальной нищеты и неравенства. Трудовые издержки в главных странах-экспортерах, особенно в Китае, быстро растут. Другие страны «дешевого труда» – в Азии и Африке – также встают на этот путь.

Новый тренд к росту неравенства в РС. Тренды изменения уровня неравенства в пределах развитых стран и РС вплоть до последнего времени были различными. Бурное развитие специализации в последние десятилетия обеспечило доступ бедных слоев населения в РС к относительно дешевым потребительским товарам,

что сказалось на снижении уровня неравенства в этих странах. В развитых странах, напротив, жизненные стандарты неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих снизились вследствие роста безработицы, связанной с глобальным разделением труда.

Фактор технологических нововведений играет решающую роль в определении тенденций занятости. Так называемые «длинные технологические волны», ассоциируемые с фундаментальными технологическими изменениями, обычно сопровождаются «окончанием работы» для малоквалифицированных рабочих и отдельных сообществ. При этом возникают новые рабочие места, число которых зачастую перекрывает число утраченных.

Более слабые РС столкнутся с вызовами, связанными с абсолютным сокращением экономического участия в глобальных производственных цепочках. Останется, вероятно, возможность присоединения к китайским цепочкам по мере того, как Китай будет осуществлять «аутсорсинг» проблемных в плане загрязнения среды производств. Главная проблема этих стран заключается в том, чтобы краткосрочный рост приобрел траекторию устойчивого роста, для чего потребуются крупные вложения в человеческий капитал, инфраструктуру и институциональную систему.

Измерение экономического роста

Показатели инклюзивного роста. Новые концепции экономического роста должны включать в себя проблему неравенства. Вопрос лишь в том, чтобы выбрать правильный акцент – сокращение неравенства доходов или неравенства возможностей. Здесь точки зрения специалистов расходятся. По мнению Совета по выработке новых моделей роста, оба подхода важны в равной степени. Специалисты из Всемирного банка, а также из Аргентины и Бразилии делают акцент на неравенстве возможностей и предлагают измерять это явление с помощью «индекса человеческих возможностей» (The human opportunities index – HOI).

К другим показателям, которые предлагается использовать для измерения уровня неравенства доходов и уровня благосостояния, относятся:

– глобальный индекс гендерного неравенства (Global Gender Gap Index) показывает расхождения в статусе полов по экономическим, социальным критериям и критериям образования и здравоохранения в 136 странах мира и позволяет определить рейтинг той или иной страны по данному показателю;

– показатель участия в экономическом процветании (Shared prosperity indicator) служит для соизмерения душевого дохода 40% «нижнего» слоя (по величине дохода) населения страны со средне-душевым доходом в данной стране;

– индекс гуманитарного развития (The human development index – HDI) – сводный показатель, объединяющий индикаторы жизненных ожиданий, достижение определенного уровня образования и дохода.

Показатели устойчивого роста. Для измерения роста в категориях устойчивости были выдвинуты несколько инициатив. Так, Всемирный банк предлагает осуществлять мониторинг изменений в богатствах наций с помощью показателя чистых национальных сбережений, исчисляемого на основе счета валовых сбережений в платежном балансе. В систему национальных счетов должен быть интегрирован «счет природного капитала».

В исследования экономического роста предлагается включить комплекс экологических проблем, измеряемых с помощью агрегированных индексов, таких как: индекс функционирования окружающей среды (Invironmental Performance Index – EPI), индекс «зеленой» экономики (Inclusive Green Economy Index – IGEI) и др.

Среди других показателей, используемых для измерения экономического роста, отмечаются: индекс конкурентоспособности стран в рамках глобальной экономики; доля государственных инвестиций в ВВП; уровень безработицы (отдельно: общенациональный, среди молодежи, среди женщин) и ряд других [New growth models..., 2014, p. 5–6].

Движение к построению системы комплексной политики роста (nexus policy making)

Политические решения играют решающую роль в обеспечении взаимозависимости феноменов роста, инклюзивности и устойчивости как основы сбалансированного развития. Вопрос в том, какова должна быть правильная политика. До сих пор лицам, ответственным за принятие решений, не удастся предвидеть нежелательные последствия экономического роста, поскольку они не привыкли рассматривать разные виды политики (в различных сферах экономики) в комплексе. Энергетическая политика, например, не может рассматриваться отдельно от промышленной политики и регулирования окружающей среды и т.д. Экономисты, как правило, не принимают во внимание то, каким образом их рекомендации по

смягчению последствий экономических циклов влияют на состояние окружающей среды, и то, как оценка экосистем сказывается на показателях роста. Подход к принятию решений по принципу *ad hoc* доказал свою неэффективность. В настоящее время международные организации сделали ряд шагов в области комплексного планирования роста, однако еще больше предстоит сделать в рамках межправительственных соглашений, а также на национальном, региональном и местном уровнях.

Предпринимательские экосистемы. Как считают авторы доклада Совета при МЭФ, государственные инициативы очень важны для обеспечения условий функционирования частного бизнеса, но именно последний в конечном счете является главным драйвером роста и фактором, определяющим эффективность распределения ресурсов. Предпринимательство нуждается в определенной среде функционирования («экосистеме»), содействующей конкуренции и инновациям с помощью «институциональной технологии». Данное понятие включает в себя такие составляющие, как государственная политика, общественные институты, бизнес-культура, законодательные нормы и др. Эффективная экосистема обеспечивает бизнесу четкие правила рыночного входа и выхода, защищает права собственности, создает условия для притока капитала в систему.

Совет рекомендует повысить статус предпринимательства как важного элемента новых моделей роста и приобщить сообщества, занятые в сфере бизнеса, финансов, законодательства и образования, к разработке предпринимательских экосистем. Подчеркивается также большое значение качественной институциональной среды общества, которая формирует не только нормы поведения его членов, но и систему ценностей [New growth models..., 2014, p. 10–11].

Проблемы финансирования устойчивого социально-экономического развития в прогнозах ООН на период после 2015 г.

В последние годы в исследованиях международных организаций большое внимание уделяется проблемам финансирования устойчивого глобального развития. В частности, в докладе Целевой группы системы ООН (UN System Task Team) и в специальном разделе периодического обзора Отдела экономических и социальных дел ООН (2013) анализируются проблемы финансирования в период после 2015 г. Первостепенное внимание в этих материалах уделяется задачам глобального партнерства, направленного на до-

стижение двух основных целей: 1) усиление системной кооперации и координации усилий политиков, институтов и отдельных участников в процессе формирования глобальной финансовой архитектуры; 2) повышение мобилизации и усовершенствование распределения ресурсов финансирования устойчивого развития.

Кооперация и координация усилий политиков по созданию глобальной финансовой архитектуры как неотъемлемого элемента стратегии устойчивого развития. Глобальное партнерство в сфере финансирования устойчивого роста не может ограничиваться только выработкой целей для правительств и межправительственных органов, но должно противостоять вызовам, связанным с развитием всей международной финансовой системы.

Глобальное партнерство должно быть направлено на объединение задач экономического развития, финансовой политики и политики защиты окружающей среды с более широкими задачами стабильного роста и гуманитарного развития. В настоящее время усилия отдельных участников глобальной системы разрознены. Банки, например, подвержены пруденциальному регулированию со стороны Базельского комитета, однако правила «Базель-III» не подразумевают учет социальных рисков. Институциональные инвесторы сталкиваются с противоречиями между политическими и правовыми нормами; последние исключают соображения устойчивого экономического развития. Более того, принципы финансовой стабильности во многих случаях служат препятствием для инвестиций, направляемых для выполнения задач устойчивого роста.

В то же время в долгосрочном аспекте фактор неустойчивости экономического развития может служить причиной неустойчивости финансового рынка. Теперешняя финансовая система сфокусирована в основном на краткосрочных количественных рисках и практически не учитывает средне- и долгосрочные риски, включая такие, как изменения климата, истощение природных ресурсов, разрушение экосистем

Мобилизация национальных государственных ресурсов устойчивого развития. Реализация целей устойчивого развития требует существенного повышения государственных вложений как в кратко-, так и в долгосрочном плане. Согласно краткосрочному (на период 2010–2015 гг.) анализу ООН, охватывающему 27 РС, при существующей структуре госрасходов и бюджетной политике лишь немногие – всего две страны (Чили и Куба) – смогут достичь поставленных целей в сфере гуманитарного развития. Речь идет о повышении уровня образования, сокращении детской и женской

смертности, обеспечении населения ресурсами питьевой воды. Большинству, а именно 18 странам, необходимо повысить в краткосрочной перспективе уровень госрасходов (относительно ВВП) на 2 процентных пункта или больше против существующей величины. По расчетам ООН, для достижения целей развития госрасходы в анализируемых странах должны составлять около 7% ВВП [Sustainable development challenges..., 2013, p. xvi].

Относительно субсидий специалисты высказывают резко отрицательное суждение. Многие виды субсидий – это существенные расходы для национальных правительств. Выплата субсидий тем или иным видам производств означает искусственное занижение цены товара, поощрение неэффективности, излишнее расходование ресурсов, деградацию экосистем. Так, ежегодные глобальные субсидии рыболовной промышленности оцениваются в 27 млрд долл., 60% которых превышают экологически допустимые нормы. Другие негативные примеры – субсидии сельскому хозяйству и потребителям топлива [Financing for sustainable development..., 2013, p. 9).

Наконец, особое значение в последние годы, как это выявилось в ходе последнего глобального экономического кризиса, приобретают национальные и международные системы социальной безопасности, нацеленные на сокращение нищеты и резких колебаний доходов граждан. Данные системы выполняют роль автоматических стабилизаторов экономики в периоды кризисов и способствуют увеличению ресурсного потенциала устойчивого развития. Взаимодействие национальных правительств, структур ООН, неправительственных организаций и общественных групп будет способствовать развитию социальных сетей как в техническом, так и в финансовом отношении.

Мобилизация частных (национальных и внешних) ресурсов устойчивого развития. Финансовое обеспечение устойчивого развития не сводится только к мобилизации капитала для специфических проектов, таких как возобновляемые источники энергии, водоснабжение и пр. Гораздо более важно таким образом преобразовать финансовый сектор, чтобы его функционирование стало неотъемлемой составной частью устойчивого роста. В глобальном масштабе задачи такого роста должны стать предметом кардинальных решений финансовых институтов.

Среди секторов народного хозяйства РС одним из наиболее нуждающихся в частных инвестициях (особенно международных) является сельское хозяйство. Специалисты ООН оценивают общие потребности данного сектора РС в инвестициях на период 2007–

2050 гг. в 9,2 трлн долл. (в ценах 2009 г.). Потенциальные возможности повышения прибыли на частный капитал ограничиваются факторами, обусловленными недостатками госрегулирования: нехватка государственных услуг; отсутствие адекватных ценовых стимулов, особенно на продукцию небольших фермерских хозяйств; недостаточный доступ малых производителей к государственному страхованию рисков [Sustainable development challenges..., 2013, p. xviii].

Мобилизация государственных внешних ресурсов и улучшение кооперации в вопросах устойчивого развития. Основными составляющими международного сотрудничества и кооперации в сфере мобилизации внешних ресурсов устойчивого развития являются: включение в международную систему финансовой помощи новых участников; систематическая информация о новых (нетрадиционных) потоках капитала и инновационных источниках финансирования инвестиций; обязательства, касающиеся суверенных заимствований и кредитования; инвестиции, направляемые на экологические цели. Помимо традиционной Официальной ассоциации развития (Official Development Assistance – ODA) появились новые участники и инициативы, среди которых созданные под эгидой ООН такие программы, как Human Assets Index (HAI) и Economic Vulnerability Index (EVI), оказывающие помощь наиболее бедным странам¹. Кроме многосторонней развивается кооперация между регионами и в пределах отдельных регионов. К новым явлениям процесса кооперации относятся также развитие частно-государственного партнерства, появление инновационных источников финансирования.

Финансовые ресурсы должны быть направлены в первую очередь на цели снижения выбросов в атмосферу углекислого газа в РС. К настоящему времени CDM уже мобилизовала на эти цели миллиарды долларов, в том числе Германия выделила начиная с 2008 г. 580 млн евро. Франция намерена последовать ее примеру [Financing for sustainable..., 2013, p. 16].

¹ HAI – индекс развития человеческого потенциала; служит показателем объема вложений на гуманитарные цели (уровень здравоохранения, образования, питания и т.п.). EVI – показатель экономической уязвимости страны и степени ее подверженности внешним шокам; используется для измерения структурной уязвимости путем учета доли экспорта в ВВП, степени неустойчивости экспортных поступлений и доходности сельского хозяйства, доли обрабатывающей промышленности и сектора услуг в ВВП. – *Прим. реф.*

Анализ сложных проблем устойчивого и всеобъемлющего развития позволяет сделать вывод, что решение этих проблем может быть достигнуто только на пути усиления глобальной кооперации, партнерства и координации усилий всех заинтересованных участников. Как отмечается в докладе 27 экспертов ООН, посвященном долгосрочным перспективам глобального партнерства, глобальный мир – это «мир вызовов, но эти вызовы могут предоставить и новые возможности, если им удастся воспламенить новый дух солидарности, взаимного уважения и взаимной выгоды, базирующихся на общечеловеческих ценностях» [A new global partnership., 2013, p. 3].

Список литературы

1. Сводный отчет о слушаниях с участием парламентариев 2013 г. / ООН. Генеральная Ассамблея. Экономический и социальный совет. – 2014, 7 марта. – Mode of access: www.ipu.org/splz-e/unga13/summary-r.pdf
2. Financing for sustainable development in the global partnership beyond 2015. UN system task team on the post-2015. – UN development agenda, Jan. 2013. – Mode of access: <http://www.un.org/en/development/desa/policy/untaskteam-undcf/thinkpieces/21>
3. A new global partnership: eradicate poverty and transform economies through sustainable development / UN, 2013. – Mode of access: http://www.un.org/sg/management/pdf/HLP_P2015_Report.pdf
4. New growth models: Challenges and steps to achieving patterns of more equitable, inclusive and sustainable growth. – WEF, GAC, Jan. 2014. – Mode of access: http://www3.weforum.org/docs/GAC/2014/WEF_GAC_NewGrowthModels_ChallengesStepsGrowth_Report_2014.pdf
5. New growth models: Sustainability end inclusivity working group. – WEF, GAC, Jan. 2014. – Mode of access: http://www.zadek.net/wp-content/uploads/2014/02/new-growth-models_inclusivity-sustainability-full-281113.pdf
6. Sustainable development challenges: World economic and social survey, 2013. – UN, 2013, N 4. – Mode of access: <http://www.sustainabledevelopment.un.org/content/documents/2843WESS2013.pdf>
7. Zadek S. New Growth Models: Why bigger isn't always better. – 2014, Feb. 13. – Mode of access: <http://forumblog.org/2014/02/new-growth-models-bigger-isnt-always-better/>

О.Н. Пряжникова

**СОЦИАЛЬНАЯ И СОЛИДАРНАЯ ЭКОНОМИКА:
ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

*Solidāre (лат.) – делать плотным,
твердым, скреплять части, сращивать.*

Разрабатывая новую глобальную стратегию развития на период после 2015 г. (Global development agenda beyond 2015), эксперты ООН приходят к выводу, что «старая» формула, а именно экономический рост плюс социальная защита, не соответствует в полной мере целям устойчивого развития. В мире в условиях информализации экономики (ухода от государственного регулирования), роста экологических издержек индустриализации, обострения проблемы продовольственной безопасности и повторяющихся финансовых кризисов необходима политика развития, выходящая за рамки «политики роста», которая, хотя и включает в себя элементы социальной защиты и защиты окружающей среды, но не ликвидирует структурные предпосылки неустойчивого и нестабильного развития [Wengler J.C., Utting P., 2014, p. 1].

В связи с этим все больше экспертов рассматривают опыт практической реализации идей и принципов социальной и солидарной экономики (ССЭ) как альтернативу процессам неолиберальной глобализации и возможный путь к устойчиво развивающемуся типу общества, перед которым в XXI в. стоят задачи сохранения экологического равновесия, реализации принципа инклюзивности, достижения благосостояния, эффективного регулирования социально-экономической среды.

Социальная и солидарная экономика: История развития

Выделяют три поколения предприятий так называемой «старой» социальной экономики, в то или иное время возникавших в Европе как реакция на кризисные явления в экономике [L'évaluation de..., 2001, p. 37–38].

Первые организационные формы социальной экономики зарождаются в Европе в 1840–1850 гг. в контексте перехода от старых форм регулирования деятельности ремесленников (ремесленных корпораций) к регулированию на основе конкуренции. Возникают и распространяются общественные ассоциации (*mutuelles*), в основе которых лежит добровольная самоорганизация людей и реализация коллективного подхода к борьбе с бедностью, безработицей, страхованию рисков, связанных с потерей работниками здоровья и других социальных рисков. Кроме того, кооперативы и ассоциации рабочих и крестьян, сотрудничая, оказывали друг другу взаимную помощь и формировали коллективный спрос на производимый ими продукт. Таким образом, был инициирован экономический проект социальной экономики, основанный на принципах братства, солидарности и добровольной реципрокности, объединивший свободных и равных перед законом граждан, стирающий границы между экономическим и социальным аспектами жизни общества [Laville J.-L. *Social and solidarity economy...*, 2013, p. 8].

Вторая волна социальной экономики была ознаменована возникновением сельскохозяйственных кооперативов и касс взаимопомощи как реакция на кризис 1873–1895 гг., который сопровождался общемировым снижением цен и массовым разорением европейских фермеров.

Третье поколение предприятий социальной экономики явилось реакцией на экономический коллапс 1929–1932 гг. Это были потребительские кооперативы, позволявшие рабочим и безработным по доступным ценам удовлетворять их базовые продовольственные и жилищные потребности.

Следует отметить, что после Второй мировой войны во Франции такие формы социальной активности, как профсоюзы, общественные ассоциации (*mutuelles*), ассоциации взаимопомощи, были официально признаны государством как участники и партнеры в реализации социальной политики и интегрированы в систему социальной защиты.

В конце XX в. начинается современный этап развития и осмысления концепции социальной экономики уже как солидарной

экономики. Это происходит в контексте определения новых форм социальной экономики, идеологически противостоящих принципам неоллиберализма и индивидуализма и связанных с решением проблем обострения бедности и социальной маргинализации, развитием депрессивных регионов, а также развитием новых форм солидарности в области защиты окружающей среды, культуры, инициатив гражданского общества, образования и др., которые преследуют прежде всего цель достижения коллективного благосостояния и восстановления социальных связей между людьми.

Развитие концепции социальной и солидарной экономики

Корни теории солидарной экономики восходят к XVIII в., а именно к философским и идеологическим поискам концепции новой «социальной экономики», где установлен демократический контроль общества над капиталом с целью ограничить негативные эффекты, оказываемые свободным рынком на жизнь общества. Участниками данной дискуссии были социалисты-утописты и основоположники кооперативной философии Оуэн, Сен-Симон, Фурье и Прудон.

Впоследствии самым известным представителем данного направления во Франции стал Ш. Жид, один из основателей Общества народной экономии в городе Ниме. Он считал наиболее общим свойством, присущим всем людям, «свойство потребителя» и видел реализацию солидарности прежде всего в потребительской кооперации. Нимские кооперативы распределяли минимум чистой прибыли между участниками, остальное шло на создание фабрик с правом участия рабочих в прибылях или на образование кооперативных производственных союзов, получавших от потребительских обществ необходимые капиталы и заказы. Деятельность таких ассоциаций Ш. Жид характеризовал как подготовку строя «правления потребителей» [Гловели Г.Д., 2011, с. 220].

В классической марксистской теории солидарность понималась как солидарность представителей рабочего класса, в основе которой лежало слияние личного интереса отдельного представителя класса с интересами рабочего класса в целом. В процессе эволюции социал-демократических партий и рабочих движений, под влиянием студенческих протестов в Европе в 1968 г. на смену классовому подтексту солидарности приходят принципы этики, альтруизма, приятия различий, взаимозависимости. Вместо построения социализма революционным путем в современной социал-демокра-

тической концепции солидарности акцент ставится на создание чувства общности, социальную интеграцию и разделение социальных рисков, а вместо абсолютизация принципа коллективизма – на признание первенства индивидуальной свободы над коллективной солидарностью [Stjernø S., 2005, p. 86].

Концепция солидарности активно разрабатывалась в европейской социологии в контексте социальной интеграции. Описывая природу солидарности, лидер французской социологической школы Э. Дюркгейм разделял «механическую», характерную для небольших сообществ (семьи, церкви, соседей), и «органическую» солидарность, в основе которой лежит дифференциация и специализация индивидов в реализации различных социальных функций, взаимодополняемость и взаимодействие подобно частям сложного живого организма как условие прогресса и демократии [Laville J.-L., 2010, p. 1461].

Важный вклад в развитие теории ССЭ внесла концепция укорененности экономики в социальной среде К. Поланьи, ее подчиненности и неотделимости от социальных отношений. К. Поланьи выделяет три формы интеграции хозяйства, обретения им единства и стабильности: обмен, перераспределение и реципрокность (взаимность). При этом он подчеркивает, что рыночный обмен – всего лишь одна из форм обмена, который может осуществляться не только в соответствии с принципом максимизации полезности, но и как социальный акт обмена дарами или проявления доброй воли, например, для утверждения дружеских и соседских связей, т.е. для поддержания социальных структур, отношений сотрудничества и предотвращения конфликтов. Подобные виды обмена без гарантии эквивалентного возмещения затрат и характеризуют понятие реципрокности – ключевой элемент концепции солидарной экономики. Посредством реципрокности осуществляется и функция перераспределения, и таким образом интегрируются все этапы хозяйственной деятельности [Радаев В., 2005, с. 29–30].

По Поланьи, «крупные сообщества имеют тенденцию вырабатывать многоуровневую симметрию отношений (*multiple symmetry*), в соответствии с которой реципрокное поведение станет развиваться в сообществах низшего порядка» [Поланьи К., 2002, с. 70]. При этом реципрокное взаимодействие отличается от классического перераспределения отсутствием иерархии между участниками обмена и предполагает равномерное распределение власти между членами симметрично организованной группы.

Сегодня термин ССЭ употребляют как в отношении самых традиционных форм социальной экономики, например кооперативов и кооперативных страховых обществ (*mutuelles*), так и новых структур, возникающих по всему миру в последние десятилетия, таких как альтернативные финансы, комплементарные валюты (KB), цифровые сообщества (*digital commons*), банки времени (*time banks*), группы взаимопомощи, микрофинансы, системы местного торгового обмена (*local exchange trading systems – LETS*), сообщества справедливой торговли (*fair trade communities*) и т.д.

Важно обозначить различия между социальной экономикой и солидарной экономикой. Первая ставит задачи корректировки дефектов капиталистической системы и внедрения в нее социальной составляющей путем повышения социальной ответственности бизнеса, инвестиционной деятельности и фондового рынка, распространения социального предпринимательства, социального банкинга и т.д. В отличие от солидарной экономики, агенты социальной экономики могут не быть частью локальных сообществ и их деятельность необязательно должна базироваться на принципах солидарности, доверия, кооперации и духе общности, а также регулирования экономической активности по принципу «снизу вверх» (*bottom-up*), что и является главной характеристикой солидарной экономики [Dash A., 2013, p. 6].

Солидарная экономика укоренена в ткани социальной жизни сообщества и представляет собой набор организаций и инициатив, целью экономической деятельности которых является не перераспределение прибыли, а удовлетворение потребностей коллектива, например, в создании рабочих мест, реализации гражданских инициатив, защите окружающей среды, в сфере культуры и образования. При этом в отличие от некоммерческого сектора экономики деятельность организаций ССЭ может приносить прибыль, но она, как правило, реинвестируется в соответствии с коллективными интересами: логика рынка здесь подчинена логике солидарности [Marques J.S., 2013, p. 3].

Следующие общие принципы и структурные элементы, присущие организациям и видам деятельности ССЭ, возникающим на основе коллективных предприятий, выделяет Н. Неамтан:

- целью таких инициатив является удовлетворение потребностей и интересов своих членов или местного сообщества;
- предприятия ССЭ автономны по отношению к государству;
- в уставах и кодексах поведения они декларируют демократический процесс принятия решений, предусматривающий обязательное участие всех членов проекта;

– в основе деятельности лежат принципы участия, распределения полномочий на основе доверия, индивидуальной и коллективной ответственности [Neamtan N., 2002, p. 2–3].

ССЭ устанавливает связи между людьми, живущими в определенном месте (территории), и эти связи определяются спецификой этой местности. При этом в рамках ССЭ создаются условия для развития и участия каждого члена сообщества. Такой принцип участия представляет собой открытую и гибкую систему, в которой не существует одного единственно правильного, универсального способа коллективного принятия решений. Каждое отдельное сообщество пробует и использует те процедуры, которые считает для себя приемлемыми, что определяет многообразие форм ССЭ [Dacheux E., Goujon D., 2011, p. 206–207].

По мнению А. Дэша [Dash A., 2013], ССЭ представляет собой не модель экономической организации (economic organization), а процесс упорядочения, формирования структуры экономической деятельности (economic organizing). Характеризуя ССЭ как творческий процесс социальной самоорганизации, происходящий снизу вверх, в основе которого лежит сочетание ценностей (blending values), А. Дэш видит в ССЭ так называемый зарождающийся «третий сектор» – вне государственного и рыночного. Он может стать эволюционным этапом в движении к новой «другой экономике», в которой главные акторы – сообщества, сущность – кооперация, отношения основаны на солидарности и реципрокности, регулирование происходит на основе добровольного участия, а производимое благо заключается в соединении ценностей (см. табл. 1).

Таблица 1

Три сектора экономики¹

	Государственный сектор	Частный сектор	ССЭ (третий сектор)
Доминирующие акторы	Государство	Рынок	Сообщество
Рациональность	Распределительная	Конкурентная	Кооперативная
Базовые отношения	Власть	Обмен	Солидарность/ реципрокность
Принцип регулирования	Контроль	Свобода	Участие
Капитализация	Общественные блага	Накопление капитала	Соединение ценностей (социальных, экологических, моральных).

¹ Dash A. Towards an epistemological foundation for social and solidarity economy: UNRISD conference: Potential limits of social and solidarity economy. – Geneva, 2013. – 21 p. – P. 6.

В ССЭ трансформируется и концепция занятости: ключевой становится задача создания рабочих мест для членов сообщества, что ведет к росту качества их жизни и формированию условий для более защищенного и комфортного существования, в том числе будущих поколений. При этом мотивация участия в жизни сообщества постепенно меняется – с обеспечения выживания на ощущение ценности принадлежности сообществу [Lemus B., Barkin D., 2007, p. 7].

Развитие ССЭ предполагает социализацию и «экологизацию» так называемого «экономического человека», деконструкцию ортодоксальной неоклассической экономической системы и движение к новой модели рациональности, которая может способствовать изменению экономических отношений. Признавая ограниченность концепций экономического человека и рационального выбора, теория ССЭ предлагает воспринимать человека через его социальную роль и его деятельность (human agency), видит в нем личность, движимую не только материальными, но и нематериальными устремлениями. Это позволяет более адекватно отразить реальность и полноту социальной жизни, природу человеческой личности, выходящую за рамки концепции максимизации полезности [Dash A., 2013, p. 6].

При этом, представляя собой альтернативную модель развития, ССЭ, по мнению ряда исследователей, может существовать лишь в рамках смешанной экономики (plural economy), философия которой не сведена лишь к рыночной и в которой могут сосуществовать разнообразные формы собственности, экономического поведения и экономической логики, обуславливающие практики перераспределения и реципрокности [Laville J.-L., 2001, p. 48].

Место и роль ССЭ в современной мировой экономике

Сейчас в мире происходят разнообразные экономические, институциональные, политические и культурные изменения, способствующие развитию ССЭ и трансформации организационных форм экономической деятельности в целом. В условиях давления рынка и сбоя рыночных механизмов растет число ассоциаций, объединяющих как индивидуальных работников, так и производственные компании, стремящиеся защитить свою деятельность, расширить свою рыночную власть, сократить транзакционные издержки. Наблюдается подъем общественных движений, объединяющих работников, мелких фермеров, женщин, потребителей, защитников

окружающей среды, а также рост поддержки принципов ССЭ со стороны академической среды и НПО.

Так, в настоящий момент в Европе 2 млн организаций ССЭ составляют уже 10% от всех зарегистрированных предприятий. Мировой рынок организаций справедливой торговли достиг объема в 6,4 млрд долл. Общества взаимопомощи оказывают поддержку в сфере социальной защиты для 170 млн человек по всему миру [Social and solidarity economy..., 2010, p. 2].

В Бразилии кооперативы производят $\frac{3}{4}$ зерновых культур и 40% молока, а экспорт их продукции оценивается в 1,3 млрд долл. [Social and solidarity economy..., 2011, p. iv]. В Великобритании 62 тыс. социальных предприятий обеспечивают рабочие места для 800 тыс. человек [Social and solidarity economy..., 2011, p. 133]. 21,1 млн французов участвуют в системе взаимного страхования (mutuelle d'assurance), 22 млн пользуются услугами кооперативных банков, а от 11 млн до 16 млн французов являются волонтерами в различных ассоциациях. В целом ССЭ во Франции обеспечивает 10,3% всех рабочих мест в экономике, давая работу 2,34 млн граждан [Panorama..., 2012, p. 1–2]. В Индии более 30 млн человек, в основном женщины, участвуют в 2,2 млн групп взаимопомощи, а крупнейший продовольственный кооператив «Amul» объединяет 3,1 млн производителей и имеет годовой оборот в 2,5 млрд долл. [Utting P., 2013].

Правительство ЮАР в ходе борьбы с безработицей поставило целью в текущем десятилетии создать 5 млн новых рабочих мест, из которых 260 тыс. появятся в рамках ССЭ. Для этого государство оказывает организациям ССЭ техническую поддержку в получении финансовых и бухгалтерских услуг, обучении персонала организаций ССЭ, установлении связей с инвесторами, а также использует организации ССЭ как партнера в оказании социальных услуг населению [Social and solidarity economy..., 2011, p. xiii].

В последнее десятилетие большинство стран Южной Америки, а именно Аргентина, Бразилия, Эквадор, Уругвай и Венесуэла, в ходе борьбы с безработицей, бедностью и социальной маргинализацией включили в свою политику меры по поддержке и продвижению в обществе принципов и инструментов ССЭ, ознаменовав, таким образом, движение в сторону новой модели социальной политики. В контексте этой новой тенденции страны Южной Америки активно переориентируют бюджетные трансферты, увеличивая финансирование местных органов власти и институтов гражданского общества, вовлекая в реализацию социальной политики новых

акторов и расширяя возможности территорий в решении социально-экономических задач. Такую цель, в частности, преследует Программа лучшей жизни (Programa vida melhor) правительства бразильского штата Баия, в рамках которой планируется оказывать техническую поддержку инициативам народной экономики и охватить, таким образом, 120 тыс. городских и 280 тыс. сельских семей штата [Zeeland van A., 2013, p. 6].

Важно подчеркнуть, что акторы ССЭ в странах Южной Америки не были вовлечены в разработку государственных программ по поддержки ССЭ, их роль была сведена лишь к участию во внедрении программ без какой-либо возможности влияния на принятие решений. Таким образом, в данном случае страны Южной Америки выбрали государственно-центричную модель продвижения ССЭ [Castelao Caruna M.E., Srncs C.C., 2013]. Представляется, что в будущем во всех регионах мира будет расти актуальность более демократичной модели совместного формирования политического контекста государством и обществом.

На международном уровне ценности и практики ССЭ реализуются в сотрудничестве развитых стран Севера с развивающимися странами Юга, в частности в таких формах, как организации справедливой торговли и микрокредитование.

Организации справедливой торговли, реализующие программы благотворительности и солидарности, возникли более 50 лет назад, но только в последние 20 лет начался процесс их институализации, продукты с лейблами и сертификатами организаций справедливой торговли стали появляться в сетевых супермаркетах, а декларируемые ими принципы становятся частью политического дискурса. Так, в Европе в 2004 г. оборот товаров с лейблами справедливой торговли достиг 600 млн евро, увеличившись с 1999 г. (209 млн евро) на 186% [Wilkinson J., 2007, p. 224–225]. Организации справедливой торговли – это торговые партнерства, управляемые на основе принципов прозрачности, уважения и открытого диалога, целью которых являются достижение большего равенства участников мировой торговли и борьба с бедностью в развивающихся странах путем создания торговой системы, позволяющей маргинализированным производителям получить доступ на рынки развитых стран. На практике такие организации создают альтернативные торговые сети (alternative trading organizations), осуществляют маркетинг товаров, которые они лицензируют и продвигают на рынке под своими лейблами, а также проводят общественные кампании по продвижению своих принципов, например, за включение

и расширение ассортимента продуктов справедливой торговли в государственных закупках [Özçağlar-Toulouse N., Béji-Bécheur A., Murphy P.E., 2009, p. 601].

В такой сфере ССЭ, как альтернативные финансы, можно обозначить два вида стратегий и целеполагания. С одной стороны, это создание систем комплементарных и локальных валют, направленных на раскрытие потенциала коллективного действия и развитие территорий. С другой – традиционные формы микрофинансов, целью которых является создание условий для развития индивидуального- и микропредпринимательства.

Микрофинансы принято также считать формой ССЭ, которая, в частности, реализует солидарность между странами Севера и Юга как посредством разделения финансовых рисков и распределения финансовых потоков, так и в ее социальной составляющей: путем распространения финансовой грамотности, формирования социально-экономических институтов, придания особой важности социальной ответственности инвесторов. Сектор микрофинансов растет в среднем на 30% в год. Пять крупнейших институтов, функционирующих в сфере микрофинансов (VBSP, «Grameen bank», BRAC, SKS, ASA), охватывают 30 млн заемщиков. В 2003–2009 гг. темпы прироста микрокредитования во Вьетнаме и Бангладеш составляли 10–15%, в Индии же, где рынок еще далек от насыщения, – 150% в год. Очевиден огромный потенциал микрокредитования в странах Африки, где насыщение рынков доступными финансовыми средствами крайне низкое [Ashta A., 2012, p. 72].

Кроме того, активно развиваются частные инвестиционные проекты на основе краудфандинга, такие как Oikocredit, чьи инвестиции в сфере микрофинансирования в 2012 г. составили 265 млн долл., или интернет-платформа Kiva.org, которая за восемь лет существования разместила микрокредитов на 370 млн долл. Развитие онлайн-технологий для осуществления микрофинансирования способствует росту и диверсификации сферы микрофинансирования, давая возможность широкому кругу инвесторов по всему миру использовать инновационные схемы инвестирования и пожертвований [Nelson P., 2013, p. 1].

В процессе развития ССЭ на региональном уровне и уровне более мелких сообществ получили распространение многочисленные проекты *комплементарных валют (KB)* и *валют сообществ* (complementary and community currencies), такие как «переходные валюты» (transition currencies) и «банки времени» (time banks) в США

и Великобритании, The NU-Spaarpas¹ в Нидерландах, SOL во Франции, «Regiogled» в Германии и Австрии, банки сообществ (community banks) в Бразилии и т.д., в последние десятилетия получают активную поддержку со стороны национальных властей и международных институтов. Большинство таких инициатив позиционируют себя как часть общественного движения за развитие и расширение сетей ССЭ и укрепление отношений солидарности между гражданами, НКО и средним и мелким бизнесом. Сторонники КВ видят в них альтернативу существующей глобальной монетарной системе, которая, по их мнению, является причиной таких мировых проблем, как бедность, социальное расслоение и деградация окружающей среды, а также практический подход к реализации проектов устойчивого развития и самоуправляемых сообществ.

Большинство КВ, объединяющих предприятия и потребителей, являются конвертируемыми, они обмениваются на национальные валюты и поддерживаются ими, представляя собой ваучеры на национальную валюту. Наиболее известные конвертируемые КВ – это Sol Violette (г. Тулуза) во Франции, Brixton pound (фунты г. Брикстона) – в Великобритании, Chimgauer (химгауэры) – в Германии и Berkshares (беркшеры, г. Беркшир, штат Массачусетс) – в США. Как правило, потребители покупают КВ с дисконтом, который возмещается бизнес-агентами, которые платят определенную комиссию при обратной конвертации КВ в национальную валюту.

При отборе участников для систем КВ учитывается как их географическое положение (предел удаленности от города-центра), так и то, придерживаются ли они практик, способствующих устойчивому развитию: например, справедливая система оплаты труда, следование экологическим стандартам, стандартам безопасности труда и сохранения здоровья работников, сокращение пластиковых отходов, отказ от продажи продуктов с содержанием пестицидов, следование другим принципам SSE и охраны окружающей среды.

Показательным примером конвертируемой КВ является проект SOL-Violette, запущенный в Тулузе в 2011 г. Изначально в нем

¹ В рамках проекта города Роттердама The NU Spaarpas Card была внедрена схема поощрения граждан, поддерживающих модели потребления, соответствующие концепции устойчивого и экологически сбалансированного развития. Держателям смарт-карт (NU Card) начисляются бонусы за покупку органических продуктов, продуктов, реализуемых в рамках сообществ справедливой торговли, за сортировку мусора для повышения эффективности его утилизации и т.д. – *Прим. авт.*

насчитывалось 150 участников, включая 30 предприятий, но уже к концу 2012 г. число участников выросло до 800, в том числе 110 предприятий, а в рамках проекта обращалось 63 тыс. единиц КВ. Потребители покупают SOL-Violette с дисконтом в 5%, в результате чего формируется фонд сбережений, из которого сотрудничающий с проектом кооперативный банк выдает микрокредиты местным «зеленым» и социальным предприятиям – участникам системы, чьи прибыли к концу 2012 г. выросли в среднем на 4%. Кроме того, муниципальные власти используют данную КВ для оказания социальной поддержки населению, ежемесячно добавляя 30 единиц SOL-Violette к пособиям, которые получают 120 нуждающихся семей города, а кроме того, ежегодно оказывают проекту финансовую поддержку (100 тыс. евро в 2013 г.), что позволяет оплачивать труд работников проекта и покрывать текущие издержки [Ruddick W.O., Mariani L., 2013, p. 3].

В развивающихся странах успешным проектом КВ стала локальная социальная валюта Palmas, учрежденная кооперативным банком «Banco Palmas», который был создан в 1998 г. в одной из фавел на северо-востоке Бразилии. Банк управляется местным сообществом, и главной целью его деятельности является улучшение условий жизни в фавелах путем микрокредитования и микрострахования местных жителей. В результате были созданы новые рабочие места, население смогло улучшить свои жилищные условия, сократился уровень преступности и наркотрафика, 1,5 тыс. молодых людей получили профессиональную подготовку [Dacheux E., Goujon D., 2011, p. 205].

Другая разновидность КВ – взаимные валюты – учреждается на основе взаимного соглашения между гражданами и/или предприятиями, которое позволяет им отсрочивать платежи за товары и услуги, используя взаимную систему кредитного клиринга. Взаимные КВ существуют в виде бумажных ваучеров или в виде системы электронных расчетов. Главная цель, которая достигается благодаря взаимной КВ, – это увеличение доступных населению средств обмена внутри отдельного сообщества. Сейчас по всему миру существуют тысячи систем взаимных КВ: банки времени (time banks)¹, системы местного торгового обмена (LETS).

¹ Банки времени – это система учета времени, потраченного участником системы на оказание помощи другим членам банка. Единицами капитала являются здесь часы волонтерского труда, накапливая которые человек получает возможность в обмен на них получать товары и услуги. – *Прим. реф.*

В Европе существует около 1000 *банков времени*, в США – 256, в странах Азии – 391. Участники банков времени предоставляют друг другу услуги, исчисляемые в часах. В среднем банки времени насчитывают 100–200 участников. В одном из самых крупных банков времени в Нью-Йорке (VNSNY) принимают участие более 2900 человек. Банки времени играют важную роль в создании солидарных сообществ и сокращении социальной изоляции, являясь наглядным инструментом реализации реципрокности, а не просто обмена. По мере укрепления отношений внутри такого сообщества они начинают поддерживаться и без такого вида социальной валюты, и использование банков времени сходит на нет [Complementary currency systems..., 2013, p. 9, 12].

Примером взаимной КВ, используемой для торговых сделок между предприятиями, является швейцарская валюта WIR, созданная кооперативным обществом «Wirtschaftsring-Genossenschaft» (Кооператив экономического союза) в Швейцарии еще в 1934 г. В 2012 г. в системе WIR насчитывалось 62 тыс. зарегистрированных участников, в основном это мелкие и средние предприятия, которые, торгуя друг с другом, не прибегают к национальной валюте, таким путем защищая свой бизнес от волатильности рыночной экономики. По мнению экспертов, WIR является важным инструментом, обеспечивающим стабильность бизнес-сообщества Швейцарии¹.

Очевидно, что при таком бурном росте объемов ССЭ и диверсификации ее форм ССЭ уже выходит за рамки инновационной ниши социально-экономического развития и статуса «экономики на уровне сообществ», становясь полноценной составляющей мировой экономики.

Социальная и солидарная экономика в России: История и перспективы

Важно отметить, что концепция солидарности занимала важное место и в истории русской мысли. Идеи солидарности нашли отражение в категории соборности, которая была ключевым элементом идеологии славянофилов – А.С. Хомякова и К.С. Аксакова,

¹ Greco Jr. T.H., Megalli T. An annotated précis, review, and critique of prof. Tobias Studer's WIR and the Swiss national economy. – Mode of access: <http://beyondmoney.net/research-and-reviews/an-annotated-precis-review-and-critique-of-prof-tobias-studer%E2%80%99s-wir-and-the-swiss-national-economy-by-thomas-h-greco-jr-and-theo-megalli/>

в работах В.С. Соловьева, который ввел понятие всеединства, С.Н. Трубецкого, в чьей интерпретации соборность предстает как сочетание религиозной, моральной и социальной составляющих, С.Л. Франка, рассматривавшего общественную жизнь как выражение онтологического всеединства, лежащего в основе любой общности людей [Портрет солидаризма...].

Солидарность была предметом исследования либералов-западников, Е.В. де Роберти, первого российского профессионального социолога, и М.М. Ковалевского, который считал необходимым условием для реализации принципа солидарности автономность и свободу индивида [Efremenko D., Evseeva Y., 2010, p. 36–37].

Солидарность, как принцип, объединяющий всех людей вне зависимости от их политических взглядов или личных интересов, была важной составляющей идеологии народников (М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, Н.К. Лавров) и анархистов (П.А. Кропоткин, Л.И. Мечников). Так, М.А. Бакунин видел в качестве идеала реализации солидарности и свободы свободные ассоциации, а социальный прогресс – как движение от животного состояния к свободе, в котором определяющую роль играют солидарно организованные действия культурной части общества. Идеолог анархизма П.А. Кропоткин в своей книге «Взаимная помощь как фактор эволюции» исследует кооперацию как механизм выживания на разных стадиях развития человеческого общества. Выступая за альтернативную социально-экономическую систему, регулируемую горизонтальной сетью добровольных организаций, где продукт распределялся бы в соответствии с потребностями людей, а не их трудовым вкладом, П.А. Кропоткин подчеркивал, что «подобные ассоциации, конечно, не изменяют экономической структуры общества, но они, в особенности в небольших городах, помогают сглаживанию социальных различий» [Кропоткин П.А., 1907, с. 281].

В этот же период исследователь истории и практики кооперативного движения, российский и украинский экономист М.И. Туган-Барановский приходит к выводу, что кооперация могла бы стать инструментом преобразования капитализма, и указывает на тот факт, что «кооперация борется» с несовершенствами капиталистической экономики «не насилием, не оружием и не баррикадами, а мирным строительством нового общественного строя» [Туган-Барановский М.И., 1989, с. 96].

В России развитие кооперативов, одной из форм ССЭ, начинается после отмены крепостного права, в условиях становления капитализма, сопровождавшегося разорением мелких производи-

телей как в городе, так и в деревне. В начале XX в. кооперативные ассоциации становятся значимой формой организации экономической деятельности населения. Число потребительских обществ в период с 1905 по 1917 г. увеличилось с 1100 до 35 000, кредитных кооперативов – с 1629 до 16 417, а число сельскохозяйственных товариществ, насчитывавших в 1909 г. 166 организаций, в 1916 г. выросло до 2100 [Файн Л.Е., 1994, с. 25]. К сожалению, в советский период в условиях административно-командной экономики традиция кооперативного движения как самостоятельной формы самоорганизации экономической жизни была прервана.

В современной России, на наш взгляд, практики ССЭ могли бы стать действенным подспорьем в таких сферах, как экологически сбалансированное развитие сельского хозяйства, организация сетей поставок экологически чистых продовольственных продуктов, оживление экономической деятельности и оздоровление социального климата в депрессивных регионах, а также в целом драйвером развития социального капитала.

В сфере сельского хозяйства в настоящее время к формам ССЭ могут быть отнесены крестьянские (фермерские) хозяйства и сельскохозяйственные производственные кооперативы (СПК), так как им присуща такая ключевая черта организаций ССЭ, как распределение прибыли среди работников, являющихся одновременно и членами СПК в соответствии с их трудовым вкладом.

Таблица 2

**Динамика численности сельскохозяйственных
производственных кооперативов¹**

	1995 г.	2001 г.	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2011 г.	2012 г.
Численность сельскохозяйственных производственных кооперативов	7939	15 314	14 572	10 108	9174	12 190	10 319

Как видно из табл. 2, число СПК в последние годы снижается. В качестве причин такой динамики выделяют сложности в осуществлении демократических процедур и нарушение принципов демократии со стороны органов управления СПК; трудности в моби-

¹ Проект ведомственной целевой программы «О развитии сельскохозяйственной кооперации на 2014–2016 годы» / Министерство сельского хозяйства РФ. – М., 2013. – С. 9.

лизации инвестиции от частных лиц; работая на арендованной земле, СПК сталкиваются с риском потери земельных угодий, а также потерей имущества СПК путем их незаконного преобразования в акционерные общества, умышленного банкротства, рейдерских захватов, в результате чего члены СПК нередко остаются без своих имущественных паев, без земли и без работы.

В программе «О развитии сельскохозяйственной кооперации на 2014–2016 годы» подчеркивается острая необходимость принятия мер по государственной поддержке СПК, а именно: законодательно признать особую роль и место СПК в экономике и социальной сфере села современной России; выделять долгосрочные субсидированные кредиты на выкуп арендуемой земли и земельных долей в собственность СПК; вовлекать СПК в сельскохозяйственную потребительскую кооперацию; усилить контроль деятельности СПК и защиты прав и законных интересов их членов [Проект ведомственной..., 2013, с. 10]. Кроме того, в программе подчеркивается, что развитие сельскохозяйственной кооперации – это необходимое условие устойчивого развития сельских территорий, обеспечения рентабельности сельскохозяйственного малого и среднего бизнеса, сохранения занятости и повышения покупательной способности сельского населения.

Представляется, что развитие практик и формирование структур ССЭ может помочь решению и такой российской проблемы, как расслоение регионов России по уровню социально-экономического развития и неравенство в доходах населения. Максимальная доля населения с доходами ниже черты бедности наблюдается в Ингушетии (83%), в Ивановской области 58% населения имеют доходы ниже черты бедности, в Марий Эл – 48%; высок показатель бедности в Коми-Пермяцком автономном округе – 64,3% [Елисеева И., 2008, с. 168]. В этой связи может стать полезным опыт стран Южной Америки в реализации политики продвижения ССЭ, в частности, направленной на стимулирование предпринимательской активности и трудовой деятельности граждан в районах с высоким уровнем бедности и повышения доступности для населения финансовых услуг путем создания альтернативных солидарных финансовых рынков, в том числе КВ (Castelao Caruna M.E., Srnes C.C.). В результате пользования КВ возникают новые пространственные и социально-экономические связи, что активно стимулирует кооперацию, процессы устойчивого развития территории, создает условия для участия в коллективных проектах всех местных жителей. Кроме того, солидарные финансы стиму-

лируют денежное обращение (например, открытый доступ всех участников проекта к получению кредитов и микрокредитов), что интенсифицирует местную торговлю [Fare M., 2013].

Важно отметить, что ограничивающим фактором развития ССЭ в России является такой важнейший показатель качества социального капитала, как межличностное доверие, уровень которого, по данным социологических исследований, низок и сочетается с недоверием к общественно-политической деятельности. Вместе с тем именно доверие является основой самоорганизации, обеспечивает социальную интеграцию, гражданскую солидарность. Руководитель «Левада-центра» Л. Гудков указывает на то, что эта ситуация усугубляется «государственной имитацией попыток самоорганизации общества» и дискредитацией властью ряда организаций гражданского общества. «Поэтому принимают систематическое участие в той или иной общественной организации менее 1% населения, хотя формально числятся членами какой-либо общественной организации или союза около 10% взрослого населения» [Гудков Л., 2012, с. 37]. Таким образом, можно отметить, что уровень реальной гражданской активности в России низок в сравнении со странами, где ССЭ динамично развивается, например Канадой, где 30% населения активно участвуют в каких-либо ассоциациях.

Несмотря на это, вызывает оптимизм возникновение в России инициатив, опирающихся на принципы ССЭ, развивающиеся «снизу вверх» на основе солидарности, чувства коллективной идентичности, краудфандинга и самоорганизации, т.е. примеров организаций, демонстрирующих высокое качество социального капитала. Среди них, например, фермерский кооператив «ЛавкаЛавка»¹, объединяющий фермеров, покупателей, магазины, рестораны, отели, поставщиков экопродукции, сельскохозяйственной техники, прошедших разработанную кооперативом процедуру экологической сертификации. «ЛавкаЛавка» заявляет в качестве своих ценностей сохранение окружающей среды, развитие сельского хозяйства, гастрономических традиций и ответственного потребления, а также идею «сопроизводства и соучастия». В рамках кооператива функционирует Фонд развития фермерских проектов, помогающий фермерам – членам кооператива развиваться и пополняемый из прибыли от реализации сельскохозяйственных продуктов, а также за счет грантов, пожертвований и социального инвестирования.

¹ Что такое фермерский кооператив «LavkaLavka»? – Режим доступа: <http://lavkalavka.com/fermerskiy-proekt-lavkalavka>

Опыт кооператива «ЛавкаЛавка» мог бы стать моделью для развития солидарных фермерских организаций, формирующихся вокруг городских агломераций.

Кроме того, в России на фоне развития социальных сетей растут и такие формы проявления солидарности, как участие волонтеров в избирательных кампаниях независимых кандидатов, социальное волонтерство и благотворительность. В 2011 г. 46% россиян делали благотворительные пожертвования, в том числе 11 – много раз, 31% – несколько раз, а в добровольческую деятельность было вовлечено 25% россиян, в том числе 6% россиян занимались добровольчеством много раз, 16% – несколько раз в течение года (Мерсиянова И.В., 2013, с. 42, 45]. По данным международного Фонда благотворительной помощи (Charities aid foundation), Россия переместилась в мировом рейтинге благотворительности (World giving index) с 138-го места в 2010 г. на 123-е место в 2012 г., а в волонтерских проектах в 2012 г. принял участие 21 млн россиян (World..., 2001, р. 21, 27; 2010, р. 36).

Появляются примеры самоорганизации граждан в местных сообществах для реализации социально значимых проектов, например: постройка дома для многодетной семьи (Нижегородская обл.), досугового центра для детей (Оренбургская обл.), создание библиотеки в СИЗО (Екатеринбург), возведение моста (Ленинградская обл.) [Своими руками..., 2014, с. 12]. Проекты реализуются гражданами на основе краудфандинга в условиях пассивности и неэффективности местных властей. Так, в Петрозаводске жители собрали 70 тыс. руб. и своими силами провели ремонт 1,5 км грунтовой дороги, тогда как, по расчетам местных органов власти, стоимость данного проекта должна была составить 1 млн руб. В Волгограде в условиях бездействия властей жители самостоятельно установили на опасном перекрестке два светофора, собрав и потратив на это 400 тыс. руб., хотя стоимость проекта при бюджетном финансировании должна была составить 1,7 млн руб.

Заключение

Для того чтобы оставаться в русле мирового развития, России необходимо учитывать глобальные социально-экономические тенденции и вводить в свою политику меры, генерирующие инклюзивное и устойчивое развитие. Именно ССЭ предлагает такую парадигму целостного и сбалансированного развития, в рамках которой происходит одновременно оживление экономической активности,

осуществляется социальная защита населения и защита окружающей среды, т.е. создаются условия для интегрирования экономических, социальных и экологических аспектов устойчивого развития и движения к социальной справедливости.

Для преодоления ограничений развития ССЭ в России, на наш взгляд, требуется стимулировать формирование механизмов реального участия россиян в социальной жизни путем наделения полномочиями общественных институтов, подотчетности гражданам общественных и государственных институтов. Особенную актуальность в данном контексте приобретает наделение большими полномочиями региональных и местных властей, перераспределение денежных потоков в пользу региональных и муниципальных бюджетов, что должно сочетаться с демократизацией выборов на местном уровне, уровне, на котором граждане непосредственно в контакте и сотрудничестве с органами власти могут заявлять о своих правах, осуществлять коллективную мобилизацию и оказывать влияние на принятие затрагивающих их жизнь решений, в частности, участвуя в определении приоритетов расходования средств местных бюджетов.

Поддержка инициатив ССЭ, разработка законодательной базы для их функционирования также, в свою очередь, создаст условия для развития институтов коллективного и местного самоуправления, совершенствования коммуникации между государством и гражданами, так как ССЭ укореняет в обществе практики демократического принятия политических и экономических решений и определения коллективных интересов посредством открытой дискуссии с участием всех акторов.

Таким образом, ССЭ может стать проводником трансформаций экономики в сторону более устойчивого развития, продвижения ценностей защиты окружающей среды, гармонизации общественной жизни, формируя условия для роста индивидуальной ответственности граждан, коллективной идентичности, межличностного доверия, для развития человеческого капитала и сокращения социального неравенства.

Список литературы

1. Гловели Г.Д. История экономических учений: Учебное пособие. – М.: Юрайт, 2011. – 740 с.
2. Гудков Л. Доверие в России: Смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. – М., 2012. – № 2 (112). – С. 8–47.

3. Елисеева И. Региональный аспект измерения бедности в России // Измерение, формы и факторы бедности. Сравнительный подход / Под ред. Фести П., Прокофьевой Л. – Париж, 2008. – 206 с. – С. 167–175.
4. Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. – СПб.: Товарищество «Знание», 1907. – 351 с.
5. Мерсиянова И.В. Благотворительность и участие россиян в практиках гражданского общества: Региональное измерение. – М.: НИУ ВШЭ, 2013. – 204 с.
6. Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. – М.: НИУ ВШЭ, 2002. – Т. 3, № 2. – С. 60–73.
7. Портрет солидаризма. Идеи и люди / Сост. В.А. Сендеров. – М.: Посев, 2007. – 320 с.
8. Проект ведомственной целевой программы «О развитии сельскохозяйственной кооперации на 2014–2016 годы» / Министерство сельского хозяйства РФ. – М., 2013. – 25 с.
9. Радаев В. Экономико-социологическая альтернатива Карла Поланьи // Экономическая социология. – М., 2004. – Том 5, № 5. – С. 20–35.
10. Своими руками. Что жители страны строят на собственные деньги // АиФ. – М., 2014, 26.03. – С. 12–13.
11. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. – М.: Экономика, 1989. – 496 с.
12. Файн Л.Е. Отечественная кооперация: Исторический опыт. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1994. – 275 с.
13. Ashta A. Co-creation for impact investment in microfinance // Strategic change. – Malden, 2012. – Vol. 21, N 1–2. – P. 71–81.
14. Complementary currency systems: Social and economic effects of complementary currencies / Boonstra L., Klammer A., Karioti E., Aido do Carmo J., Geenen S; Erasmus University. – Rotterdam, 2013. – 33 p.
15. Bindewald L., Nginamau M., Place Ch. Validating complementary and community currencies as an efficient tool for social and solidarity economy networking and development / UNRISD conference: Potential limits of social and solidarity economy. – Geneva, 2013. – 15 p.
16. Castelao Caruna M.E., Srneec C.C. Public policies addressed to the social and solidarity economy in South America. Toward a new model? // VOLUNTAS: Internat. j. of voluntary and nonprofit organizations. – Baltimore, 2013. – Vol. 24, N 3. – P. 713–732.
17. Christoforou A. On the identity of social capital and the social capital of identity // Cambridge j. of economics. – Oxford, 2013. – Vol. 37, N 4. – P. 719–736.
18. Dacheux E., Goujon D. The solidarity economy: An alternative development strategy? // Internat. social science j. – P., 2011. – Vol. 62, N 203/204. – P. 205–215.
19. Dash A. Towards an epistemological foundation for social and solidarity economy / UNRISD conference: Potential limits of social and solidarity economy. – Geneva, 2013. – 21 p.

20. Dugarova E., Utting P., Cook S. Social drivers of sustainable development (Beyond 2015, brief N 4) / UN Research institute for social development. – Geneva, 2014. – February. – 6 p.
21. Efremenko D., Evseeva Y. Russian populists and anarchists on solidarity: Middle 19 th to early 20 th centuries // Newsletter of the altruism, morality & social solidarity section-in-formation of the American sociological association. – Wash., 2010. – Vol. 2, N 1. – P. 35–38.
22. Efremenko D., Evseeva Y. Slavophiles and westernizers on sobornost, altruism and solidarity // Newsletter of the altruism, morality & social solidarity section-in-formation of the American sociological association. – Wash., 2010. – Vol. 2, N 2. – P. 35–37.
23. Fare M. Les monnaies sociale et complémentaires dans les dynamiques territoriales: Potentialités, impacts, limites et perspectives / UNRISD conference: Potential limits of social and solidarity economy. – Geneva, 2013. – 21 p.
24. Gould C.C. Transnational solidarities // J. of social philosophy. – Malden, 2007. – Vol. 38, N 1. – P. 148–164.
25. Laville J.-L. Social and solidarity economy: A theoretical and plural framework / UNRISD conference: Potential limits of social and solidarity economy. – Geneva, 2013. – 15 p.
26. Laville J.-L. Solidarity // International encyclopedia of civil society / Ed. by Anheier H.K., Toepler S. – N.Y.: Springer, 2010. – P. 1460–1464.
27. Laville J.-L. Vers une économie sociale et solidaire? // RECMA – Rev. internat. de l'économie sociale. – P., 2001. – N 281. – P. 39–53.
28. Lemus B., Barkin D. Rethinking the social and solidarity economy in light of community practice / UNRISD conference: Potential limits of social and solidarity economy. – Geneva, 2013. – 15 p.
29. L'évaluation de l'économie sociale dans la perspective des nouvelles formes de regulation socio-économique de l'intérêt general / Bouchard M., Bourque G.L., Lévesque B., Desjardins E. // Cahiers de recherche sociologique. – Montréal, 2001. – N 35. – P. 31–53.
30. Marques J.S. Social and solidarity economy: Between emancipation and reproduction / UNRISD conference: Potential limits of social and solidarity economy. – Geneva, 2013. – 15 p.
31. Moulaert F., Ailenei O. Social economy, third sector and solidarity relations: A conceptual synthesis from history to present // Urban studies. – 2005. – Vol. 42, N 11. – P. 2037–2053. – Mode of access: <http://usj.sagepub.com/content/42/11/2037.full.pdf+html>
32. Neamtan N. The social and solidarity economy: Towards an «alternative» globalization. – Vancouver, 2002. – 14 p.
33. Nelson P. Cooperation, association and solidarity in international finance? Forms of social solidarity investment in microfinance / UNRISD conference: Potential limits of social and solidarity economy. – Geneva, 2013. – 16 p.

34. Özçağlar-Toulouse N., Béji-Bécheur A., Murphy P.E. Fair trade in France: From individual innovators to contemporary networks // *J. of business ethics*. – 2009. – Vol. 90, N 4 Suppl. – P. 589–606. – Mode of access: <http://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10551-010-0594-y>
35. Panorama de l'économie social et solidaire en France et dans les régions // *Observatoire national de l'économie sociale et solidaire*. – 2012. – 12 p.
36. Ruddick W.O., Mariani L. Complementary currencies strengthening the social and solidarity economy: Case studies from Kenya / UNRISD conference: Potential limits of social and solidarity economy. – Geneva, 2013. – 11 p.
37. Social and solidarity economy: Building a common understanding // *The reader 2010*. – Turin, 2010. – x p., 90 p.
38. Social and solidarity economy: Our common road towards decent work // *The reader 2011*. – Turin, 2011. – xx p., 158 p.
39. Stjernø S. Solidarity in Europe: The history of an idea. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2005. – 408 p.
40. Utting P. What is social and solidarity economy and why does it matter? – 1 May 2013. – Mode of access: <http://www.unrisd.org/unrisd/website/newsview.nsf/%28httpNews%29/B880F260D1BE1FB5C1257B5E002F6F65?OpenDocument>
41. Wengler J.C., Utting P. Social and solidarity economy: A new path to sustainable development (Beyond 2015, brief N 5) / UN Research institute for social development. – Geneva, 2014. – March. – 2 p.
42. Wilkinson J. Fair trade: Dynamic and dilemmas of a market oriented global social movement // *J. of consumer policy*. – 2007. – Vol. 30, N 3. – P. 219–239. – Mode of access: <http://link.springer.com/journal/10603/30/3/page/1>
43. World giving index 2010: A global view of giving trends. – Kings Hill: CAF, 2010. – 37 p.
44. World giving index 2013: A global view of giving trends. – Kings Hill: CAF, 2013. – 40 p.
45. Zeeland van A. Challenges for the sustainability of SSE: The interaction between popular economy, social movements and public policies / UNRISD conference: Potential limits of social and solidarity economy. – Geneva, 2013. – 17 p.

М.А. Положихина

КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

В соответствии с достигнутыми на Конференции в Рио-де-Жанейро в июле 1992 г. договоренностями были приняты Указ Президента РФ от 04.02.1994 № 236 «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» и Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», а также Национальный план действий по охране окружающей среды на 1999–2001 гг. (одобрен Правительством РФ 12.11.1998). Однако данные документы носили преимущественно декларативный характер [Незамайкин В.Н., 2005].

Изменение экономической динамики в стране после дефолта 1998 г. благоприятно повлияло на все стороны жизни общества и позволило приступить к практической реализации идей устойчивого развития. Были приняты Федеральный закон «Об охране окружающей среды» (от 10.01.2002 № 7-ФЗ), Экологическая доктрина Российской Федерации (одобрена распоряжением Правительства от 31.08.2002 г. № 1225-р) и ряд программных документов по отдельным направлениям. Начали осуществляться конкретные мероприятия, направленные на улучшение социальной и экологической ситуации в стране.

В 2005 г. Россия ратифицировала Протокол Киотской конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1997 г. Согласно этому документу, страна обязалась сохранить выбросы парниковых газов на уровне 1990 г. и участвовать в глобальной торговле правами на них [Garbuzova M., Madlener R., 2012]. В том же году представительство ПРООН¹ адаптировало к условиям

¹ Представительство ПРООН – Программы развития ООН – начало действовать в России в 1993 г. Помимо поддержки различных проектов им была органи-

России Цели развития тысячелетия (ЦРТ), принятые на Саммите тысячелетия ООН в 2000 г. На период до 2015 г. они включают: 1) сокращение бедности и ликвидацию голода; 2) обеспечение доступности образования; 3) обеспечение гендерного равенства и улучшение положения женщин; 4) снижение материнской смертности; 5) снижение смертности детей до пяти лет; 6) борьбу с ВИЧ/СПИДом, туберкулезом и другими заболеваниями; 7) обеспечение экологической устойчивости; 8) участие в глобальном сотрудничестве, отвечающее российским национальным интересам [Россия в 2015: Цели..., 2005].

Экономический рост начала 2000-х годов одновременно с активными действиями властей на всех уровнях способствовал решению ряда проблем в социально-экономической сфере и улучшению экологической ситуации в России [Цели развития тысячелетия..., 2010]. Разразившийся в 2008–2009 гг. мировой финансово-экономический кризис прервал поступательное развитие России, как и многих других стран мира. Экологическая проблематика вновь отошла на задний план.

В Программе антикризисных мер правительства РФ на 2009 г. ни слова не говорилось об инвестициях в возобновляемые источники энергии, улавливание парниковых газов при сжигании углеводородов на ТЭЦ или других мероприятий по «озеленению» экономики страны. Хотя, по мнению представителей экологических движений, у «зеленой» темы существует мощная экономическая составляющая [Жилина И.Ю., 2010, с. 112].

Внимание к концепции устойчивого развития в России снова повысилось в связи с подготовкой к Конференции ООН по окружающей среде и развитию, проходившей в Рио-де-Жанейро в июне 2012 г. (Рио+20). В 2011 г. было основано Национальное агентство устойчивого развития. В апреле 2012 г. утверждены Основы государственной политики в области экологического развития РФ на период до 2030 г. В соответствии с Указом Президента РФ от 10.08.2012 № 1157 2013 г. в России был объявлен Годом охраны окружающей среды, реализовывался утвержденный распоряжением Правительства РФ от 26.11.2012 № 2187-р План мероприятий по

зована подготовка и публикация с 1995 г. ежегодных докладов о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. В конце 2010 г. представительство ПРООН в России было преобразовано в Национальный офис по поддержке проектов ПРООН в связи с завершением Страновой программы на 2006–2008 гг. и обретением Российской Федерацией статуса страны – донора международной помощи.

его проведению. В 2014 г. принята Государственная программа РФ «Охрана окружающей среды на 2012–2020 годы» (постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 326).

Оценки эффективности факторов устойчивого развития

Уровень, который достигла страна в процессе движения к устойчивому развитию (табл. 1)¹.

Таблица 1

Оценка некоторых стран мира по методологии Индекса устойчивого развития в 2012 г.²

№ пп	Страна	Благополучие человека	Экологическое благополучие	Экономическое благополучие	Индекс устойчивого развития
1.	Россия	7,05	2,64	4,39	4,33
2.	Белоруссия	7,53	3,32	4,75	4,94
3.	Казахстан	7,16	2,34	3,66	3,98
4.	Бразилия	6,59	5,55	4,05	5,47
5.	Индия	5,12	4,75	3,03	4,37
6.	Китай	5,84	4,01	4,50	4,75
7.	Германия	8,97	3,36	5,80	5,56
8.	Франция	8,97	3,54	4,68	5,38
9.	Польша	8,50	3,37	6,11	5,54
10.	США	8,22	2,71	3,05	4,23
11.	Япония	9,12	3,37	3,39	4,90
12.	В среднем по миру	6,59	4,57	3,96	4,80

Основной вывод, который можно сделать из данных за 2012 г., это то, что ситуация в России хуже, чем в среднем по миру. В том числе она значительно отстает по уровню устойчивости общества

¹ Индекс устойчивости общества (The Sustainable Society Index – SSI) был разработан по инициативе нидерландских исследователей Г. ван де Керк (Geurt van de Kerk) и А. Мануэля (Arthur Manuel) под эгидой Фонда устойчивого общества (Sustainable Society Foundation – SSF) в 2006 г. В редакционный совет издания индекса входят представители ряда исследовательских центров и независимые международные эксперты, использующие в своей работе аналитические разработки и статистические данные международных организаций. Подробное описание методологии формирования индекса, источников данных для него приводится в публикации результатов очередного (раз в два года) сравнительного исследования, как и пересчет предыдущих оценок в соответствии с вносимыми изменениями [Рейтинг стран мира..., 2014].

² По данным Рейтинга стран мира..., 2014.

от европейских стран (как Западной Европы, так и Восточной). Примерно на одном уровне с ней находятся Индия и Китай (немного выше), а также США (немного ниже). Обгоняют Россию, например, Япония и Белоруссия, несколько превышая среднемировой уровень. Заметно отстает от нее Казахстан.

Сравнение рейтингов стран по Индексу устойчивости общества (и его составляющих) за 2006 и 2012 гг. позволяет выявить основную тенденцию в национальных процессах развития (табл. 2). Для России изменение рейтингов показывает ухудшение ситуации как в целом, так и по всем составляющим Индекса устойчивости общества. Причем в наибольшей степени снизилась оценка уровня благополучия человека.

Таблица 2

Рейтинги некоторых стран мира по Индексу устойчивости общества за 2006 и 2012 гг.¹

№ пп	Страна	Ранг по благополучию человека		Ранг по экологическому благополучию		Ранг по экономическому благополучию		Ранг по Индексу устойчивого развития	
		2006 г.	2012 г.	2006 г.	2012 г.	2006 г.	2012 г.	2006 г.	2012 г.
1.	Россия	41	59	124	128	44	52	96	106
2.	Белоруссия	55	45	89	109	31	38	49	70
3.	Казахстан	66	56	134	136	102	76	138	130
4.	Бразилия	76	77	50	45	83	62	46	32
5.	Индия	113	116	63	65	109	103	106	104
6.	Китай	109	98	72	80	47	50	80	82
7.	Германия	7	10	102	107	23	21	15	22
8.	Франция	17	11	88	98	28	41	14	37
9.	Польша	28	26	93	105	48	17	39	25
10.	США	31	32	126	125	45	102	93	116
11.	Япония	4	6	107	106	80	84	62	72

Одна из внутренних оценок реализации принципов устойчивого развития в России за период 1992–2010 гг. представлена в специальном докладе, подготовленном межведомственной группой экспертов к Рио+20 [Доклад о реализации принципов..., 2012]. Методологически документ опирается на ЦРТ, адаптированные к условиям России, и отражает достигнутый прогресс в их достижении. Общий вывод доклада – ситуация в России по достижению ЦРТ неоднородна. Отмечается прогресс, связанный с сокращением

¹ По данным Sustainable society index – 2012.

бедности, обеспечением доступности образования, снижением детской и материнской смертности, заболеваемостью туберкулезом, а также укреплении роли России как международного донора.

Так, в стране удалось ликвидировать экстремальную бедность: доля населения с доходом по паритету покупательной способности менее 1 долл. в день, составлявшая в 1993 г. 2,8%, к 2008 г. достигла 0. Уменьшилась численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. В 1992 г. их доля достигала 33,5% от общей численности населения страны, в 2010 г. – 12,6%. Если в 1992 г. коэффициент младенческой смертности (дети 0–1 года) составлял 21 на 1000 родившихся живыми, то в 2010 г. – 9. Коэффициент материнской смертности в 1995 г. достигал 72 на 100 000 родившихся живыми, в 2008 г. – 39. По сравнению с 2000 г. в 2010 г. численность зарегистрированных больных активным туберкулезом снизилась на треть – с 379,9 тыс. до 253,6 тыс. человек [Доклад о реализации принципов..., 2012, с. 10, 15, 17].

Более критично относятся к успехам России на пройденном пути экологические общественные организации. По их мнению, в подготовленном к Рио+20 правительственном докладе не отражен ряд серьезных проблем, существующих в стране, в том числе то, что значительно ухудшилось отечественное природоохранное законодательство, в стране нет полноценного института экологической экспертизы и до предела упрощены процедуры получения разрешения на строительство любых, даже опасных объектов. Государство фактически устранилось от управления и контроля за лесопользованием [Шевченко Д. Дмитрий Медведев на Рио+20..., 2012]. Нельзя не признать справедливость этих упреков. Вместе с тем следует отметить, что у российских государственных органов и экологических общественных организаций разные представления об устойчивом развитии.

Трансформация представлений об устойчивом развитии России

Конференции ООН 1992 г. в Рио-де-Жанейро проходила в благоприятных геополитических условиях: завершилось блоковое противостояние СССР–США, продолжался экономический рост развитых стран, позитивную социально-экономическую динамику демонстрировал ряд развивающихся стран и т.д. Все это порождало надежды, что разные страны в сотрудничестве друг с другом могут приступить к строительству нового мира, в котором хозяйственная

деятельность сбалансирована с окружающей средой, нет голода и нищеты. Однако реальность оказалась гораздо сложнее, чем думали создатели концепции устойчивого развития.

Во-первых, выяснилось, что *экономический рост не представляет собой постоянной тенденции*. Как показала история, социально-экономическое развитие носит неравномерный (все больше специалистов признают, что скорее циклический) характер, а рост чередуется с кризисами и рецессиями. Причем по мере повышения степени глобализации хозяйственной деятельности растет и зависимость стран от внешнего (позитивного или негативного) влияния. А так как решение экологических проблем требует значительных инвестиций, то прогресс в этом направлении возможен преимущественно в условиях экономического роста, хотя кризисы могут активизировать «озеленение» экономики. Но не следует пытаться ограничить социально-экономический рост экологическими требованиями – последние, скорее всего, не будут выполняться.

Во-вторых, *связи между деятельностью человека и состоянием природной среды не являются прямыми*. Далеко не все ученые согласны с тем, что наблюдаемое со второй половины XX в. потепление климата определяется ростом выбросов в атмосферу парниковых газов, получающихся в процессе хозяйствования.

Некоторые специалисты считают, что экономический рост вообще – явление достаточно случайное. Его стартовой точкой стал подъем общественного благополучия, вызванный потеплением климата на Земле. А периодические ухудшения климата вызывали деградацию цивилизации. Самые жестокие войны и общественные конфликты в человеческой истории связаны именно с ухудшением климатических условий для ведения хозяйственной деятельности [Зубец А.Н., 2014, с. 150–156].

Экономический рост и развитие цивилизации опираются на прорывные инновации, значительно повышающие производительность общественного труда. Однако сейчас целый ряд факторов тормозит развитие цивилизации. Более того, вполне вероятно, что миру грозит не потепление климата, а новое похолодание, которое подорвет ресурсную базу цивилизации. И нет никаких гарантий, что в будущем нас ждет дальнейший прогресс, а не длительный застой и деградация [Зубец А.Н., 2014].

Имеющиеся в настоящее время данные не позволяют сделать однозначного вывода о многовековой динамике климата: в истории Земли были как более теплые, так и более холодные периоды. Безусловно, для человечества похолодание климата гораздо опаснее, а

от потепления отдельные страны (в том числе Россия) могут даже выиграть. Например, по некоторым оценкам, производство зерна в стране может возрасти в 1,5–2,0 раза из-за сдвига на север границы сельскохозяйственных зон. А увеличение температуры на 2°C может принести отечественному сельскому хозяйству доход в 124–351 млрд долл. за счет повышения зимних температур и увеличения периода вегетации [Lioubimtseva E., Henebry Дж.М., 2012, p. 161].

В-третьих, распространение представлений о нестабильности природной и искусственной (социально-экономической) среды обитания человека привело к трансформации взглядов на *роль государства в экономике и, шире, в обществе*. В связи с этим возросла значимость регулирующей (стабилизирующей) функции государства. Как утверждают некоторые авторы, это отражает определенное направление общественного развития. Регулятивная политика государства меняется по следующей схеме: от классической защиты от опасностей (правовое государство) через заблаговременную подготовку к индивидуальным бедственным положениям (социальное государство) к преодолению ситуаций, представляющих опасность для большого круга лиц (превентивное государство) [Holzer B., May S., 2005].

Особое значение имеют разработка и координация долгосрочной экономической и экологической стратегий, в которых формулируются национальные ориентиры. Стратегии далее должны конкретизироваться в государственных программах, в которых определяются направления развития экологически приемлемых производств, предусматривается обеспечение их необходимыми научно-техническими разработками и кадрами, а также устанавливается экономический механизм, стимулирующий выполнение поставленных задач [Июдина Е., 2009, с. 97].

При этом свобода бизнеса проявляется через осознанную общественную необходимость учитывать экологический и социальный факторы. Совместная ответственность государства и бизнеса за ход общественного развития выражается в форме корпоративной социальной ответственности [Костин А.Е., 2013] и государственно-частного партнерства.

Новые данные и представления о развитии общества привели к изменению трактовки концепции устойчивого развития в России. Эта трансформация шла по следующим двум направлениям.

«Безопасностный» ракурс российской концепции устойчивого развития отражен в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года. В основе этого документа лежат представления о

взаимосвязи безопасности и устойчивого развития, а также об обеспечении национальной безопасности через приоритеты устойчивого развития [Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537]. По мнению сторонников данного подхода, на идее «безопасность через устойчивое развитие» может основываться национальная безопасность любой страны на всю обозримую перспективу [Урсул А.Д., 2014].

Другое направление изменения отечественного видения концепции устойчивого развития определялось *влиянием теории постиндустриального общества*. В рамках этого подхода акцентируется зависимость природоемкости экономики от стадии общественного развития. Считается, что наивысшая природоемкость характерна для стадии доиндустриального развития, тогда как постиндустриальная стадия может быть охарактеризована наименьшими значениями этого показателя [Незамайкин В.Н., 2005, с. 34].

Данной позиции близки взгляды экспертной группы под руководством В.А. Мау и Я.И. Кузьмина, разработавшей в 2011–2012 гг. «Стратегию-2020». Авторы видят задачу страны в выходе «на траекторию устойчивого и сбалансированного роста в целях модернизации и догоняющего развития, перехода к инновационной стадии экономического развития и создания соответствующей ей инфраструктуры постиндустриального общества» [Стратегия-2020., 2012, с. 3].

Оба подхода к концепции устойчивого развития в той или иной степени признаны в России на государственном уровне. Хотя они отличаются приоритетами, но скорее дополняют, чем противоречат друг другу. Первая – обеспечение национальной безопасности, включая предупреждение природных, техногенных и иных катастроф, а также минимизация ущерба от них. Вторая – переход к постиндустриальному обществу с высококонкурентной на мировом уровне экономикой. Общим же для них является то, что движение России по пути устойчивого развития понимается как достижение позитивных результатов в обществе и государстве, которые укрепляют национальную безопасность и способствуют поступательному развитию страны. Такая трактовка явно отличается от традиционного подхода к устойчивому развитию. Последний сконцентрирован преимущественно на вопросах рационального природопользования и охраны окружающей среды [Марфенин Н.Н., 2006].

Отечественными специалистами сделан также вывод о том, что переход к устойчивому развитию в каждой стране и в этой же стране в различное время может иметь *различные приоритеты* [Урсул А.Д., 2014].

Кроме того, становятся объяснимыми существующие противоречия позиций российских государственных органов и экологических общественных организаций в оценке результатов движения страны к устойчивому развитию. Как справедливо отмечается, вряд ли можно считать существенными успехи России в плане экологии и рационального природопользования или значительными шаги на пути преодоления сырьевой ориентации экономики в сторону желаемого инновационного развития. Именно с этой точки зрения многие ученые и эксперты (прежде всего экологи) оценивают движение страны к устойчивому развитию. Однако экологические проблемы, характерные и приоритетные для прогресса по пути устойчивого развития для развитых государств, не являются таковыми для России в настоящий период времени. Перед ней стоят другие стратегические цели

Нельзя не видеть, что отечественные экологические организации в значительной степени игнорируют социально-экономические факторы развития страны. А это прямо противоречит концепции устойчивого развития, предполагающей совместное решение социально-экономических и экологических проблем и поиск допустимых компромиссов. Наглядной иллюстрацией разрыва экологических и социально-экономических взглядов в России служит пример Байкальского ЦБК. В 2013 г. в результате многолетних протестов экологов предприятие было закрыто. По распоряжению правительства РФ на его территории будет создан экоцентр «Заповедники России». Но многие вопросы существования города Байкальска (возникшего и развивавшегося благодаря ЦБК, связанного с ним системами жизнеобеспечения) и занятости его жителей остаются нерешенными [Пяри А., 2013].

Кроме того, в практику отечественных экологических неправительственных общественных организаций (НПО) вошла постоянная «фронда» государственным органам. Общность позиций экологических организаций и правительственных чиновников других стран вызывает у российских представителей экологических НПО иронию и недоумение [Шевченко Д. Рио+20., 2012]. Хотя в этом, безусловно, во многом вина самих российских чиновников, неохотно и недостаточно работающих с общественными организациями. Например, начатый в 2010 г. (финансируемый с 2011 г.) и рассчитанный на три года проект очистки арктических островов от мусора (прежде всего от бочек с остатками горюче-смазочных

материалов)¹. В настоящее время его реализуют Русское географическое общество, Минприроды РФ, «Севморгео» и фонд полярных исследований «Полярный фонд» [Пусть Арктика..., 2012]. Но российское общество мало осведомлено об этой инициативе. А неправительственные экологические организации не спешат ее поддержать или к ней присоединиться.

Национальные приоритеты устойчивого развития

Независимо от того, какой точки зрения придерживаться на направление движения к устойчивому развитию, очевидна важность национальных приоритетов, сформулированных на государственном уровне в качестве долгосрочных ориентиров на этом пути. Такие приоритеты выдвигаются в целом ряде отечественных документов, включая и упоминавшиеся стратегии.

Например, в докладе, подготовленном к Рио+20, отмечается, что «в контексте “зеленой” экономики наряду с задачами модернизации для Российской Федерации актуальны вопросы ликвидации прошлого экологического ущерба, сокращения количества отходов и их утилизация, а также развитие экологического образования и просвещения, формирование экологической культуры в обществе, пропаганда “зеленого” курса» [Доклад о реализации принципов..., 2012, с. 66].

В докладе, подготовленном ПРООН в 2013 г., в качестве приоритетных с точки зрения устойчивого развития направлений для России рассматривается совершенствование систем образования и здравоохранения, проведение научных исследований. А ключевым элементом новой экономики признается повышение энергетической эффективности [Устойчивое развитие и вызовы..., 2013].

Представляется, что в настоящее время специфическим и актуальным для России является следующее.

Энергосбережение и повышение энергоэффективности экономики

Россия находится на третьем месте в мире по уровню потребления энергии после США и Китая. Но отечественное хозяйство очень расточительно. По оценкам Всемирного банка, в 2011 г.

¹ В рамках подпрограммы «Освоение и использование Арктики» Федеральной целевой программы «Мировой океан», утвержденной постановлением Правительства РФ от 10.08.1998 № 919 (ред. от 18.12.2012) // Собрание законодательства РФ. – М., 1998. – № 33. – Ст. 4024.

энергоемкость ВВП России (сравнимого по паритету покупательной способности – ППС) составляла более 0,32 тонн нефтяного эквивалента (тоне) на 1000 долл., тогда как США – около 0,17, а ЕЭС – 0,12 тоне/1000 долл.¹ Ежегодно может быть сэкономлено (по оценке 2008 г.) около 45% энергопотребления (от уровня 2005 г.), или 294 млн тоне [Устойчивое развитие и вызовы., 2013, с. 103, 105]. Согласно внутренним оценкам, энергоемкость ВВП России в 2,5 раза выше среднемирового уровня и в 2,5–3,5 раза выше, чем в развитых странах. Страна обладает одним из самых больших в мире технических потенциалов энергосбережения и повышения энергетической эффективности, который составляет более 40% от уровня потребления первичных энергоресурсов в 2007 г. (955,3 млн т условного топлива – тут). В абсолютных объемах этот потенциал составляет 403 млн. тут, а с учетом сокращения сжигания попутного газа в факелах – 420 млн тут² [Распоряжение Правительства РФ от., 2010].

Рост цен на энергоносители привел к тому, что начиная с 2008 г. политика энергетической эффективности в России переживает ренессанс. Появился Указ Президента РФ от 04.06.2008 № 889, впервые поставивший цель сокращения энергоемкости ВВП. Была также обновлена и продлена Энергетическая стратегия на период до 2030 г. (распоряжение Правительства РФ от 13.11.2008 № 1715-р) – действие прежней распространялось до 2020 г. (распоряжение Правительства РФ от 28.08.2003 № 1234-р). Далее был принят Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и повышении энергетической эффективности», который, в частности, постепенно запрещал оборот на территории страны ламп накаливания, используемых в целях освещения (с 01.01.2014 – полностью). На основе этого закона в дальнейшем было принято еще более 50 нормативных актов. В 2010 г. утверждена Государственная программа «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности на период до 2020 года». В 2013 г. она была пересмотрена и принята новая государственная программа «Энергоэффективность и развитие энергетики» (постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 321). Однако цель осталась прежней – снижение

¹ Тоне – тонна нефтяного эквивалента – принятая Международным энергетическим агентством (IEA) единица суммарного учета различных видов органического топлива. Соотношение с принятой в России единицей «условного топлива» составляет: 1 кг тут = 0,7 кг нэ, или 1 тут = 0,7 тоне.

² Что совпадает с данными Всемирного банка.

энергоёмкости российского ВВП на 13,5% к 2020 г. по сравнению с уровнем 2007 г.

Проведенные исследования показывают, что здания всего мира «потребляют» около 40% всей первичной энергии, 67 – всего электричества, 40 – всего сырья и 14 – всех запасов питьевой воды, а также производят 35% всех выбросов углекислого газа и чуть ли не половину всех твердых бытовых отходов. В связи с этим начали формироваться новые подходы к проектированию, производству и управлению, которые в итоге получили обобщенное название «зеленое строительство». Чтобы строительство можно было назвать «зеленым», должны соблюдаться определенные стандарты и нормы на каждом из его этапов. Для адекватной оценки соблюдения этих принципов были разработаны особые рыночные инструменты – добровольные системы сертификации зданий, которых в настоящий момент в мире насчитывается около десятка. Ряд из них является международными системами, например система BREEAM, разработанная британским институтом Bre Global, и система LEED, развиваемая Американским советом по экологическому строительству [Экологическое строительство..., 2012].

В России пока нет «зеленого строительства» в его современном понимании, хотя интенсивно закладываются правовые и технические основы для этого. Ряд крупных проектов к настоящему моменту уже прошел или проходит сертификацию по международным стандартам. Собственную работу по внедрению «зеленых стандартов» ведет Минприроды РФ. В начале 2010 г. Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии была зарегистрирована Система добровольной сертификации объектов недвижимости «зеленые стандарты», разработанная группой экспертов по заданию министерства.

Развитие и распространение «зеленых стандартов» значительно стимулируют строительство. От производителей и дилеров требуется существенно нарастить инновационную составляющую продукции – должны появиться новые «зеленые» технологии (иностранские, адаптированные и собственные разработки). Прогнозируется появление целой отрасли «экологических» строительных материалов. Однако это касается в большей степени нового строительства. А проблемы старого жилого фонда требуют других подходов [Интересные факты..., 2012].

Сегодня в стране реализуются различные проекты по повышению энергоэффективности, в том числе с участием западных партнеров. Например, запущено производство светодиодов на за-

воде в Санкт-Петербурге, построен крупнейший в мире завод по производству высокочастотных литий-ионных аккумуляторов для транспорта и энергетики в Новосибирске. Активно идет процесс замены неэффективных источников освещения, продажи энергоэффективных ламп выросли в десятки раз. Согласно опросу, проведенному в марте 2013 г., уже 73% россиян используют для освещения энергосберегающие лампы, хотя при этом только 7% правильно их утилизируют [Лишь 7% россиян..., 2014].

В результате как предпринятых действий, так и за счет структурных изменений в экономике энергоемкость российского ВВП в 2012 г. снизилась по сравнению с 2005 г. на 15,7% (планировалось его снижение на 24%). Причем за год снижение энергоемкости составило 3,1% [Башмаков Н.А., 2014]. В 2013 г. энергоемкость ВВП снизилась еще на 5% (вместо 4,7% по плану). Хотя предполагалось более значительное сокращение энергоемкости ВВП – на 12% в 2013 г. по сравнению с 2007 г., а получилось – на 8% [Минэнерго: В 2013..., 2013]. Но увеличение его темпов можно рассматривать как позитивную динамику.

Региональное развитие

В настоящее время субъекты Федерации участвуют в таких федеральных программах по тематике устойчивого развития, как: Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий Российской Федерации на 2014–2017 годы и на период до 2020 года (постановление Правительства РФ от 15.07.2013 № 598); План мероприятий по реализации в 2012–2015 годах Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (распоряжение Правительства РФ от 12.10.2012 № 1906-р) и т.д. Во многих субъектах действуют собственные региональные программы, включающие экологическую тематику (например, Стратегия развития Томской области до 2020 года).

Непосредственных правительственных (официальных) оценок результатов устойчивого развития регионов в России нет. В то же время существует множество общественных оценок развития регионов, которые можно считать анализом устойчивости их развития. Это рейтинги регионов по отдельным направлениям, входящим в понятие устойчивого развития, и ряд интегральных оценок. Например, Генеральный рейтинг привлекательности городской среды проживания (обитания) по итогам деятельности городов (за 2011–2012 гг.), разработанный Российским союзом инженеров, или Интегральный рейтинг ста крупнейших городов России (качество городской среды)

за 2010–2012 гг., разработанный Институтом территориального планирования «Урбаника» и Союзом архитекторов России.

В 2014 г. агентство SGM представило первый рейтинг устойчивого развития городов России. Было проанализировано состояние на 2012 г. 170 городов с численностью населения более 100 тыс. человек (на которые приходится 69% городского населения страны) по 32 показателям, относящимся к экономической, социальной и экологической сферам. Лидерами рейтинга стали города Красногорск, Москва, Новый Уренгой, Королев, Белгород, Мытищи, Балашиха, Екатеринбург, Калуга, Подольск. А аутсайдерами являются Махачкала, Новошахтинск, Артем, Сызрань, Орск, Хасавюрт, Ачинск, Орск, Невинномысск, Серов, Прокопьевск [Рейтинг устойчивого развития..., 2014].

Внешинополитические условия

В конце XX в. предполагалось, что национальное и глобальное движение к устойчивому развитию будет представлять собой путь международного консенсуса, партнерства и взаимовыгодных договоренностей. Но однополярность не принесла ожидаемой стабильности и безопасности. Количество международных конфликтов не уменьшается, а их острота усиливается. События 2014 г. на Украине вообще поставили цивилизацию на грань новой мировой войны.

В настоящее время отношения между Россией и западными странами ухудшились до уровня периода «холодной войны», усилились недоверие к России и русофобия. В опубликованных отрывках из беседы П. Кристи, исполнительного директора Института глобальных перспектив при Колумбийском университете, с редактором еженедельника «Европейский экономический вестник» (Бремен, Германия) говорится, что в настоящее время США преследуют исключительно свою собственную цель по сохранению мировой валютной системы, основанной на долларе. Главная задача событий на Украине – развести Европу с Россией настолько, чтобы европейцы полностью отказались от сотрудничества с Россией и переориентировали свою экономику на США. Разрыв Европы с Россией – непростой шаг, но сохранение status quo обернется более серьезными последствиями и для Европы, и для всего мира [Кубасов Ю., 2014]. Можно рассматривать высказывания П. Кристи как выражение только одной позиции – позиции «ястребов», влияние которых возросло в правительстве США.

Но даже менее эгоистичная и более взвешенная позиция ряда европейских и американских аналитиков состоит в том, что Россия –

это временный («ad hoc» – лат. «для конкретного случая») партнер, который следует определенным соглашениям и с которым сотрудничают по отдельным проблемам, лежащим в границах узкопрагматических интересов. Россию не считают стратегическим партнером ни ЕС, ни США, а все больше рассматривают как «помеху» – препятствие для реализации собственных целей. При этом сохраняется недоверие к ней из-за неуверенности относительно намерений, опасности непродуманных действий, возможности влияния на региональные конфликты и зависимости от способности страны поддерживать энергетическую инфраструктуру [Roberts S.P., 2013].

В свою очередь в России усиливается разочарование в США и европейских странах как в партнерах, обостряются противоречия с ними. Все это требует серьезного пересмотра концепции национальной безопасности. Чтобы противостоять возможным угрозам, стране нужны активная внешняя и информационная политики, а также поиск новых союзников на основе совпадения интересов, не только экономических, но и геополитических. Но главное для безопасного, мирного и устойчивого развития – это качественный рост и укрепление национальной экономики, расширение производств, ориентированных на удовлетворение потребностей внутреннего рынка.

Список литературы

1. Башмаков Н.А. За счет чего снижается ВВП России // АВОК. Некоммерческое партнерство инженеров: Библиотека научных статей. – М., 2014. – Режим доступа: http://www.abok.ru/for_spec/articles.php?nid=5718
2. Медведев Д.А. Выступление Председателя Правительства РФ Д.А. Медведева на Конференции ООН по устойчивому развитию 21 июня 2012 г., Рио-де-Жанейро / Институт устойчивого развития Общественной палаты РФ. – М., 2012. – Режим доступа: <http://www.sustainabledevelopment.ru/index.php?cnt=192>
3. Доклад о реализации принципов устойчивого развития в Российской Федерации. Российский взгляд на новую парадигму устойчивого развития: Подготовка к Рио+20. – М., 2012. – 81 с.
4. Жилина И.Ю. «Озеленение» экономики – путь выхода из кризиса? // Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отдел экономики; Ред. кол.: Макашева Н.А., гл. ред., и др. – М., 2010. – № 1: Россия в условиях мирового экономического кризиса / Ред.-сост. вып. Б.Г. Ивановский. – С. 104–122.

5. Зубец А.Н. Истоки и история экономического роста. – М.: Экономика, 2014. – 463 с.
6. Интересные факты об энергоэффективности в России и мире / Всероссийский конкурс энергоэффективных практик Энергиум-2012. – М., 2012. – Режим доступа: <http://www.energiumpurussia.ru/new/interesnye-fakty-ob-energoeffektivn/>
7. Итоги конференции Рио+20. Новые возможности // На пути к устойчивому развитию России (Бюллетень) / Институт устойчивого развития Общественной палаты РФ. – М., 2012. – № 61. – 96 с. – Режим доступа: http://www.ecopolicy.ru/upload/File/Bulletins/B_61.pdf
8. Июдина Е. Об экологически приемлемом развитии экономики // Общество и экономика. – М., 2009. – № 10. – С. 82–98.
9. Костин А.Е. Корпоративная ответственность и устойчивое развитие. Учебник / Институт устойчивого развития Общественной палаты РФ. Центр экологической политики. – М., 2013. – 80 с.
10. Кубасов Ю. Украинский капкан: Авторский материал // Живой журнал. – 2014. – Режим доступа: <http://grareporter.livejournal.com/1343418.html>
11. Лишь 7% россиян правильно утилизируют энергосберегающие лампы. Результаты исследования // Государственная информационная система в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности. Для населения. Справочно-информационный центр. Пропаганда и обучение. Вебинары. – М., 2014. – Режим доступа: <http://www.gisee.ru/articles/webinars/50333>
12. Марфенин Н.Н. Устойчивое развитие человечества: Учебник. – М.: МГУ, 2006. – 612 с.
13. Минэнерго: «В 2013 году энергоёмкость ВВП снизилась на 5%» // Сделано у нас. Блоги. – М., 2013. – Режим доступа: <http://www.sdelanounas.ru/blogs/48991>
14. Национальная оценка прогресса Российской Федерации при переходе к устойчивому развитию // Экология и жизнь. – М., 2002. – 46 с. – Режим доступа: <http://www.ecolife.ru/info/docum/WSUR.doc>
15. Незамайкин В.Н. Стратегия устойчивого развития Российской Федерации // Финансы и кредит. – М., 2005. – № 17 (185). – С. 31–35.
16. Пяри А. Байкальский ЦБК закрыт: Что дальше? // ПРОВЭД. Информационно-аналитическое издание. – М., 2013. – Режим доступа: <http://www.провэд.рф/economy/6783-baykalskiy-cellulozno-bumazniy-kombinat-zakryt-cto-dalshe.html>
17. Развитие рекреационно-ориентированного сектора экономики России / Амирханов М.М., Татаринов А.А., Трусов А.Д. и др.; Под науч. ред. Амирханова М.М.; Соч. н.-и. центр РАН. – Сочи, 2012. – 449 с.
18. Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2010 № 2446-р «Об утверждении государственной программы “Энергосбережение и повышение энергоэффективности на период до 2020 года”» // Собрание законодательства РФ. – М., 2011. – № 4. – Ст. 622.

19. Рейтинг стран мира по уровню устойчивости общества – информация об исследовании // Гуманитарные технологии и развитие человека. Экспертно-аналитический портал / Центр гуманитарных технологий. – М., 2014. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/sustainable-society-index/info>
20. Рейтинг устойчивого развития городов России 2012 / SGM rating agency. – М., 2014. – 35 с. – Режим доступа: <http://www.pf.agencysgm.com/projects/Rating-presentation.pdf>
21. Россия в 2015: Цели и приоритеты развития: Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ / ПРООН. – М., 2005. – 28 с. – Режим доступа: <http://www.undp.ru/index.php?iso=RU@lid=2@cmd=publications1@id=49>
22. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика: Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. – М., 2012. – 864 с. – Режим доступа: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf>
23. Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. – М., 2009. – № 20. – Ст. 2444.
24. Урсул А.Д. Обеспечение национальной безопасности через приоритеты устойчивого развития // NB: Национальная безопасность. – М., 2013. – С. 1–61. – Режим доступа: http://www.e-notabene.ru/nb/article_325.html
25. Устойчивое развитие и вызовы Рио: Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ / ПРООН. – М., 2013. – 204 с. – Режим доступа: <http://www.undp.ru/index.php?iso=RU@lid=2@cmd=publications1@id=49>
26. Цели развития тысячелетия в России: Взгляд в будущее: Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ / ПРООН. – М., 2010. – 156 с. – Режим доступа: <http://www.undp.ru/index.php?iso=RU@lid=2@cmd=publications1@id=49>
27. Шевченко Д. Рио+20: Альтернативное мнение общественных организаций // Bellona. – 20.06.2012. – Режим доступа: http://www.bellona.ru/articles_ru/article_2012/1340179840.52
28. Шевченко Д. Дмитрий Медведев на Рио+20: «Россия приблизилась к “целям тысячелетия”» // Bellona. – 23.06.2012. – Режим доступа: http://www.bellona.ru/articles_ru/article_2012/1340483345.84
29. Экологическое строительство в России / Национальное агентство устойчивого развития. – М., 2012. – Режим доступа: <http://www.green-agancy.ru/ekologicheskoe-stroitelstvo-v-rossii/>
30. Garbuzova M., Madlener R. Towards an efficient and low carbon economy post-2012: opportunities and barriers for foreign companies in the Russian energy market // Mitigation and adaptation strategies for global change. – 2012. – Vol. 17, N 4. – P. 387–413. – Mode of access: <http://springerlink.com/content/x52823311743j33>

31. Holzer B., May S. Herrschaft kraft Nichtwissen? Politische und rechtliche Folgeprobleme der Regulierung neuer Risiken // Soziale Welt. – Baden-Baden, 2005. – Bd. 56. – S. 317–335.
32. Lioubimtseva E., Henebry Дж.М. Grain production trends in Russia, Ukraine and Kazakhstan: New opportunities in an increasingly unstable world? // Frontiers of Earth Science. – 2012. – Vol. 6, N 2. – P. 157–166. – Mode of access: <http://www.springerlink.com/content/n425n273uu41u49>
33. Roberts S.P. Russia as an international actor. The view from Europe and the US // The Finnish institute of international affairs: Report. – Helsinki, 18.06.2013. – N 37. – 70 p. – Mode of access: http://www.fia.fi/en/publication/344/russia_as_an_international_actor/
34. Sustainable society index – 2008 / Sustainable society foundation. – Hague, 2008. – 105 p. – Mode of access: <http://www.ssfindex.com/cms/wp-content/uploads/pdf/ssi-2008.pdf>
35. Sustainable society index – 2012 / Sustainable society foundation. – Hague, 2012. – 109 p. – Mode of access: <http://www.ssfindex.com/cms/wp-content/uploads/pdf/ssi2012.pdf>
36. The Netherlands, a sustainable society? The index for a sustainable society / Sustainable society foundation. – Hague, 2006. – 62 p. – Mode of access: <http://www.ssfindex.com/cms/wp-content/uploads/pdf/ul-duurzaam-en.pdf>

С.С. Костяев

ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АМЕРИКАНСКОЙ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

США находятся на начальной стадии кардинальных изменений в структуре своего населения. С 1950 по 2030 г. доля людей старше 65 лет увеличится с 8 до 20% [Lee R., 2014, p. 234]. Все это не может не повлиять на долгосрочные тенденции развития страны: более низкие темпы роста потребления, нехватка рабочей силы. Старение населения в США вызвано снижением рождаемости, последовавшей за поколением бэби-бумеров и ростом продолжительности жизни. В данном обзоре сначала рассматриваются общие проблемы, являющиеся угрозами устойчивому развитию американской системы здравоохранения, далее подробно описываются текущие тенденции и особенности функционирования сферы медицинских услуг США.

Старение населения как угроза устойчивому развитию

Математическое моделирование маркоэкономических последствий старения населения осложняется тем фактом, что довольно сложно предсказывать политику государства, равно как и индивидуальное поведение как реакцию на него. Важно отметить, что вышеуказанные демографические изменения представляют бóльшую проблему для государства, чем для экономики, так как потребуют значительно больших изменений в государственных финансах, чем корректировок в уровне потребления в экономике в целом.

Повышение продолжительности жизни в США коснулось не только людей старшего поколения, но и основной массив рабочей силы в возрасте от 20 до 65 лет. По разным оценкам, продолжительность жизни в США к 2050 г. увеличится до 82–84 лет. С 1950 по

2050 г. доля жизни, проведенная на пенсии, увеличится с 15 до 24%. Естественным ответом на увеличение продолжительности жизни могло бы стать продление трудоспособного возраста. Однако старение населения также вызвано снижением рождаемости и несбалансированностью доли разных групп населения, что осложняет решение проблемы.

В последние десятилетия рождаемость в США колебалась в пределах 2,0 и 2,1 ребенка на женщину, что близко к коэффициенту замещения, обеспечивающему воспроизводство текущей численности населения. Вместе с тем из-за рецессии 2008 г. она сократилась до 1,9. Большинство развитых стран имеют существенно более низкий уровень рождаемости – около 1,4 или 1,5 ребенка. С 1980 по 2040 г. средний возраст рабочей силы возрастет с 35 до 42 лет. С 2010 по 2050 г. доля людей самого активного возраста (25–54) сократится с 66 до 61% рабочей силы. С 1990 по 2050 г. доля работников 55+ увеличится с 12 до 27%. С 2010 по 2050 г. коэффициент зависимости от пожилого возраста (old age dependency ratio), соотношение людей старше 65 к когорте 20–64-летних вырастет с 0,22 до 0,39. В прошлом увеличение доли пожилых людей в структуре населения сопровождалось резким ростом потребления этой группы населения при сопоставлении с более молодыми людьми. С 1960 по 2007 г. коэффициент потребления практически удвоился, увеличивая тем самым стоимость такого явления, как старение населения [Lee R., 2014, p. 234].

По подсчетам Л. Шейнера, необходимо увеличить долю работающего населения на 11% в течение ближайших 30 лет, чтобы сохранить текущий уровень потребления в США. При этом американский экономист признает невысокую вероятность реализации этого сценария развития событий. Так, коэффициент участия в рабочей силе среди пожилых людей в последние годы несколько увеличился, тогда как у людей работоспособного возраста он остался неизменным. Иными словами, пожилые люди откладывают выход на пенсию, тогда как число работников среднего возраста остается стабильным. Для поддержания текущего уровня потребления необходимо увеличение коэффициента рождаемости на 0,5 ребенка ежегодно или нужно обеспечить чистый приток иммигрантов в один миллион человек каждый год.

С 1950 по 2010 г. коэффициент участия в рабочей силе мужчин в возрасте от 25 до 54 лет постепенно снижался, тогда как женщин – повышался, что вызвано постепенным движением к

эмансипации женщин во всех сферах жизни, включая рынок труда [Sheiner L., 2014, p. 218].

Хотя население и рабочая сила будут стареть, учитывая, что состояние здоровья имеет тенденцию ухудшаться с возрастом, тем не менее в течение следующих 40 лет способность населения в возрасте 20–74 лет работать (*capacity to work*) сократится лишь с 91 до 89%, полагает Р. Ли [Lee R., 2014, p. 234]. По его мнению, имеются значительные резервы увеличения предложения на рынке труда со стороны пожилых людей.

Организация пенсионной системы имеет определяющее влияние на поведение пожилых людей и их решение о выходе на пенсию. В США как социальное страхование, так и частные пенсионные планы фиксированных выплат (*private defined benefit plans*) стимулируют работников к раннему выходу на пенсию. Дело в том, что после 35 лет трудовой деятельности продолжение внесения систематических взносов в ту или иную пенсионную программу оказывает небольшое влияние на размер пенсии. Переход частных структур от системы фиксированных выплат к системе фиксированных платежей снижает подобные стимулы, хотя они, по-прежнему, сохраняются для государственной системы социального страхования.

По оценкам экономистов, снижение занятости пожилых людей не создает новые вакансии для молодежи, и, наоборот, повышение занятости людей старшего возраста не сокращает возможности трудоустройства молодых специалистов. Для продолжения занятости пожилых людей необходимо вводить для них специальный гибкий график и сокращенный рабочий день, что позволит перейти к «постепенному выходу на пенсию» (*gradual retirement*). Также следует вводить программы дополнительного образования и повышения квалификации, хотя, отмечает Р. Ли, степень эффективности последней меры пока не оценена статистически.

В отношении воздействия старения населения на такой показатель, как производительность труда, американские экономисты отмечают, что в 2010–2030 гг. статистически значимого влияния не ожидается. Анализ инновационного и технологического секторов показал, что по таким параметрам, как количество патентов и нобелевских премий, самым продуктивным считается возраст в 39 лет. Вместе с тем возраст имеет значение как индивидуальный показатель инноваций, каких-либо общих закономерностей выявить не удалось. Имеется, правда, опасение, что «постепенный выход на пенсию» в такой сфере, как наука, ограничивает доступ к ресурсам для молодых ученых, что может послужить препятствием к инно-

ваниям. Вместе с тем старение населения в целом не скажется на производительности труда в экономике США.

Влияние старения населения на национальную норму сбережения неоднозначно. Она может понижаться в общественном секторе в связи с ростом дефицита федерального бюджета. С другой стороны, люди, отдавая себе отчет в том, что их продолжительность жизни увеличивается, а государство испытывает сложности с финансированием перераспределительных социальных программ, могут увеличить индивидуальную норму сбережений. Другой вопрос, насколько индивидуальные и семейные сбережения будут адекватны потребностям людей при выходе на пенсию в контексте государственных и частных пенсионных и медицинских программ. Исследования, сделанные по разным методикам, показывают, что число американцев, не имеющих необходимых для выхода на пенсию сбережений, составляет от 20 до 60%. Столь существенный разброс показателей вызван разными мерками «адекватности» пенсионных накоплений [Lee R., 2014, p. 236].

Множество различных механизмов может быть задействовано для увеличения безопасности выхода на пенсию (*retirement security*). Одним шагом может стать увеличение доступа людей к корпоративным пенсионным программам. Другой механизм – стимуляция более позднего выхода на пенсию, которая может подготовить людей к более короткому пенсионному периоду. Развитие программ «обратной ипотеки» может стать механизмом, дающим людям доступ к важному ресурсу денежных средств. Повышение финансовой грамотности населения крайне важно в условиях старения американцев как нации. Но ключевым механизмом должно стать, безусловно, устойчивое развитие частных и государственных пенсионных и медицинских программ.

Доходность по капиталовложениям становится все более важной для пенсионеров, особенно в условиях, когда пенсионные планы фиксированных выплат (*defined benefits plans*) изживают свой век. Вызовет ли массовый выход на пенсию поколения бэби-бумеров коллапс цен на рынке акций и доходности от ценных бумаг? Во-первых, важно понимать, что рынок капитала носит глобальный характер и такой локальный феномен, как изменение структуры населения в США, не играет кардинальной роли. Вместе с тем население мира в целом тоже стареет. Разные скорости старения населения могут привести к перетоку капитала из «старых» стран в более «молодые». Старение населения в США, скорее всего, вызовет увеличение капитала на душу населения и на каждого работ-

ника. Общая капитализация увеличивается по мере «взросления» главы домохозяйства. Старение население также увеличивает нагрузку на федеральный бюджет, так как возрастает потребность в финансировании пенсионных, медицинских и прочих программ. Эти две противоположные тенденции: увеличение индивидуальной капитализации и возможность роста дефицита бюджета и как следствие государственного долга – не позволяют точно предсказать последствия старения населения для капитализации страны в целом. Математические модели последствий старения населения на доходность капитала показывают возможное ее снижение от 0,3 до 1% в ближайшие десятилетия.

Макроэкономическая адаптация к старению населения требует определенную комбинацию более низкого потребления (через увеличение сбережений и/или повышение налогов) и увеличения предложения на рынке труда, возможно, через более поздний выход на пенсию и/или привлечение трудовых мигрантов. Потребление среди пожилых людей обеспечивается во многом за счет государства. Более того, государство будет определять, какая группа населения понесет бремя ответственности за стареющее население. Например, экономия денежных средств может быть достигнута как через сокращение пенсий, так и через повышение налогов на еще работающих граждан. Это будет иметь различные последствия для работающих и пенсионеров, молодых и более зрелых людей трудоспособного возраста. Аналогичным образом одни и те же меры фискальной политики могут иметь различные последствия для работников с разным уровнем образования, принадлежащих к одному и тому же поколению.

Проблемы американской системы здравоохранения

Большинство экономистов полагают, что основную угрозу финансовой стабильности США несут государственные программы здравоохранения, хотя точных прогнозов роста их стоимости не существует. Оценки разнятся в зависимости от идеологических и политических пристрастий экономистов, которые выбирают ту или иную методологию расчета, с тем чтобы подогнать ее под нужные выводы. Так, представители либерального крыла из демократической партии считают, что рост государственных затрат на здравоохранение не представляет кардинальной угрозы, консервативные аналитики, поддерживающие республиканскую партию, говорят о грядущей фискальной катастрофе.

Некоторое снижение стоимости медицинских услуг может снизить остроту бюджетной проблемы. Возможно, определенную роль в этом сыграли общий экономический спад 2008 г., или реформа здравоохранения Б. Обамы, или увеличение количества медицинских страховок, дизайн которых предусматривает высокие «расходы из кармана». Официальные прогнозы изменения расходов на медицину отражают эту неопределенность.

Старение населения будет происходить в обозримом будущем. Особенно интенсивно оно ожидается в ближайшие три десятилетия, затем процесс замедлится вследствие снижения смертности, полагает Р. Ли [Lee R., 2014, p. 238]. Если государство решит сгладить этот процесс и его последствия среди разных поколений, то придется аккумулировать значительный объем дополнительных средств для обеспечения затрат на пожилых людей. Цена вопроса зависит от скорости принятия решения. Если бы решение о создании дополнительного резерва средств было бы принято в 2012 г., то на это ушло бы от 1,1 до 4,8% ВВП ежегодно. Если же эти меры отложить, скажем, до 2032 г., то речь пойдет о 2,2–7,7% ВВП каждый год [Lee R., 2014, p. 238].

Причины, объясняющие расхождение в ожидаемой продолжительности жизни различных групп населения, таковы: курение, диета, физические упражнения, стресс, управление хроническими заболеваниями, доступ к медицинским услугам. Продолжительность жизни после выхода на пенсию в возрасте 65 лет у когорты мужчин, родившихся в 1960 г. и относящихся к нижним 25% по доходам, составит 15,2 года, у лиц же в верхней четверти по доходам – 20,7 года, таким образом, разрыв в продолжительности жизни бедных и богатых составляет 5,5 года. Что касается женщин 1960 г. рождения, то 25% самых бедных из них проживут в среднем еще 19,9 года после выхода на пенсию, а самые обеспеченные – 23,5 года, итого имеем разрыв в 3,6 года [Goldman D., Orszag P., 2014, p. 231].

Теперь несколько слов об увеличении финансовой нагрузки на Фонд социального страхования, вызванном ростом продолжительности жизни. Выплаты из фонда на двух среднестатистических пенсионеров мужского пола, родившихся в 1928 и 1990 гг. и относящихся к нижним 25% в иерархии доходов, составят 78 тыс. и 96 тыс. долл., а выплаты на лиц из верхней четверти шкалы доходов составят 183 тыс. и 241 тыс. долл. соответственно [Goldman D., Orszag P., 2014, p. 232].

Стоимость медицинского обслуживания по программе «Медикэр» также увеличивается. В среднем федеральный бюджет тратит

на лечение одного пенсионера мужского пола 1928 г. рождения, относящегося к нижним 25% лиц по шкале доходов, 133 тыс. долл. за «период дожития», в случае если он относится к верхним 25% самых обеспеченных, то затраты составляют 134 тыс. долл. В будущем траты «Медикэр» на одного пенсионера мужского пола 1990 г. рождения составят 267 тыс. долл., если он относится к числу малообеспеченных, и 292 тыс. – состоятельных граждан. Как видим, в связи с увеличением продолжительности жизни и, соответственно, «периода дожития» потребуется значительно больше средств на лечение одного пенсионера [Goldman D., Orszag P., 2014, p. 233].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что изменение показателей смертности в зависимости от уровня доходов и образования может иметь влияние на степень прогрессивности системы социального страхования и медицинского обслуживания. В будущем эти тренды могут иметь существенное влияние на общую стоимость реализации социальных программ, поскольку уровень выплат выше в абсолютном выражении для лиц в верхней четверти шкалы доходов, чем в нижней. Политики и исследователи должны уделять больше внимания этой проблеме, подчеркивают Д. Голдман и П. Орзаг.

Старение населения имеет разные последствия: одно дело, если пожилые люди активны и независимы, другое – если они испытывают проблемы со здоровьем и нуждаются в дорогостоящем уходе. Увеличенная продолжительность жизни материализуется разным способом в зависимости от качества этих дополнительных лет. Действительно, необходимость в уходе увеличивается с возрастом, вместе с тем качество жизни американских пенсионеров резко возросло в 1980–1990-е годы. Состояние здоровья индивида связано с его уровнем образования, так, его повышение среди последней когорты пожилых людей привело к резкому улучшению субъективных и объективных параметров здоровья. Появились такие выражения, как «70 лет – это новые 60». И действительно, отчеты о состоянии здоровья 60-летних мужчин в 1970-е годы соответствуют показателям 69-летних в 2000-е. Правда, на рубеже веков эта позитивная тенденция остановилась. Кроме того, отдельные ученые выявили массовое ухудшение состояния здоровья когорты 40–64-летних, вызванное ожирением и диабетом. Эти тенденции вызывают опасение специалистов, особенно на фоне быстрого старения населения США. Американские экономисты сделали прогноз способности населения «поставлять» рабочую силу для экономики до 2050 г. Учитывались такие факторы, как изменения возрастного

состава, долей различных расовых и этнических групп, уровень образования населения, состояние его здоровья, особенно в отношении таких заболеваний, как ожирение, рак, сердечно-сосудистые болезни, инсульт и т.д. В результате ученые пришли к выводу, что в течение 2010–2050 гг. доля лиц в возрасте от 20 до 74 лет, которые гипотетически могли бы составить основную массу рабочей силы, не изменится позитивным образом. Чудес не ожидается, и население в целом будет стареть.

В октябре 2013 г. началась регистрация людей в рамках специального регулируемого государством рынка медицинского страхования, параметры которого были заложены законом 2010 г. «О защите пациентов и доступном медицинском обслуживании», одним из основных достижений администрации Б. Обамы. Вопреки пессимистическим прогнозам и проблемам в начале реализации реформы здравоохранения с 1 октября 2013 г. по 31 марта 2014 г. более 8 млн человек зарегистрировались для приобретения полисов медицинского страхования в рамках специального регулируемого государством рынка. Смысл этого механизма в том, чтобы люди, недостаточно бедные для «Медикейд» и недостаточно старые для «Медикэр», могли приобрести полисы медицинского страхования с помощью специальных государственных субсидий. При этом 2,7 млн человек (34%) от общего числа были людьми младше 34 лет. Данный показатель крайне важен, так как низкое число молодых и здоровых людей могло бы привести к повышению страховых взносов к следующему периоду регистрации (октябрь 2014 – март 2015 г.).

При этом число людей, которые не только выбрали соответствующий план медицинского страхования, но и оплатили его, пока неизвестно. Ожидается, что эта информация появится в 2015 г. По предварительным оценкам, от 80 до 90% людей сделали первый взнос по своим страховым программам. Например, «Blue Cross Blue Shield Association» заявила, что от 80 до 85% страхователей сделали первый взнос по своим полисам, страховая компания «Wellpoint» объявила о 90% таких людей среди своих клиентов, об аналогичных показателях заявили и страховые гиганты «Aetna», «Health Care Services Corporation» [Health insurance marketplace..., 2014, p. 6].

Важно отметить, что наблюдается общий рост американского рынка страхования. По оценкам БУК, более 5 млн жителей США купили медицинские полисы вне специальной дотируемой государством схемы. В результате отмечается сокращение числа незастра-

хованных американцев. Так, по данным «Gallup» и «Urban Institute», с конца 2013 по март 2014 г. доля людей без медицинского полиса в возрасте от 18 до 64 лет сократилась с 18 до 15%. «RAND Corporation» даже объявила о 4,7% сокращения за тот же период [Health insurance marketplace., 2014, p. 7].

Несколько дополнительных фактов о людях, зарегистрировавшихся для покупки субсидируемых государством полисов медицинского страхования: 46% составили мужчины, 54% – женщины. По категории плана: «бронзовую» страховку, предоставляющую минимальный набор услуг, выбрали 20% американцев, «серебряную» – 65, «золотую» – 9, «платиновую», обеспечивающую весь спектр медицинских услуг, купили лишь 5% жителей США, «катастрофический» план медицинского страхования, покрывающий расходы лишь в крайних ситуациях, выбрали 2% людей. Финансовой помощью государства воспользовались 85% лиц, зарегистрировавшихся для приобретения медицинского полиса в рамках регулируемого рынка [Health insurance marketplace., 2014]. Условием получения помощи от государства в оплате полиса является доход от 100 до 400% федерального уровня бедности. Лица с доходом ниже уровня бедности имеют право на медицинскую помощь в рамках «Медикейд», специальной программы для малообеспеченных американцев. Люди, чей доход в четыре раза превышает федеральный уровень бедности, могут позволить себе купить медицинский полис самостоятельно.

В 2014 г. федеральный уровень бедности на одного человека составлял 11 тыс. долл. в год, на семью из двух человек – 15 тыс. долл., трех – 19 тыс. долл., четырех – 23 тыс. долл. и т.д. В отношении влияния финансовой помощи на категорию медицинского полиса можно отметить следующее: лица, не имевшие право на содействие государства в покрытии расходов на медицинское страхование, с большей вероятностью выбирали «бронзовые», «золотые», «платиновые» и «катастрофические» страховки, тогда как те, кто оказался в рамках установленного государством промежутка доходов и имел право на финансовую помощь, с большей вероятностью выбирали «серебряные» планы. Данное обстоятельство вполне объяснимо. «Бронзу» и «катастрофические» планы люди выбирали от безысходности, тогда как более состоятельные могли позволить более дорогие по ежемесячным платежам «золотые» и «платиновые» страховки.

Анализ лекарственной составляющей в медицинских страховках, продаваемых в рамках регулируемого государством рынка,

показал следующее. Во-первых, стандартная корпоративная страховка от работодателя имеет более выгодные условия, чем «серебряные» полисы, которые выбрало большинство людей. Размер расходов «из кармана» в рамках «серебряного» плана медицинского страхования в среднем на 38% выше (до выплат государственных субсидий), чем в корпоративной программе. Во-вторых, в 46% «серебряных» планов имеется существенная сумма «расходов из кармана» (суммы, которую пациент должен заплатить за свое лечение до того, как к его оплате подключится страховая компания), тогда как такую схему используют лишь 12% корпоративных медицинских страховок. В-третьих, размер «расходов из кармана» на лекарственное обеспечение в среднем на 130% выше в «серебряном» плане, чем в корпоративной страховке [Gaal M., 2014, p. 1].

Исторически медицинская и лекарственная составляющие корпоративных медицинских страховок имели разные принципы функционирования, однако с распространением страховок со значительными «расходами из кармана» произошла унификация обоих компонентов страхования здоровья на основе единой системы правил и норм. Подавляющее большинство корпоративных страховок (88%) не имеют одной фиксированной суммы «расходов из кармана» для медицинской и лекарственной составляющих, тогда как 46% «серебряных» планов используют этот механизм. Из этих 88% более 90% страховых планов предлагают оплату затрат на лекарства «с первого доллара» (first dollar coverage) [Gaal M., 2014, p. 1]. Эти данные свидетельствуют, что в среднем корпоративная страховка от работодателя предлагает более выгодные условия, чем «серебряный» план, покупка которого субсидируется государством. При этом нужно отдавать себе отчет в том, что многие компании не страховали здоровье своих сотрудников до реформы 2010 г. Отныне все предприятия с численностью работников более 50 человек обязаны предоставлять своему штатному персоналу медицинское страхование.

Более подробное разделение людей, купивших медицинские полисы за период с 1 октября 2013 г. по 31 марта 2014 г., выглядит следующим образом: лица до 18 лет составили 6% от общего числа, когорты 18–25-летних – 11, 26–34-летних – 17, 35–44-летних – 17, 45–54-летних – 23, 55–64-летних – 25% [Health insurance marketplace., 2014, p. 12].

Расовый состав людей, получивших доступ к здравоохранению через федеральный интернет-портал [The official site of the Health Insurance Marketplace. – Mode of access: <https://www.healthcare.gov/>],

выглядит следующим образом: белые – 43%, афроамериканцы – 11, латиносы – 7, азиаты – 5% [Health insurance marketplace., 2014, p. 27]. При этом следует отметить, что 31% лиц не указали свою расовую принадлежность.

Реформа Барака Обамы была попыткой изменить положение этих категорий населения. По переписи населения 2010 г., в США проживали 72% белых, 16 – латиносов, 12 – афроамериканцев, 4% – азиатов и др. Как видим, афроамериканцы и азиаты пропорционально представлены среди лиц, зарегистрировавшихся для приобретения полиса медицинского страхования, тогда как латиносы или испаноязычные не воспользовались в полной мере предоставленными возможностями.

Расовое распределение по штатам крайне неоднородно. Так, белые составляют большинство практически везде, правда, с существенными вариациями – от 95% в штате Мэн до 33% в Миссисипи, латиносы наиболее широко представлены в южных штатах: Техасе – 33%, Нью-Мексико – 31, Аризоне – 24, Флориде – 19%, афроамериканцы наибольшую долю занимают в Миссисипи – 59%, Джорджии – 38, Луизиане – 37, Алабаме – 29%, наиболее высокая концентрация азиатов отмечается в Вирджинии – 17%, Нью-Джерси – 16, Джорджии – 14% [Health insurance marketplace., 2014, p. 31].

Ожидается, что с течением времени новая программа субсидирования медицинского страхования Министерства здравоохранения и социальной защиты США станет все более популярной среди населения, включая этнические меньшинства, которые традиционно испытывают трудности с доступом к медицинской помощи. Из 5,45 млн человек, которые зарегистрировались для покупки полиса медицинского страхования через ранее указанный федеральный интернет-портал, 5,18 млн подали заявление на получение финансовой помощи от государства в оплате ежемесячных страховых взносов. Из этих 5,18 млн 695 тыс. (13%) отметили, что ранее имели тот или иной вид медицинского страхования. Полная информация по числу впервые застрахованных в штатах, которые самостоятельно администрировали свой рынок медицинского страхования, пока недоступна. Первичные данные из штатов Нью-Йорк и Кентукки свидетельствуют о том, что от 25 до 30% людей, обратившихся на региональные интернет-порталы, ранее имели полисы медицинского страхования [Health insurance marketplace., 2014, p. 37].

Закон 2010 г. «О защите пациентов и доступном медицинском обслуживании» позволяет подступиться к решению вышеуказанной проблемы. Например, этот закон учредил организации

ответственного ухода (accountable care organizations) для контроля над ценами в программе «Медикэр», предоставляющей медицинские услуги пенсионерам. Эти организации представляют собой группы сетевых больниц, система оплаты труда в которых стимулирует врачей к контролю над расходами. Предыдущая система оплаты за услуги (fee for service) в программе «Медикэр» продолжает функционировать, однако организации ответственного ухода имеют финансовые стимулы к экономии и могут получать дополнительные выплаты за качество оказываемых услуг. Опыт организаций ответственного ухода «Медикэр» оказался столь позитивным, что стали появляться аналогичные структуры вне рамок государства, на основе инициативы частного бизнеса. В статье К. Хо и А. Пейкса рассматриваются стимулы, выработанные «частными» организациями ответственного ухода в отношении своих врачей, с тем чтобы побудить их экономить денежные средства.

Для своего исследования американские экономисты выбрали пациентов, застрахованных в коммерческих страховых компаниях через организации поддержки здоровья – ОПЗ (health maintenance organizations). Эти организации были введены законом 1973 г. «Об организациях поддержки здоровья». Они служат своего рода посредниками между индивидами и медицинскими учреждениями. Врачи обслуживают пациентов в соответствии с регламентами организации поддержки здоровья за фиксированную плату, в обмен они получают стабильный поток больных и устойчивый доход. Во многих случаях организации поддержки здоровья требуют от своих клиентов выбрать «семейного врача», который служит исходной точкой при оказании медицинских услуг и при необходимости направляет к узким специалистам и на госпитализацию в случае диагностирования серьезного заболевания. При направлении к другим врачам используются регламенты и процедуры организации поддержки здоровья. ОПЗ также занимаются мониторингом деятельности врачей первичного звена, отслеживают качество их работы, обслуживают ли они большее или меньшее количество пациентов, чем другие, и т.д. Зачастую ОПЗ предоставляют услуги профилактической медицины, такие как вакцинация, проведение маммографий и т.д., на более выгодных условиях, чем традиционные методы (корпоративное страхование, государственные программы «Медикэр» и «Медикейд»). Необязательные процедуры, такие как пластическая хирургия, практически никогда не входят в перечень услуг ОПЗ. Еще одной специфической чертой ОПЗ является предоставление услуг по «управлению хроническими заболе-

ваниями», такими как диабет, астма и др. В этих случаях пациенту назначается «кейс менеджер» (case manager), который отслеживает, чтобы лечение больного проходило непрерывно при смене врачей или обращении в другую клинику. Такая проблема, как назначение двумя разными узкими специалистами несовместимых лекарств, полностью исключается у пациентов, обслуживающихся через ОПЗ.

При принятии решения о направлении на госпитализацию учитываются три фактора: цена медицинских услуг, их качество, близость больницы к пациенту. Для достижения максимальной экономии денежных средств порой приходится жертвовать удобствами больного и направлять его в отдаленное медицинское учреждение. Когда ряд учреждений Калифорнии приняли на вооружение новую модель, то получилось, что среднестатистическое расстояние до больницы увеличилось от 2,5 до 6 миль, при этом стоимость медицинских услуг понизилась на 4,5–5,5%, что в абсолютном выражении составило 3,6 тыс. долл. [Ho K., Pakes A., 2014, p. 203]. Таким образом, введение потолка расходов приводит к существенной экономии средств на одного больного, при этом, безусловно, снижается удобство при доставке, так как приходится направлять пациентов в более отдаленные госпитали, вместе с тем качество предоставляемой медицинской помощи не снижается.

К. Хо и А. Пейкс признают, что в их исследовании заложены определенные ограничения, влияющие на степень обоснованности выводов. Для анализа отобраны пациенты с таким диагнозом, как беременность. Направление на госпитализацию с другими медицинскими потребностями может быть в меньшей степени подвержено финансовым стимулам, на первый план могут выходить такие факторы, как наличие того или иного узкого специалиста в больнице. Еще одна проблема заключается в том, что по состоянию на январь 2013 г. 50% организаций ответственного ухода функционировали только на основе «семейных врачей» и не имели в своей структуре стационарных медицинских учреждений. Если же организация ответственного ухода имеет свою сеть больниц, то терапевты, скорее всего, будут направлять своих пациентов в учреждения своей системы, что может негативно сказаться на усилиях по контролю за инфляцией цен на медицинские услуги.

В заключение отметим, что в долгосрочной перспективе старение населения будет связано с сокращением уровня потребления и интенсификацией труда. Однако определение эффектов старения населения в течение ближайших десятилетий будет зависеть от состояния фискальной политики государства. При резком росте

дефицита бюджета, фактически откладывающего снижение потребления, капиталовооруженность как отношение всего капитала в стране к количеству рабочей силы будет сокращаться. Старение населения представляет серьезную угрозу, которая, впрочем, может быть обойдена. Более того, масштаб проблемы в США значительно меньше, чем в других развитых странах, например в ФРГ. В арсенале политиков имеется большой набор различных мер государственного управления, которые могут увеличить предложение на рынке труда и стимулировать частные сбережения. В то же время нужно учитывать, какие возрастные группы, поколения будут нести основное бремя реализации новых мер государственной политики. Откладывание назревших решений лишь увеличит их стоимость впоследствии. Подводя итог, можно высказать несколько предварительных соображений. Во-первых, итоговые показатели числа людей, обратившихся к специальному регулируемому государством рынку медицинского страхования, учрежденному в соответствии с положениями закона 2010 г. «О защите пациентов и доступном здравоохранении», значительно превысили прогнозируемые показатели, опровергнув мнение оппонентов реформы, полагавших, что инициатива Барака Обамы не вызовет интереса у населения. Во-вторых, значительная доля людей, обратившихся за помощью к государству, не имела ранее возможности купить полис медицинского страхования, таким образом, целевая аудитория реформы была охвачена новыми мерами правительства. В-третьих, этнические меньшинства, за исключением испаноязычных лиц, в пуле вновь застрахованных представлены пропорционально своей доле в населении, что опять-таки свидетельствует об определенном успехе реформы, ведь именно эти группы населения испытывали трудности с доступом к здравоохранению. В-четвертых, доля людей до 34 лет оказалась достаточно велика вопреки опасениям, следовательно, не стоит ожидать существенного повышения страховых взносов в период следующего этапа регистрации людей для приобретения полисов медицинского страхования осенью 2014–весной 2015 г.

Список литературы

1. Gaal M. Impact of the health insurance marketplace on participant cost sharing for pharmacy benefits. – Brookfield: Milliman, Inc., 2014. – 6 p.
2. Goldman D., Orszag P. The growing gap in life expectancy: using the future elderly model to estimate implications for social security and Medicare // American economic

- review. – Pittsburgh: American economic association, 2014. – Vol. 104, N 5. – P. 230–233.
3. Lee R. Macroeconomic consequences of population aging in the United States: Overview of national academy report // American economic review. – Pittsburgh: American economic association, 2014. – Vol. 104, N 5. – P. 234–239.
 4. Health insurance marketplace: summary enrollment report for the initial annual enrollment period. – Wash, D.C.: DHHS, 2014. – 45 p.
 5. Ho K., Pakes A. Physician payment reform and hospital referrals // American economic review. Pittsburgh: American economic association, 2014. – Vol. 104, N 5. – P. 200–205
 6. Sheiner L. Macroeconomic impact of population aging. The determinants of the macroeconomic implications of aging // American economic review. – Pittsburgh: American economic association, 2014. – Vol. 104, N 5. – P. 218–223.

Е.А. Пехтерева

СТРАХОВАНИЕ ВКЛАДОВ И ПОДДЕРЖАНИЕ СТАБИЛЬНОСТИ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ (Обзор)

Международный опыт свидетельствует о том, что главной целью создания системы страхования депозитов является содействие устойчивому развитию и стабильности финансовой системы страны путем снижения у владельцев застрахованных депозитов стимулов к их изъятию из банков из опасения потерять свои сбережения.

Цели и задачи, которые ставятся перед системой страхования депозитов при ее создании, определяют набор функций и полномочий, которыми наделяется орган, управляющий системой, – страховщик депозитов. В соответствии с действующим законодательством Агентство по страхованию вкладов (АСВ) выполняет несколько взаимосвязанных общественно значимых функций: страхование вкладов физических лиц, осуществление полномочий конкурсного управляющего (ликвидатора) банков и предупреждение банкротства банков. Недавно АСВ было наделено еще одной важнейшей функцией – страхование пенсионных накоплений россиян. Выполнение агентством всех этих функций обеспечивает устойчивое развитие и стабильное функционирование отечественной финансовой системы.

Страхование вкладов физических лиц

В соответствии с законом «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» основная цель системы обязательного страхования банковских вкладов – защита сбережений населения, размещаемых во вкладах и на счетах в российских банках на территории России [Федеральный Закон., 2003].

Если у какого-то банка отзывается лицензия, его вкладчикам в короткие сроки (14 дней) выплачивается возмещение по вкладам в установленном размере (700 тыс. руб.). Расчеты банка с вкладчиком по суммам, превышающим страховую выплату, проводятся уже в ходе ликвидационных процедур в банке.

Согласно мировому опыту, оптимальный размер страховой защиты должен быть на уровне одной-двух долей ВВП на душу населения. Сумма – 700 тыс. руб., считают многие специалисты, вполне адекватна тому уровню экономического развития, на котором сейчас находится Россия. Однако сегодняшний размер страхового возмещения был введен еще 1 октября 2008 г. В середине 2013 г. Министерство финансов внесло на рассмотрение в правительство законопроект о повышении страхового возмещения до 1 млн руб. Как отметил министр финансов А. Силуанов, произошло обесценение размера страхового возмещения на 30%, и сегодня 700 тыс. руб. реально составили бы всего 500 тыс. Кроме того, министерство хотело бы дать дополнительный импульс для повышения доверия населения к банкам и увеличить ресурсную базу банков. Законопроект принят в первом чтении, однако окончательное решение вопроса отложено до 2015 г. [Правительство одобрило...].

С момента создания АСВ страховое возмещение получили 1127,5 тыс. вкладчиков в размере 311,2 млрд руб. На конец 2013 г. объем застрахованных вкладов составил 16,6 трлн руб. Вклады и счета, средства на которых полностью застрахованы, составили: по количеству – 99,4%, по сумме – 52,4% всех застрахованных обязательств банков перед вкладчиками. Размер страховой ответственности агентства (потенциальные выплаты) на конец 2013 г. составил 10 874,5 млрд руб. В относительных числах этот показатель составил 65,5%. Таким образом, выполняется главная задача системы страхования вкладов – защита интересов массового вкладчика [Отчет АСВ..., 2013].

Быть банком – агентом АСВ престижно и выгодно. По некоторым оценкам, 70% вкладчиков банков-банкротов после получения в банке-агенте страховых выплат переходят к ним на обслуживание [АСВ проредило..., 2009]. Финансовой основой системы страхования вкладов является Фонд обязательного страхования вкладов [Федеральный Закон..., 2003, ст. 33]. Размер фонда по состоянию на 4 июля 2014 г. составляет 122,5 млрд руб. (за вычетом сформированного резерва для выплат по наступившим страховым случаям – 107,1 млрд руб.). Руководители АСВ рассчитывают, что

в 2014 г. в фонд поступит еще примерно 88 млрд руб. [АСВ показало..., 2013; Государственная корпорация Агентство...].

Фонд обязательного страхования вкладов формируется и растет за счет единых страховых ежеквартальных взносов банков. Ставка страховых взносов банков устанавливается Советом директоров агентства и не может превышать 0,15% средней величины вкладов за квартал. В случае дефицита фонда ставка страховых взносов может быть увеличена до 0,3%, но не более чем на два расчетных периода в течение 18 месяцев. В 2008 г. ставка страховых взносов в Фонд обязательного страхования вкладов была установлена на уровне 0,1% и с тех пор не менялась.

Если дефицит Фонда обязательного страхования вкладов составит не более 1 млрд руб., правительство РФ может выдавать АСВ беспроцентные бюджетные ссуды. Если этот дефицит превысит 1 млрд руб., правительство РФ вносит в Государственную Думу предложение о внесении изменений в Федеральный закон о федеральном бюджете на соответствующий год [Федеральный Закон..., 2003, ст. 41].

В настоящее время активно обсуждается вопрос, особенно волнующий крупные банки: о дифференцированной шкале отчислений банков в Фонд страхования вкладов в зависимости от их рисков. Сейчас, когда все банки ежеквартально отчисляют в фонд 0,1% от находящихся в них вкладов граждан, основные расходы по формированию фонда несут Сбербанк, у которого чуть меньше половины рынка частных вкладов, и банк ВТБ-24 с долей рынка около 6% [Государственная корпорация Агентство...].

Расчеты специалистов говорят о том, что фонду никакого серьезного дополнительного притока средств дифференциация отчислений не принесет, объем взносов вырастет всего на 1–2%. Но с точки зрения дисциплины, считают специалисты АСВ, это должно принести определенные плоды. На следующем этапе предлагается перейти к полноценной, многофакторной системе дифференциации взносов, которая должна учитывать достаточность капитала банка, качество активов, уровень ликвидности и т.п. По расчетам специалистов, этот подход должен заработать с 2015 г. [АСВ показало..., 2013].

По закону средства Фонда страхования вкладов могут быть инвестированы в государственные ценные бумаги Российской Федерации и субъектов РФ, депозиты Банка России, акции, облигации и ипотечные ценные бумаги российских эмитентов, ценные бумаги международных финансовых организаций, допущенные к

размещению и (или) публичному обращению в России. Не допускается инвестирование средств фонда в депозиты и ценные бумаги российских кредитных организаций. Все доходы, получаемые АСВ от инвестирования средств фонда, идут на его пополнение. На 1 января 2014 г. общая сумма доходов от инвестирования средств фонда за 2013 г. составила 14,9 млрд руб., доходность инвестированных средств – 6,6% годовых. Таким образом, проводя в 2013 г. в целом умеренно консервативную политику, агентство обеспечило необходимые денежные средства для страховых выплат [Отчет АСВ..., 2013].

По состоянию на 25 июля 2014 г. участниками системы страхования вкладов являются 868 банков. В этих банках сосредоточено 99,6% всех денежных средств населения. По данным на 1 июля 2014 г., с момента создания АСВ произошло 185 страховых случаев. 127,5 тыс. вкладчиков получили страховое возмещение в размере 311,2 млрд руб. [Государственная корпорация Агентство...].

В своей деятельности АСВ нередко сталкивается с серьезными проблемами. Так, в последнее время участились случаи разного рода мошенничества в процессе возмещения застрахованных средств граждан при банкротстве банка. Так, некоторые вкладчики, разместившие в банке намного больше 700 тыс. руб., в преддверии краха банка дробят сумму крупного депозита на несколько вкладов подставных лиц, с тем чтобы вернуть свои средства полностью за счет системы страхования. На подобные сомнительные операции приходится примерно 11% предотвращенного в 2013 г. АСВ мошенничества. Другой тип мошенничества обусловлен тем, что система страхования вкладов защищает только физических лиц. Компании, обязательства перед которыми погашаются только после расчетов с гражданами, иногда пытаются замаскировать свои средства под счета и вклады физических лиц и получить их полностью из Фонда страхования вкладов. Это вдвойне незаконно, поскольку в таком случае наряду с попыткой неправомерного получения страхового покрытия также нарушаются права других кредиторов. На такие операции приходится примерно 12% объема выявленных мошенничеств. Мошенничества первого и второго типов в определенной мере схожи и совершаются по инициативе клиентов, когда рынок полнится слухами об отзыве лицензии. Без помощи сотрудников банка, чаще всего среднего звена, сделать это невозможно. Внутри АСВ этих мошенников называют «дробильщиками».

Третий тип мошенничества представляет попытку прямо похитить часть средств Фонда страхования вкладов. Для этого соз-

даются (разумеется, лишь на бумаге) вклады, которых в реальности никогда не существовало. И после отзыва у банка лицензии мошенники пытаются получить якобы причитающуюся им страховку. Это уже самое настоящее преступление без каких-либо смягчающих обстоятельств, и оно не может быть совершено без соучастия руководства банка. На мошеннические действия этого типа пришлось 77% суммы предотвращенного АСВ ущерба государству. Так, в начале 2013 г. после отзыва лицензии у дагестанского Трансэнергобанка почти сразу же выяснилось, что в нем сфабрикована фиктивная задолженность по 6500 вкладам на 4,8 млрд руб. Попытка еще более крупной аферы была предпринята в другом дагестанском банке под названием «Экспресс». В его отчетности оказались несуществующие обязательства перед примерно 11 тыс. человек на сумму более 7 млрд руб. По фактам попытки хищения средств фонда возбуждены уголовные дела. Ни один мошенник денег не получил и желающих судиться с АСВ не было. 95% судебных дел по мошенничествам первого и второго типов разрешается в пользу АСВ.

В 2012 г. в Уголовный кодекс (УК) была внесена специальная поправка, определяющая новый состав преступления – мошенничество в сфере страхования и уже вынесены первые обвинительные приговоры [Исаев Ю., 2013].

Функции конкурсного управляющего при банкротстве банков

По данным на 25 июля 2014 г., агентство осуществляет функции конкурсного управляющего (ликвидатора) в 145 банках. Объем требований 163,5 тыс. кредиторов к этим банкам составляет 544 715,10 млн руб. С начала своей деятельности АСВ участвовал в ликвидации 350 банков. Агентство реализует полномочия конкурсного управляющего (ликвидатора) через своих представителей.

По статистике, примерно 80% банкротств банков носят криминальный характер, что, конечно, является запредельным уровнем. В соответствии с действующим законодательством агентство проводит работу по выявлению обстоятельств банкротства кредитных организаций. В случае установления признаков преднамеренного или фиктивного банкротства агентство направляет материалы по этим фактам в правоохранительные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в отношении виновных лиц [АСВ проредило., 2009].

По мнению специалистов, деятельность АСВ в качестве конкурсного управляющего (ликвидатора) нежизнеспособных банков обеспечила прозрачность расчетов с кредиторами, более полное удовлетворение их требований, сократила расходы на ликвидацию банков и значительно уменьшила сроки конкурсного производства по сравнению с ранее существовавшей практикой.

Предупреждение банкротства банков

С октября 2008 г. на АСВ возложены функции по предупреждению банкротства банков, являющихся участниками системы страхования вкладов. Для этих целей из федерального бюджета агентству выделено 200 млрд руб., кроме того, предусмотрена возможность предоставления АСВ кредитов Банком России и использование средств Фонда страхования вкладов.

По состоянию на 1 июня 2014 г. общий размер финансирования мероприятий по финансовому оздоровлению банков с учетом погашения их основного долга составляет 544,4 млрд руб., из которых за счет средств Банка России профинансировано 399,99 млрд руб., за счет имущественного вноса Российской Федерации в АСВ – 137,86 млрд руб., за счет средств фонда обязательного страхования вкладов – 6,55 млрд руб.

На 1 июня 2014 г. агентство принимает участие в финансовом оздоровлении девяти банков. Санация семи банков осуществляется с привлечением инвесторов. В двух банках («Российский капитал» и «Эллипс банк») агентство осуществляет мероприятия по финансовому оздоровлению без участия инвесторов, являясь основным акционером этих банков. В отношении четырех банков («Электроника», «Московский капитал», МЗБ (ЗАО) и «Мой банк. Ипотека») состоялась передача части их имущества и обязательств в финансово устойчивые банки. Завершены мероприятия по финансовому оздоровлению четырнадцати банков [Государственная корпорация Агентство...].

Решение об участии агентства в мероприятиях по предупреждению банкротства того или иного банка принимает Банк России. Затем АСВ оценивает финансовое положение банка и либо принимает решение о своем участии в предупреждении банкротства, либо отказывается от участия в восстановлении банка, если уровень затрат АСВ будет неоправданно высоким. Тогда у банка просто отзывается лицензия, а вкладчикам выплачивается страховое возмещение.

Предусмотрено также и государственное софинансирование. Законом предложены три основных механизма предупреждения банкротства банка.

Первый – оказание финансовой помощи новому инвестору, который входит в капитал банка и самостоятельно осуществляет меры по предупреждению банкротства, принимая на себя ответственность за дальнейшую судьбу банка. Инвестор обязуется разработать план финансового оздоровления банка, согласовать его с АСВ, а затем ежемесячно направлять в АСВ отчет о ходе выполнения запланированных мероприятий. В случае выявления нецелевого использования полученных от агентства денежных средств, а также если финансовое положение инвестора не позволяет ему осуществлять запланированные мероприятия, он обязан возвратить полученные средства в полном объеме. Таким образом, ни о какой безвозмездной и бесконтрольной раздаче государственных средств речь не идет.

Второй механизм – перевод активов и обязательств проблемного банка в здоровый банк, который принимает на себя обязательства перед вкладчиками несостоятельного банка. На соответствующую сумму ему передается часть сохранившихся активов банка. Для вкладчиков сохраняется полноценное банковское обслуживание на прежних условиях. Передача активов и обязательств – достаточно распространенная практика решения проблем банков. Она предусмотрена законодательством США, Канады, Испании, большинства стран Латинской Америки, Филиппин, Турции, Румынии, Казахстана и Кыргызстана. Мировой опыт свидетельствует о достаточно высокой эффективности данного инструмента финансового оздоровления банков.

Третий механизм реализуется при отсутствии нового инвестора, но при необходимости санации банка. АСВ само становится его основным акционером и самостоятельно реализует программу его финансового оздоровления по двум основным направлениям – урегулирование задолженности перед кредиторами и комплексная реорганизация бизнеса банка и систем его управления. Для возвращения докризисных позиций каждому банку подбирается особая рыночная ниша, пересматриваются технологии продвижения банковских продуктов, выстраивается система бюджетных заданий и лимитов на финансовые операции. Вносятся изменения в организационную структуру и кадровую политику.

Как только АСВ находит инвестора, оно обязано продать свою долю в уставном капитале банка на открытых торгах. То есть

государственное вмешательство в банковский сектор не ведет здесь к национализации.

Три описанных механизма предупреждения банкротства банка определяют общую схему действий агентства. Выбор того или иного механизма реструктуризации проблемного банка в значительной степени зависит от состояния его активов [Федеральный Закон..., 2003; Турбанов А., 2009, № 3, с. 9–13.].

Ряд схем, выявленных АСВ в проблемных банках, были чисто мошенническими. АСВ не ограничивается отстранением бывших собственников saniрованных банков от управления и обращается в правоохранительные органы с заявлениями о возбуждении уголовных дел по статьям «хищение» и «злоупотребление полномочиями» [АСВ показало..., 2013].

Возврат вложенных государственных средств максимально обеспечен залогом имущества saniруемых банков и инвесторов. Объектами залога являются права требования по кредитам, недвижимость, ценные бумаги. Сейчас скопилось активов на 165,65 млрд руб. В мае 2013 г. АСВ начало продавать имущество, доставшееся от saniруемых банков. В первую очередь были выставлены на реализацию объекты недвижимости и земельные участки [АСВ показало..., 2013].

Гарантирование пенсий

В соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. «О гарантировании прав застрахованных лиц в системе обязательного пенсионного страхования Российской Федерации», вступившим в силу с 1 января 2014 г., в России создана система гарантирования пенсионных средств граждан. Эта система призвана обеспечить сохранность номинала всех поступлений на пенсионные счета россиян для расчета предстоящей пенсии. В случае, если пенсия уже назначена, ее размер гарантируется полностью.

Для обеспечения функционирования системы страхования пенсионных накоплений в АСВ создается Фонд гарантирования пенсионных накоплений (ФГПН), который формируется за счет взносов НПФ и ПФР. Предельные ставки гарантийных взносов составляют: для НПФ – 0,025% от суммы переданных ему накоплений, для ПФР – 0,0125%. Источником средств для взносов будет инвестиционный доход пенсионных фондов, а при его отсутствии – средства накоплений; у ПФР – еще и пени, недоимка, штрафы, доход от временного размещения средств до передачи их в НПФ, не

разнесенные по индивидуальным счетам средства. Фондам также рекомендовано формировать собственный резерв средств и направлять в него 0,5% от накоплений (ПФР – до 0,25%).

Если НПФ не прошел проверку или не заявил в отведенный срок о намерении ее пройти, он не сможет заключать новые договоры по обязательному пенсионному страхованию. Имеющиеся средства накоплений ЦБ спишет и переведет в ПФР – за исключением сумм, необходимых на выплаты тем, кому уже назначена накопительная пенсия или их правопреемникам.

За убытки фондов станут отвечать контролирующие НПФ лица – ими могут быть все, кто может прямо либо косвенно влиять на управление средствами фондов. За фальсификацию, сокрытие информации или уничтожение отчетности фонда в Уголовный кодекс вводится статья, которая предусматривает до четырех лет лишения свободы и штраф в размере дохода за 1,5 года. Чтобы отслеживать сделки фондов, их обяжут хранить базу с ежедневными операциями в течение пяти лет, закрывая каждый операционный день направлением материалов регулятору. Так ЦБ собирается бороться с операциями, совершенными задним числом. Таким образом, НПФ приравняли к банкам.

Ставка взносов сейчас одинакова и для консервативных, и для рискованных стратегий и получается, что система гарантирования пенсий никак не связана с рисками пенсионных фондов. Участие АСВ предусмотрено только тогда, когда фонд обанкротится. Такое устройство системы гарантирования будет побуждать фонды уходить в консервативные инструменты, считают специалисты, что может сказаться на уровне будущих пенсий [Кувшинова О., 2013].

АСВ будет осуществлять также функции ликвидатора негосударственных пенсионных фондов, осуществляющих деятельность по обязательному пенсионному страхованию, а также полномочия конкурсного управляющего в делах о банкротстве таких негосударственных пенсионных фондов.

АСВ вправе передать обязательства и имущество находящегося на грани банкротства НПФ Пенсионному фонду России или другому НПФ. План АСВ по спасению фонда может включать в себя помимо передачи обязательств и оказания финансовой помощи полную реорганизацию фонда, а также выкуп агентством ценных бумаг, в которых размещены пенсионные резервы или же инвестированы накопления.

Специалисты считают, что введение такой системы санации и ликвидации обоснованно. Пока никаких громких банкротств

пенсионных фондов не было, но некоторое число некрупных и не слишком устойчивых фондов сейчас являются потенциальными клиентами АСВ. В настоящее время на рынке действуют 20 проблемных фондов [Метелица Е., 2013].

Обеспечение прав вкладчиков на территории Крыма

Важнейшей задачей для АСВ стало сохранение финансовой стабильности на территории присоединенного в марте 2014 г. к России Крыма. До присоединения Крыма к России на полуострове функционировало более 20 украинских банков с капиталом порядка 1,7–1,9 млрд долл. (20–22 млрд гривен) и имеющих более тысячи отделений [АСВ откроет...]. По российскому законодательству в стране не могут работать филиалы иностранных банков, какими стали украинские банки на территории Крыма. Банк России постепенно начал выносить формальные решения о прекращении деятельности структурных подразделений украинских банков на территории Крыма. На основании решения ЦБ России обязательства перед вкладчиками принимает на себя Агентство страхования вкладов.

На территории Крыма закрылись государственные украинские банки: Ощадбанк, созданный на базе украинских отделений Сбербанка СССР (второй после Приватбанка банк Украины по размерам активов и объему привлеченных депозитов), Укргазбанк; частные украинские банки, в том числе крупнейший частный банк Украины Приватбанк, а также все иностранные и международные банки: Альфабанк Украина, Райффайзенбанк (имел в Крыму 32 отделения). Остатки на счетах крымских вкладчиков оказались замороженными, поскольку украинские банки не имеют права их возвращать. Граждане, которые, наоборот, хотят отдать банку деньги по кредиту, перечислить их из Крыма тоже не могут. По предварительным оценкам, украинские банки должны крымчанам около 50 млрд руб. и примерно столько же жители Крыма должны им по кредитам. Коммунальные услуги можно оплатить в местном ЧБРР (Черноморский банк реконструкции и развития), учрежденном правительством Крыма. Деньги можно переводить только внутри Крыма. Деньги в Россию и из России можно перевести почтой [Боярский А., 2014].

На территории Украины доступ к своим средствам могут получить клиенты Приватбанка, которые выехали из Крыма на постоянное место жительства в другие регионы Украины или фак-

тически не проживают в Крыму [Ukrainian banks...]. На смену украинским банкам в Крым приходят российские банки, которые или уже работают под санкциями, или ничего не опасаются. Сегодня в Крыму уже работают 22 российских банка: самый известный из них банк «Россия» (15-е место по активам). Крупнейшая сейчас в Крыму кредитная организация – это Российский национальный коммерческий банк (РНКБ) (609-е место в России по размерам капитала – 56 млрд долл.). Этот банк, не опасаясь санкций, которые были наложены на него уже в июле 2014 г., решил развернуть свою деятельность на полуострове и уже имеет там более 150 отделений [Боярский А., 2014].

В середине апреля 2014 г. на территории Крыма начали функционировать отделения АСВ. По оценкам специалистов, более 85% вкладчиков Крыма имеют вклады, подпадающие под страховую сумму в 700 тыс. руб. Выплаты осуществляются по установленному ЦБ курсу гривны к рублю – 3,1 гривны/руб. На депозитах физических лиц в украинских банках в Крыму на настоящий момент хранится 10 млрд гривен (т.е. более 30 млрд руб.) [Дементьева К., Никифоров В., 2014].

Кроме того, было принято решение о создании автономной некоммерческой организации Фонд защиты вкладчиков (ФЗВ), который, в частности, выкупает у вкладчиков банков, зарегистрированных на территории Крыма и Севастополя, права по вкладам в случае принятия решения о ликвидации или неисполнения обязательств перед вкладчиками и осуществляет компенсационные выплаты в установленных законом случаях на сумму до 700 тыс. руб. физическим лицам, зарегистрированным на территории округа. Выплаты производятся в отношении денежных средств, размещенных в банках, действующих на территории Крыма и имевших лицензию ЦБ Украины на 16 марта 2014 г. [АСВ откроет..., 2014].

С момента начала работы фонд принял 237 тыс. заявлений от вкладчиков украинских банков, прекративших работу на территории Крыма. В настоящее время ФЗВ принимает заявления на выплату компенсаций от клиентов 38 украинских банков. На территории Крымского федерального округа действуют 224 пункта приема заявлений в 42 населенных пунктах [Калюков Е., 2014].

С самого начала деятельности АСВ в Крыму проявились проблемы. Украинские банки, покидающие Крым, не могут, не нарушая украинского законодательства, предоставлять данные своих клиентов в ЦБ или АСВ. И ни один из покинувших Крым банков не передал в АСВ электронную базу данных вкладчиков, что су-

ущественно осложняет для АСВ анализ ситуации. Имеются только данные на бумажных носителях в крымских офисах украинских банков [Дементьева К., 2014].

Теоретически АСВ даже готово обсуждать с банками, которые хотят и могут расплачиваться по своим крымским обязательствам на Украине, вопрос о передаче фонду их обязательств перед вкладчиками с последующей компенсацией этих средств агентству со стороны украинских банков [Дементьева К. Как Россия..., 2014].

В отсутствие информационного взаимодействия между украинскими банками и российским фондом крымчане теоретически могут претендовать на свои вклады дважды: и в Крыму, и на Украине. Однако вряд ли крымские вкладчики массово будут пользоваться этой лазейкой хотя бы потому, что въезд на Украину затруднен, в частности, для россиян-мужчин в возрасте от 16 до 60 лет [Ukrainian banks..., 2014].

За три месяца построения в Крыму новой банковской системы число отделений российских банков, осваивающих Крым и Севастополь, заметно выросло. По данным российского ЦБ, по состоянию на 9 июля 2014 г. в регионе действует уже 421 банковское отделение. Таким образом, российские банки на 70% заместили сеть двух крупнейших покинувших Крым украинских игроков – Приватбанка и Ощадбанка, у которых в совокупности было 587 отделений в регионе. И почти наполовину (42%) – общую сеть украинских банков в Крыму (было порядка 1000 отделений). Лидером крымского рынка остается – РНКБ (у него 65% всех работающих в Крыму банковских отделений – 275). По количеству отделений РНКБ уже опередил Ощадбанк (в Крыму у него было более 250 отделений), но масштаба регионального присутствия Приватбанка в Крыму (337 отделений) пока не достиг. Всего в Крыму действуют 22 российских банка. Еще в начале апреля таких банков было всего 6 [Шестопа О., Дементьева С., Кывыржик И., 2014].

В заключение необходимо отметить, что результаты деятельности АСВ наглядно проявляются на фоне динамики вкладов частных лиц в отечественных банках. Сбережения граждан – важнейший инвестиционный ресурс для развития экономики. Сегодня они составляют более четверти ВВП страны и около 30% пассивов банковской системы. К началу 2014 г. совокупный объем вкладов населения в банках превысил 17 трлн руб. [Мирошников В.А., 2013].

Список литературы

1. Федеральный Закон «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» № 177-ФЗ от 23 декабря 2003 г. – <http://www.legis.ru/misc/doc.php?id=3275>
2. Мирошников В.А. АСВ как гарант стабильности банковской системы / Выступление первого заместителя генерального директора В.А. Мирошникова на конференции «Бизнес и банки Северо-Запада: Обеспечение устойчивого развития». – 31.10.2013. – Режим доступа: http://www.asv.org.ru/agency/appearance/302261/?sphrase_id=739422
3. АСВ откроет представительство в Крыму. – Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20140402/1002180351.html#ixzz34JFR9JFi>
4. АСВ показало, что в России можно создать эффективную организацию» – интервью генерального директора АСВ Юрия Исаева // Ведомости. – М., 2013. – 8 апреля. – Режим доступа: http://www.asv.org.ru/agency/appearance/295597/?sphrase_id=739422
5. АСВ проредило банковскую очередь // Коммерсантъ. – М., 2009. – 29 апреля. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=674174e2-f0ac-40b1-8e3b-0b24d9575c3f&docsid=1163302&stamp=634000484877420940>
6. АСВ растягивает оздоровление // Коммерсантъ. – М., 2009. – 15 дек. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=cb36ef74-e48f-4293-9844-a702ede17d71&docsid=1292989&stamp=634000451529109164>
7. Боярский А. Вклад «замороженный» // Коммерсантъ-Деньги. – М., 2014. – № 21. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2475560?isSearch=True>
8. Государственная корпорация Агентство по страхованию вкладов. – Режим доступа: <http://www.asv.org.ru/>
9. Дементьева К. Как Россия готовится к крымским выплатам // Коммерсантъ. – М., 2014. – 16 апр. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2453533>
10. Дементьева К. Приватбанк не смирился с потерей Крыма // Коммерсантъ. – М., 2014. – 19 июня. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2493898?isSearch=True>
11. Дементьева К. Своим платят дважды // Коммерсантъ. – М., 2014. – 26 июня. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2459931>
12. Дементьева К., Никифоров В. АСВ готовится к Крыму // Коммерсантъ. – М., 2014. – 14 апр. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2452089>
13. Исаев Ю. «Дробильщики» и «художники»: Как мошенники пытаются получить возмещение несуществующих вкладов // Ведомости. – М., 2013. – 27 июня. – Режим доступа: http://www.asv.org.ru/agency/appearance/297596/?sphrase_id=739422
14. Калюков Е. Вкладчикам покинувших Крым украинских банков выплачено 10,9 млрд руб. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/economics/14/07/2014/936240.shtml>

15. Кувшинова О. Плата за пенсию // Ведомости. – М., 2013. – 7 окт. – Режим доступа: <http://www.asv.org.ru/agency/publication/300986/>
16. Метелица Е. Агентство по спасению пенсий // RBC Daily. – М., 2013. – 9 сент. – Режим доступа: <http://www.asv.org.ru/agency/publication/299155/>
17. Отчет АСВ за 2013 г. – Режим доступа: http://asv.org.ru/agency/annual/2013/html/pages/page1_1.html
18. Правительство одобрило повышение страхового возмещения по вкладам с 700 тыс. до 1 млн руб. – Режим доступа: http://www.asv.org.ru/agency/publication/297218/?sphrase_id=739540
19. Турбанов А. Участие Агентства по страхованию вкладов в предупреждении банкротства кредитных организаций // Деньги и кредит. – М., 2009. – № 3. – С. 9–13.
20. Шестопал О., Дементьева С., Кывыржик И. Крым накрывает банковской сетью // КоммерсантЪ. – М., 2014. – 10 июля. – С. 1.
21. Ukrainian banks quit Crimea. – Mode of access: <http://rt.com/business/ukraine-banks-close-crimea-572/>

Экономические и социальные проблемы России
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА В ПОИСКАХ МОДЕЛИ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ:
ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

2014 № 2

Сборник научных трудов

Редактор-составитель выпуска –
канд. экон. наук **Ивановский Борис Георгиевич**

Технический редактор Л.А. Можаяева
Компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 24/X – 2014 г. Формат 60х84/16

Бум. офсетная № 1. Печать офсетная Свободная цена

Усл. печ. л. 9,75 Уч.-изд. л. 8,5

Тираж 300 экз. Заказ № 147

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел/Факс (499) 120-45-14
E-mail: inion@bk.ru

E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

